

ГРАНИ
ВЫБОРА

ВЕРА КАМША

ДЕТИ
ВРЕМЕНИ
ВСЕМОГУЩЕГО

ИЗБРАННЫЕ
МИРЫ

Грани выбора

Вера Камша

Дети Времени всемогущего

«Автор»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Камша В. В.

Дети Времени всемогущего / В. В. Камша — «Автор»,
2023 — (Грани выбора)

ISBN 978-5-04-171090-3

Когда-то в этом мире жили титаны, божественно прекрасные и почти бессмертные. Люди тоже жили, но о них не думали, даже когда они подняли восстание. Время шло... Когда-то на этой земле чужаки, отдавая вedomый лишь им долг, заступили дорогу неодолимому врагу, хотя могли уйти. Ввязываясь в безнадежный бой, они думали лишь о том, как выиграть несколько часов, а обрели почти вечность. Когда-то в этой стране безвестный капрал стал величайшим из императоров, удержав свою будущую империю на краю пропасти. Уничтожившие титанов люди захотели возродить величие уничтоженных. Не все люди, но порой хватает и одного. Случайные охотники, сами того не зная, повторили былой подвиг и пали жертвой вечной подлости. Преемники так никем и не побежденного императора объявили войну его памяти. И проиграли. Время идет... Время вечно. Люди и титаны, аристократы и плебеи, воины и шелкоперы, победители и побежденные, герои и подлецы – все они дети Времени Всемогущего и его же покорители, и наездники.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171090-3

© Камша В. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Стурнийские мозаики	8
Боги смотрят	9
Часть первая	9
I	9
II	13
Часть вторая	17
I	17
II	19
Имя им – легион	24
Часть первая	25
Часть вторая	30
I	30
II	32
Часть третья	35
I	35
II	38
Рыжий вечер	43
Часть первая	44
I	44
II	48
Часть вторая	55
I	55
II	59
III	62
И вновь на весну надеюсь...	65
Часть первая	66
I	66
II	70
III	72
Часть вторая	76
I	76
II	80
III	81
К вящей славе человеческой	86
Часть первая	88
Глава 1	88
1	88
2	89
3	90
Глава 2	92
1	92
2	94
3	95
Глава 3	97
1	97
2	98

3	100
Глава 4	102
1	102
2	103
3	105
Глава 5	106
1	106
2	107
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Вера Викторовна Камша

Дети Времени всемогущего

Сборник

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Камша В.В., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Стурнийские мозаики *Цикл повестей*

*Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.*

Эдуард Багрицкий

*Невероятно до смешного:
был целый мир – и нет его...*

Георгий Иванов

Автор благодарит за оказанную помощь ведущего научного сотрудника Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктора исторических наук Игоря Юрьевича Шауба¹.

¹ Автор и его консультант осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что фавны и кентавры проходят по разным ведомствам, прокуратор – всадническая должность, римское имя должно быть трёхкомпонентным, ланг не является оружием легионера et caetera, но где Рим, а где – Стурн и тем более Эпокарийское царство.

Боги смотрят

Часть первая
Эпокарія
7711 год от знаменія Стурнийского

I

Мозаичник был худ, как жердь, а двое из троих его приятелей – полнотелы и румяны. От возбужденья и избытка вина. Напряженье третьего – гнедого кентавра – угадывалось по тому, как красновато отблѣскивала в чуть раскосых человеческих глазах недобрая лошадиная

звезда. Кентавра Асон знал, хоть и не слишком близко, его сотрапезников видел первый раз в жизни и, очень на то походило, последний.

– Я не пью перед боем. – Асон решительно прикрыл ладонью достойный Царя Эпокарийского кубок. – И вам не советую. Может, сперва вы и станете храбрыми, но потом вы станете мёртвыми.

Сонэрг с силой стукнул кованым копытом о мрамор и засмеялся, вернее, заржал. Мозаичник торопливо выпил, сосед Асона справа, кажется, храмовый каллиграф, махнул красивой длиннопалой рукой.

– Осторожность нас спасёт, если мы удерём, а удирать некуда. То есть нам некуда... Вот слюдяниц и голубей я выпустил...

– Ты выпустил слюдяниц?! – Разом подобранный кентавр принялся разглядывать пол. – Куда?

– В водосборник, – успокоил каллиграф. – Может, выплывут.

– Или вылезут в Нижних храмах, – осклабился Сонэрг, – и поприветствуют икдутских ублюдков. У них это выйдет лучше, чем у вас.

– Я выпью и что-нибудь напишу, – вдруг заявил третий, до того сосредоточенно тарашившийся на сваленное в углу оружие. Оно тоже было бы достойно Царя, будь Царь достоин его. – Вот напишу, и всё! Напоследок... От души и для души. Раз в жизни можно, а, «звёздный»? И к горгонам форму! Судить будут не жрецы, а боги. Им вряд ли важны размер и рифмы.

– Богам ничто не важно, – фыркнул кентавр, и Асон вспомнил, как давным-давно выпытывал у старины Сонэрга, на кого ставить. Тот подсказывал с такой же брюзгливой миной. Разумеется, если не дрался сам.

– Богам ничто не важно, – назойливо повторил гнедой. – Иначе б они кого-нибудь уже испепелили. Не вас, так икдутов, будь они прокляты, но боги, будь они прокляты тысячу раз, только смотрят!

– Сонэрг, – не очень уверенно попросил каллиграф, – не кощунствуй.

В ответ кентавр хрюкнул и выплеснул в свою кашу едва ли не бочонок красного, даже не подумав смешать его с водой. Случайные сотрапезники, бронзовые и мраморные изваяния, накрытый прямо в недостроенном храме стол – все это казалось бредом, но бредом последние годы было все, от взбесившихся людей до бросившего скипетр Ниялка. Сорок с лишним лет бреда – это слишком, но конец был очевиден и близок. Его оттягивали не из страха и даже не из ненависти к взбунтовавшейся глине, а по привычке. Драться до последней возможности, не складывать оружие, а упав, подниматься. Этому «звёздных» учили всю жизнь, это и было их жизнью, которая принадлежала Небу и Царю, только Небеса молчали, а Ниялка вспоминать не хотелось. Царь своё получил, и в этом не было ни радости, ни горя, разве что извращённая справедливость. Отрёкшийся владыка умер, и умер страшно. Некогда светлое царство, от которого он отрёкся в надежде сохранить – нет, не жизнь, тогда ей ничего не грозило – покой, ещё билось в агонии.

– Ну и зачем я тебя привёл? – Повеселевший Сонэрг отпихнул свой котёл и опустил на плечо Асона покрытую почётными татуировками ручищу. Человек рухнул бы на пол со сломанной ключицей, титан лишь поморщился:

– Откуда мне знать? Может, память?

– Может. – Второй ручищей кентавр подгрёб к себе мозаичника. – Помнишь, как я уделал белоногого?

– Это ведь был твой первый венок? – переспросил мозаичник. – Я тогда здорово просадился...

– Не ты один! Давай ключ – выйду. Храм всё-таки...

– Зачем? – не понял каллиграф. – Всё равно завтра эти...

– Вот потому и выйду. Не хватало, чтобы тут скотство нашли!

– А... Всё равно скажут...

– Скажут – да. – Сонэрг зло сощурился. Именно с таким взглядом он выходил на ристалище. – Только это будет враньём! Я согласен на любое враньё, но не на правду, которая понравится иклутам. Они вас ненавидят, но вы для них все ещё боги. Извольте таковыми и сдохнуть!

* * *

– Пора, друзья. – Идакл оглядел смотревших на него воинов и твёрдо повторил: – Пора. Хватит тянуть. Весной на месте их проклятых лабиринтов должны зазеленеть оливковые рощи. Земля и воды должны давать, а не брать!

– Зачем торопиться? – Невкр, сводный брат вождя, обезоруживающе улыбнулся и подул на горячую, только с огня, лепёшку. – Каждый лишний день – подкрепление для нас и отчаянье для них. Оливы смертны, но живут долго, что для них одна весна? Она ничто даже для нас, а мы свои годы в отличие от белобрысых считаем. Глупо позволять им забирать нас с собой.

– Ты ешь давай! – засмеялся вождь. Сегодня он ужинал у костров лекавионской фаланги. Значит, завтра лекавионцам выпадет самое трудное и самое почётное.

– Я ем. – Стратеги Идакла от простых воинов отличались лишь двойными плащами – алыми, скрывающими кровь, днём, белыми, указывающими путь, ночью. – Только у скольких из сидящих возле этого костра есть сыновья?

– Хорошо, если у трети, – негромко предположил Идакл. – Свобода – бог молодых, но ждать опасней, чем драться. Мы загнали титанов в нору и раздавили их гордость, но они могут опомниться. Или сойти с ума. И то и другое нам обойдётся дороже штурма, ведь Линдеи даже не крепость. И не забывай: войску нужно есть, и есть хорошо. Земледельцы и пастухи и так отдают нам больше, чем могут, мы не вправе объедать их ещё год. Война – это вытопанные поля, необработанные сады, нерождённые дети... Сорок лет... Я старше большинства из вас, но и я не помню мира. Пора положить этому конец. Копейщик, с кем ты согласен? Со мной или с моим братом?

От неожиданности Тимэзий вздрогнул. Он сражался с белобрысыми восьмой год и в свои двадцать пять по праву считался ветераном, но «говорить» с титанами было проще, чем отвечать вождю. Горло отчего-то перехватило, и этим воспользовался паршивец Клибнт.

– У меня нет жены! – выпалил он и отчаянно покраснел. – Но у меня шестеро братьев. Младших... Если меня убьют, они останутся, и они... будут счастливы!

– И они, – очень серьёзно подтвердил Идакл, – и тысячи, десятки тысяч других. Те, кто завтра умрёт, умрут за них. И станут бессмертными. Память живущих и есть наш элизий! Иного вечного блаженства мы не ищем, да его и нет!

Я не раз говорил, что Линдеи должны быть разрушены, а Стурнон – сожжён. Мы для них ничтожные «иклуты», они для нас – мертвецы. Я говорил это, когда нас били, я говорил это, когда мы в первый раз устояли, я говорил это вчера у костров ионнейцев. Сейчас я говорю это вам. Впереди – победа. Окончательная. Истинная. Победив, мы, дети Времени, братья Свободы, мужья Гордости, создадим своё царство, царство людей, в котором все будет зависеть от нас: ведь наши боги всегда с нами. Их не нужно отливать в бронзе и переводить на них мрамор. Плодоносящая олива – вот наш бог. Память, которую мы передадим сыновьям, – вот наш бог. Свобода и гордость, дети и любимые – вот наши боги. Мы не строим им капищ, мы носим их в сердцах.

Мы – пчёлы Времени Всемогущего, нам отпущен малый срок, но падающие звёзды, сгорающая, вершат судьбы мира и указывают путь. Пусть каждый из нас не так уж и силен, но кто одолеет Рой? Мы собираем мёд для своих детей, и отжившим своё титанам не встать на нашем пути. Готовьтесь к штурму, друзья. Первыми заговорят тараны кентавров, вторыми – ваши копья и пращи. Постарайтесь как следует выспаться и не забывайте: наша сила в плече това-

рища. Держите строй. Не отрывайтесь друг от друга, не торопитесь, не опускайте щитов... Воин, а ведь я вспомнил твоё имя. Ты – Тимезий, один из уцелевших у Ионнейского брода. Ты ещё добыл у титана копье, оно с тобой?

– Я переделал его под свою руку...

– Он его не только переделал. – Полусотник Арминакт гордился успехами подчинённых сильнее, нежели собственными. – Наш Тимезий объяснил троим белобрысым, что их Время пришло.

Вождь удовлетворённо кивнул, Невкр вновь светло улыбнулся: на счету брата вождя было не меньше дюжины титанов, а Идакл, пока стратеги не запретили ему видеть бой иначе, чем со спины коняги, прикончил десятка два. Что в сравнении с этим трое ополченцев, пусть и выше тебя на две головы?

– Я ещё не встречался с мечеглазами, – честно признал Тимезий.

– И ещё ты не ответил на мой вопрос. – Идакл в отличие от брата почти никогда не улыбался. – Тебя опередил товарищ, но ты видел больше него. Присмотри за ним в бою. Пусть у матери останутся все сыновья. Все семеро.

На этот раз Клионт промолчал и даже уставился на свои сандалии. Тимезий ухватил мальчишку за ухо.

– Я так и так это делаю, вождь. И я согласен: Линдеи должны быть разрушены. Войну пора кончать.

* * *

– Любуешься? – Сонэрг соизволил заговорить, когда Асон напрочь забыл об уединившемся на заваленном строительным хламом дворе кентавре. – Иклуты так не построят...

Вышедший подышать «звёздный» не ответил, зачем? Ночь, как назло, выдалась безоблачной, и Линдеи тонули в лунном молоке. Пустота и резкие чёрные тени превращали ещё живой город в зависший на границе небытия призрак, но галереи, статуи, храмы существовали, и их следовало защищать. Если позволить людям пройти до самого Стурнона без боя, они заподозрят ловушку, и потом, не бросать же всё это просто так! Молчание богов и слабость царя смыли со щитов их имена, но сами щиты остались.

Сзади совсем по-лошадиному вздохнул Сонэрг. Он тоже смотрел. Кентавров, тех, кто сохранил верность, в Линдеях не набралось бы и сотни, и Асон уже перестал понимать, почему они здесь. Прежде это казалось в порядке вещей: титаны – избранные Небом господа, кентавры, фавны и горгоны – их ближайшие и вернейшие слуги. Мир вспыхнул сухой соломой, горгоны вспомнили о крыльях, фавны попрятались, кентавры приняли сторону людей, а Сонэрг со товарищи наплевали на мятежных сородичей, и теперь те спят и видят переломать по новой традиции «отступникам» все ноги. Почему кентавры изменили, Асон понимал, почему изменили не все – нет.

– Сонэрг! – Гнедой прожил достаточно много, даже больше, чем Асон, вдруг сможет объяснить? – Почему ты здесь?

– Потому что пока не сдурел. – Могучая нога одним ударом разнесла в щепки пустой бочонок. – Справедливости им хочется, как же! Справедливость, это когда первый – первый, последний – последний, и все знают цену всем. Я на ристалище первый уже третью сотню лет. Не случись этой дури, ещё б столько продержался. Ну а всяким одрам это поперёк горла, только в первые им не выйти, вот и бесятся. Думают, я мешаю, а дело – в них. Я, может, завтра околею, только навоз навозом от этого быть не перестанет, так и с иклутами. Ну, выбьют они вас, а дальше? Всё равно в сорок останутся без зубов, в пятьдесят – без девчонок, а в семьдесят сдохнут. И чтобы я такое на спину сажал?!

Всадников на кентаврах Асон помнил. С них поражение и началось, с них и с того, что у людей появился вождь. «Звёздный» невольно потянулся к мечу. Отдав Небу положенное и выслужив личный клинок, он не думал когда-нибудь вновь войти в здешний Лабиринт. Носитель звезды мог жениться, зажечь собственным очагом, иметь ребёнка... Они с Интис хотели сына. То, что пришлось встать между святынями и низкорослым визгливым сбродом, до сих пор казалось невероятным. Циклопы, вернувшиеся из-за моря изгой, драконы, наконец, – это было бы понятно, но люди?!

– Я понял, почему ты не с ними. Только это не повод подышать с нами. Ты мог просто уйти. Фавны так и сделали.

– Эти?.. – Сонэрг смачно фыркнул. – Привалившиеся спиной к стволу оливы... Со свирелями и козлиными задницами. Тоже вымрут. Скоро и пакостно. Вот на это я бы глянул. И на тех дураков, кому вы глаза застите. Так застите, что собственного дерьма не разглядеть... Ничего, насладятся ещё. Царство радости, счастье для всех... Тьфу! Видал я такое в садке со слюдяницами. Есть кого жрать, жрут. Нет – жрут друг друга, вот и считай: вам, бессмертным, конец, а тут – мы. Понравится иклутам, что полускотам по тысяче лет отмерено? Вы нам с одного бока наподдали, они с другого врежут, с завистливого. А назад их не загнать, разве что боги наконец зачешутся. Пошли, выпьем, что ли.

– Иди.

– А ты?

– Я – в Стурнон, – внезапно решил Асон. – Вряд ли я завтра до него... доживу.

– Пить и в самом деле хватит, а дрыхнуть не выходит. – Сонэрг как-то странно протянул руку. – Влезай!

– На тебя? – Отречение Ниалка и то было не столь невозможным. – Верхом?!

– А то, Время тебя за уши! Хочу сбежать на ристалище... В одиночку – тошно, наши... те, кто не сдурел, не поймут, а тут – ты.

– Я не «краснорукий».

– А где те «краснорукие»? Лезь! А в Стурнон успеем!

Больше Асон не спорил. Безумная ночь требовала безумств и боялась пустоты, а на линдейском ристалище он провёл не худшие часы. Сонэрг принял с места коротким галопом. В Лабиринте проживший в Линдеях чуть ли не всю свою жизнь кентавр разбирался не хуже жрецов и стражи. Мимо проносились громады зданий, белели рёбра галерей, жёлтыми звёздами вспыхивали костры или распахнутые двери. Послышался звон струн, женский – Всесоздатель, тут остались женщины! – голос запел хвалу вечерней звезде и утонул в цокоте копыт. Следующая песня за следующим поворотом была мужской и пьяной. Её тоже надолго не хватило...

II

Справа от почти полной луны догоняли друг друга две звезды – красноватая и ласково-голубая. Смерть и Жизнь. Дочери Времени Всемогущего. Сестры никогда не ссорятся. Смерть берет то, что не может удержать в горстях Жизнь. Жизнь собирает то, что потом отдаст Смерти. Завтра они поделят пришедших к Линдеям, а пока здесь властвует луна. И мешает спать. Тимезий ткнулся лицом в верный мешок, но ни плотно прикрытые веки, ни потёртая овчина не спасали от настырного светила. Копейщик сдался, перевернулся на спину и открыл глаза.

Луну медленно рассекало узкое облако, единственное на небе. Выше звёздные Кони рвались из рук Колесничего, в ногах его валялся никому не нужный Венец. Ночь перевалила за половину, но до рассвета было неблизко. Последняя ночь перед последним штурмом... Тимезий слишком хорошо знал титанов, чтобы не понимать: бой будет страшным. Сломать церемониальные ворота, пусть и замурованные, для коняг – игрушки, но дальше придётся туго.

Стараясь не шуметь, человек вытащил копьё и кусок козьей шкуры – протереть наконечник. Это хоть как-то отвлекало от лезущей в душу луны и неуместных перед схваткой мыслей, а жить хотелось всё сильнее. Отчаянно, испуганно, как, наверное, никогда раньше. Клионт тоже не спал, но иначе. Мальчишка и так ждал штурма, словно совершеннолетия, а тут его ещё Идакл заметил! Как же после такого вернуться в плащ и засопеть? Как вообще спать под такой луной?!

– Тимезий, – прошипело у самого уха, – ты чего не спишь?

– Не хочу. А вот некоторым не мешало бы...

– И я не хочу. – Клионт перешагнул через Матрею, зацепился за мешок и почти свалился у погасшего костра, чудом не отдавив ноги спящему Арминакту. – Какое оно у тебя всё-таки...

– Такое, – усмехнулся копейщик, – только не больно-то хватай. Грани – хоть брейся!

– Сам не порежесь!.. Хорошо тебе, а моим плащ не сразу пробьёшь... Слушай, ты белобрысого вместе со щитом к дереву пришилишь?

– Я тебе не коняга! Пробить панцирь сил, пожалуй, хватит, но лучше изловчиться руку или ногу подрезать... Ты Невкра спроси, он – лучший.

– Брата вождя?!

– А что? С Идаклом вы теперь приятели...

Замолчал. Думает... А луна все пляшет. По плащам спящих и мраморным восьмиугольным плитам. По краю разбитого фонтана, в былые годы поившего паломников. По наконечнику отложенного в сторону копья... Тимезий видел, как в руках опытных воинов-колесничих копья с такими наконечниками рубят людям руки и головы не хуже тяжёлых секир, а при колющем ударе пробивают тела насквозь... Те, кто перемолол под Ионнеями две фаланги, наверняка теперь в Линдеях. За смешной стеной... За истончающейся ночью... В лабиринте колесницам не развернуться, но мечеглазам они не нужны, да и «краснолапых» вряд ли всех выбили. Это только говорится «последний штурм», а после него ещё добирать и добирать.

– Тимезий!

– Чего ещё?

– А как ты у Ионней? Как ты того белобрысого?..

– А то ты не слышал! – Вспоминать о поражении перед боем – дурная примета. Перед боем вспоминают о победах, но... Но ведь ты, именно ты, тогда победил. Любой ценой выносить отбитые копья – приказ вождя. Прежде всего – оружие и раненые, а мёртвые уже мертвы. Земля одна на всех, это титаны, пока могли, волокли покойников, что познатней, в свои некрополи, людям довольно памяти и победы.

– Расскажи... А то Арминакт всего не видел.

– Арминакт и не мог, он в это время пытался нашу полусотню к холму отвести... А получилось так – когда в первой же схватке удалось «краснолапого» прикончить, мы было решили, что белобрысы прыги-то поубавят, остановятся, мы их на топкое место и загоним. Только не срослось. То ли вёл их кто другой, то ли всё у них навыворот, но озверели они совсем и так врезали, что коняги наши и те сплеховали, да... Не все, но нам хватило. Я с краю стоял, ну кентавры нас, удирая, и задели, человек пять с ног сшибли. Меня тоже. Пока поднялся, фаланга отступила, а белобрысы уже близко... Хорошо, Пифар, вожак, последним шёл, вот я ему на спину и сиганул. Коняги такого не любят, но тут не до ссор было. Он за своими помчался, чтобы вернуть, ну а мне куда деваться, держусь. А тут белобрысый сбоку, и откуда только взялся?.. Меня в расчёт не принял, на Пифара копьём нацелился. Ну, я с ходу со спины Пифаровой и прыгнул. Повезло, как раз в жизни везёт, – мечом прямо в горло попал. Копьё подхватил, Пифар ржёт, довольный, сам меня на спину забросил, и вперёд.

– А меч, ну, который с камнем?

– Так то не мечеглаз был, обычный копейщик, таким длинный меч не положен. А даже и был бы – зачем он нужен...

– Я бы не бросил.

– Ты ещё истукана с площади подбери! Ну выволок бы я эту красоту, а дальше что? Меч без своего мечеглаза хуже собаки без хозяина, та хотя бы сразу недохнет. Уж не знаю, как белобрысые это делают, только в чужих руках меч до первой крови живёт, а дальше – всё! Полклинка – в пыль, рукоять, как из горна, а тебе – конец...

– Тогда ещё больше надо... Ну, набрать таких мечей... Может, их переучить как-то можно. Кровь им свою для начала дать или ещё что?

– А то без тебя никто не догадался! Нет уж, пусть сгинут вместе с хозяевами, а выплавлять железо не хуже мы научимся. Своё и по-своему!

– Тимезий?

– Ну?

– А почему они «краснолапые»?

– Наручи у них красные, – неохотно пояснил Тимезий, и дело было не в том, что не хотелось пугать мальчишку – Клионта нельзя было напугать. – Болтают, что первый «краснолапый» голыми руками разорвал кентавра в самом толстом месте. Царю белобрысых это понравилось, вот и стали лучшие мечеглазы «краснолапыми».

– Брехня! – убеждённо объявил Клионт. – Кентавр – та же лошадь, а лошадь не разорвёшь.

– Лошадь, может, и не разорвёшь, – поддел проснувшийся Матрей. – А тебя – запросто!

– А вот и нет! Ты его раньше заколешь!

– Эй, – хрипло пообещал разбуженный Арминакт, – заткнулись бы, что ли. Я вам не «краснолапый», но как раздеру!

Клионт прыснул первым, но полусотник с Матреем отстали ненамного.

* * *

Жрецов вывели ещё вчера, но храмовый огонь горел, а в священном бассейне журчала вода. Асон чуть разжал пальцы, и зерна пшеницы тоненькой струйкой потекли в пламенную чашу. Обычная жертва воина перед битвой, но Асон принёс ещё и сорванные у входа мальвы. Плоды – Солнцу и Пламени, цветы – Луне и Воде... В память Интис, которую он назвал бы женой, не пойдя всё прахом. Интис нашла иной алтарь. Кто-то шепнул, что Небо ждёт настоящих жертв, и началось... Они это делали по доброй воле. Не все, разумеется, но делали. Женщины, старики, подростки убивали себя, чтобы те, кого они покидают, победили. Уцелевшие к тому времени старейшины не рискнули запретить жертвоприношения, возможно, тоже верили, что поможет. Не помогло...

Прощальные цветы тихо упали в священный бассейн, медленно, очень медленно закружились, отдаляясь от мраморной кромки. Война с людьми тоже была водоворотом: державу сносило к невидимому жерлу, но понимали это немногие. Ниалк их не слушал, а ведь можно было успеть... Выжечь, договориться, уйти, да что угодно, только не ждать грозы под деревом, заткнув уши. Время было – полыхнуло не сразу и не везде. Пока «звёздные» гоняли иклутов по северо-восточным лесам, те ударили по земледельческому востоку. Ударили так, что вскоре спастись там стало нечего и некого. Первыми это поняли горгоны и исчезли. Их осуждали, но не слишком: летунам было нечего защищать, и хорошо, что они просто убралась за море. Кентавры, те припомнили запрет на жизнь в двенадцати городах, лишение права на вход в храмы, скачки и бои, наконец... Обида слуг, слабость жрецов и старейшин, молчание Небес, они всё и решили.

Асон окунул пальцы в воду, смочил виски и поднялся к древней алтарной плите, узоры на которой вырезали ещё те, с кем говорило Небо. Принёсший жертву мысленно перечисляет тех, за кого просит. «Звёздный» пытался вспомнить нуждавшихся в его молитве и не мог. Они

все ушли раньше – оказавшаяся в центре резни родня, погибший почти сразу наставник, Интис и её мать... Асон был согласен умереть, сражаясь, но прижать к груди сдюжницу, чтобы кто-то услышал и ответил?! Наверное, Интис любила сильнее. Наверное – потому что он её почти забыл, а ведь не прошло и двадцати лет!

Он забывал, гоня лезущие изо всех щелей людские стаи и убивая. Стоя на месте и убивая. Отступая и убивая. Хуже всего пришлось в осаждённых Ниннеях, городе тысячи лиловых колонн. «Звёздные» смогли вырваться и оттуда. И снова схватки, одна страшней другой, и все впустую... Когда в строю осталась едва ли треть, а пробиться к столице не удалось, командир, последний «краснорукий» их отряда, решил идти в Линдеи – там Стурнон, Благодатный и Небоугодный. Его надо защищать, а жрецы скажут, что делать. Пошли... На полдороге, у Ионнейского брода, угодили в ловушку. Копьё несшегося галопом кентавра пробило щит и бедро командира, а секиры людей, скопом накинувшихся на упавшего, довершили дело. Вспыхнувшая в уцелевших ярость позволила не просто прорвать окружение, а изрубить большую часть ненавистных иклутов в куски. Остатки врагов бежали, позволив титанам добраться до берегов Стурна.

Новости, которыми встретили Линдеи, убили и гордость от одержанной победы, и надежду. Столица пала, когда они подходили к Ионнеям. Величайший из городов превратился в величайшую из могил – живых люди не оставляли. Теперь полчища двигались к Линдеям, а отступать было некуда. Кто-то, услышав такое, кинулся на меч, кто-то побрёл куда глаза глядят, кто-то обрёл волосы и поднял паруса в надежде найти приют у извечных врагов. Асон не осуждал никого, но самоубийство, бегство и плен были ему равно отвратительны. Он остался в Линдеях ждать последнего боя, и их, ждущих, было не так уж и мало. Достаточно, чтобы превратить знаменитый Лабиринт в ещё одну могилу. На этот раз для иклутов.

Вечный ветер Стурнона больше не охлаждал виски – вода высохла, теперь мысли паломника известны Всесоздателю. Отцу богов. Небу, которое лишь смотрит. Что ж, пусть знает... Прощаясь, Асон коснулся алтарной плиты и вдруг осознал всем своим существом: он в самом деле в Стурноне. Пустом. Ночью. Один. И это конец Эпокарийского царства и конец титанов, пусть разбежавшиеся и протянут по разным углам ещё не одну сотню лет.

Путь назад был недолог, но цветов в бассейне уже не было – водоворот не мешкал. Завтра, послезавтра, через неделю воды великого озера возьмут больше, много больше... От ворот Свитков до Стурнона паломники доходили за час, но они шли по цветам, а люди пойдут по собственным трупам. Ну и по трупам «звёздных», разумеется.

Последняя ступенька. Лунный прямоугольник двери, и чёрный силуэт на пороге. Сонэрг, и как же хорошо, что он здесь!

– Не думал, что ты станешь ждать.

– Не на своих же двоих тебе тащиться – рассвет на носу... И потом... Вот.

Гроздь чёрного винограда, незрелая, ещё с листьями... Как же он пахнет, только что сорванный виноград!

– Отнеси туда... От меня и за всех наших.

– Но почему не ты сам?!

– Полускот, вошедший в освящённый храм. – Сонэрг хохотнул и резко стукнул копытом о камень. Брызнули искры. – Да не в какой-нибудь, а в Стурнон! И «звёздный» на карауле. Кому рассказать...

– Некому рассказывать. И мешать некому, нет там никого. Иди, я подожду.

– Не пойду! – Кентавр мотнул волосами, словно злющий жеребец – гривой. – Раньше, было дело, залезал. Служил тут один, за подсказку на ристалище не только полускота в храм пускал, сам бы кобылой стал... Я и требовал бочонок ниннейского, чтобы выпить у бассейна. Ничего, приволок, выпили... А сейчас иди ты!

– Да почему, приברי тебя Время?!

– А потому! Одно дело – дурачить жрецов, другое – лезть в Стурнон, когда всё кувырком... Нет уж! Пока мне запрещали дураки, я на них плевал. Теперь запретить мне могу только я. И я запрещаю. Отнесёшь?

...Бассейн принял виноградную гроздь, как часом раньше мальвы. Асон не отрывал взгляда от закружившей добычу воды до самого конца. Мысли о прошлом постепенно уходили, словно их вымывало из гудящей головы. Мысли о будущем приходили не желали, и понятно – будущего просто не было. Оставалось лишь осознание настоящего и места его, Асона, в этом настоящем: он – «звёздный», и он будет защищать Линдеи и тех, кто не ушёл. Просто будет, и всё.

Часть вторая

I

Взошедшее солнце ударило в эгиду венчавшего колонну колосса, и Тимезий признал правоту вождя. Это надо снести. Пока над тобой высится золотой истукан, ярма с души не сбросишь, будь ты хоть сто раз победителем.

Таран мерно бил в ворота. Фаланга ждала своего часа в боевом строю, только копья пока упирались в землю, а щиты висели на своих ремнях. Ворота падут, и воины двинутся вперёд извилами лабиринта, с каждым шагом приближая победу, с каждым шагом теряя своих... Тимезий завертел головой, всматриваясь в лица товарищей и встречая взгляды, повторявшие его собственный. Арминакт, Гистий, Матрей... Они не знали, не могли знать, кто дойдёт до победы, кто хотя бы до берега Стурна, кто – ляжет у самых ворот. Умереть в последнем бою казалось особенно обидным, а ведь, было дело, Тимезий боялся умереть, отступая. Те, кто учил его, храброго, но неумелого, выживать и побеждать, почти все погибли, а он учился, и ему, кроме того, везло. Вот и смог дойти до этого гиблого места.

Хрустнуло – дышавший в затылок Клионт раздавил какой-то черепок. Орудующих тараном коняг с места, где стояла полусотня, было не разглядеть, и парень таранился на сверкающего истукана. Главный бог титанов. Небо, прекрасное и недостижимое. Бесплодное. Гордое. Неизменное и меняющееся. Что в сравнении с ним смертные муравьи? Всё! Потому что изгой и бог изгоев Время оскопил надменного отца. Потому что дети Времени свободны и знают радость любви и победы. Пусть они смертны, зато они живут!

– Клионт! – окрикнул Тимезий. – Нашёл куда смотреть...

– Что? – Дуралей не знал, что боги порой замечают и муравьёв, а дожить хотелось. Дожить и увидеть то, за что не жаль сдохнуть, но лучше всё-таки уцелеть.

– Ничего. Двинемся – от меня ни шагу. Понял?

Клионт кивнул и опять запрокинул голову. Пришлось врезать по курчавому тёплому затылку.

– Сказано, не смотри! Вот когда вернёмся...

– Ладно тебе. – Мальчишка широко улыбнулся, он не умел злиться на своих. – Здорово же! Надо вместо этой дуры наверх что-то затащить... Или огонь зажечь, чтоб как в порту, только больше. Пусть горит и не гаснет...

– Ишь ты! – присвистнул Арминакт. – Чтоб не гас, значит? А хворост наверх кто таскать будет?

Клионт насупился и притих. Придумывает какую-нибудь корзину на верёвках или ещё чего-нибудь, а маяк, как его ни назови, и правда не помешает. Оливы и огонь, Жизнь и Смерть, что волею Времени Всемогущего владеют всем, кроме душ человеческих.

– Хватит зевать! – Арминакт привычно перехватил копьё. – Коняги своё отколотили, дело за нами.

* * *

Асон не видел, как погибал Сонэрг. Может, он ещё и не погиб, но сердце словно бы сжало за мгновение до того, как сигнальные гонги принесли весть: враг на площади Свитков. С таранами управлялись кентавры, и они же первыми устремлялись в пробитую брешь. Разгорячённых, осыпанных каменной крошкой отступников встречали сохранившие верность. Битвы кентавров были страшны даже на ристалище, недаром туда пускали лишь совершеннолетних мужчин, что уж говорить про нынешние схватки, где конская ярость сплелась с человеческой ненавистью, а ненавидят люди лучше других. Ненависть начинается там, где кончается вечность, вот она и началась.

«Звёздный» сидел на мраморной глыбе, которой так и не стать колонной. Шурился на солнце. Слушал растекающийся по улицам глухой рёв. Ждал. В Лабиринте кентаврам-чужакам придётся плохо. Таранщиков людскому вожаку не сдержать, но когда они лягут, вперёд пойдут люди. Этих встретит ополчение. И не остановит. Ополченцы вправе отступать без приказа, они и отступят. Люди бросятся следом, растекаясь по Лабиринту, теряя строй, забираясь все глубже и глубже... Кто-то упадёт у недостроенных храмов, кто-то найдёт конец у ристалища, кто-то прорвётся к озеру... Сонэргу следовало находиться там, но он пошёл к воротам. «Я не желаю видеть иклутов в Линдеях и не увижу. Пока я жив, они не пройдут, когда они пройдут, не будет меня...» Гнедой знал, чем скоро станет Стурнон, и всё равно сделал по-своему. «Стены Линдей святы...» Стены ли?

Родись Асон четвероногим, он бы дрался рядом с Сонэргом, но «звёздные» будут исполнять приказы, хотя бы рушилось небо, а последний приказ был прост, понятен и не вызывал сомнений. Глупо умирать, забрав с собой десяток, если можешь забрать сотню, а повезёт, так и больше.

– Всё.

– Да, это уже не кентавры...

Люди тоже в бою кричат, но их крики после яростных хриплых визгов – почти тишина. Тишина, которая приближается, а перед ней прибоем катится стук копыт. Вот и они... Шестеро. В мыле и крови, но, кажется, не ранены. Сонэрга нет, а спрашивать – дурная примета. Отвечать, впрочем, тоже. Значит, просто встать и поднять руку.

– Уходящие в бой приветствуют вас.

– Мы к Стурнону, – кидает на бегу рыжий белоногий бородач. – Мы всё помним.

– Мы скажем и за вас, – добавляет ещё один, молодой и златокудрый. Асон видел его на ристалище. Или не его?

– Вы за нас, – подтверждает «звёздный», но он, Асон, ещё и за Сонэрга, Интис, троих вчерашних чудаков... За кружащие в бассейне цветы и огонь, который хотят погасить.

Снова гонги: ополченцы, удерживавшие Хранилища, просят помощи. Они продержались даже дольше, чем требовалось, но ремесленник или художник, пусть и в лучшем панцире, всё равно не воин. Асон привычно коснулся меча, пробуждая заключённую в рукояти «звезду». В глубине полированного камня вспыхнул малиновый огонёк, почти невидимый в солнечных лучах. Почему его «звезда» горит малиновым? Почему о таком задумываешься тогда, когда не остаётся времени ни на что?

– Половина – к недостроенным храмам, – велит начальник, пробуждая уже свой меч. – Остальные – здесь.

Половина «звёздных»! Как звучит, если не пересчитывать...

II

Линдеи на памяти Тимезия были не первым взятым городом, но в опутавшем храмы лабиринте копейщик чувствовал себя юнцом почище Клионта. Пауки, те свою паутину знали, но гостям, да ещё столь нежеланным, приходилось плохо. Белобрысы выскакивали из узеньких боковых улочек, прыгали с крыш, вылезали из вовсе непонятных укрытий и убивали, убивали, убивали, чтобы вновь исчезнуть в проклятом Временем лабиринте. То есть пытались исчезнуть, но удавалось это не всем и не всегда: люди умели учиться.

– Это последний бой, друзья! – не поймёшь в который раз крикнул оказавшийся рядом Невкр. – Несколько часов, и – все... Победа!

Последний, но как же обидно за тех, кто уже не дожил... Упал Гелитат, и тут же – на него – Гистий. Отшатнулся, ткнулся лицом в трижды проклятый линдейский мрамор Детий. То ли ранен, то ли мёртв. Последний бой... Последний! Платить дюжиной своих за одного титана горько, только что поделаешь – здесь по-другому быть не может.

Навстречу прохромал серый кентавр; он припадал на заднюю ногу, как обозная кляча, и то выл в голос, то ругался последними словами. Потом упал на бок, тоже по-лошадиному, и забил ногами. В боку торчал обломок стрелы, рана казалась совсем лёгкой...

– Не лезть внутрь! Улицы... Пока только улицы! – Другой кентавр, на нём – воин в плаще сотника.

– Только улицы, – подхватывает Арминакт. – В храмы не лезть – змеи... Только жечь!

Змеи! Их Тимезий боялся с детства. Больше стрел и клинков. Больше подползавших к самой деревне крокодилов.

– Гады, – топают ногой Клионт. – Гады прячутся за гадов! Но это же... Это...

– Это титаны! – зло бросает Тимезий, обходя затихшую тушу. Их полусотня вступала в город пятой, а теперь они идут первыми. Была лекавионская фаланга, осталось... Мало осталось, но золотой истукан не будет унижать людей, хватит!

Топот, яростный боевой визг сзади. Отскочить к стене, оттолкнуть дурака Клионта. Ну и что, что свои?! В бою коняги дуреют! Хриплый крик, ругань. Так и есть, кого-то зашиб! Гигантский гнедой кентавр даже не оборачивается на сбитого, заносит копьё! Кто-то ещё успевает заорать о предательстве.

Арминакт. Теперь ещё и Арминакт!.. Гнедая смерть издевательски хохочет и исчезает в очередном отнорке. С крыш свистят стрелы, две находят свою цель...

– Вперёд, Лекавион! Этот бой... последний! Вперёд!..

Невкр уже без шлема, красный плащ мечется языком ещё не вспыхнувшего пламени, зовёт, приказывает, умоляет. Те, кто шагает рядом, – почти все чужие... Конец полусотнику, конец полусотне. Конец?! Они с Матреем живы! И мальчишка Клионт жив.

– Вперёд, друзья, впе...

Ярость разгоралась с каждой новой потерей, потому они и кинулись на вынырнувшую из дыма блестящую троицу. Тимезий бежал первым, по сторонам не смотрел. Не смотрел и вверх...

– Вверху... зий!!!

– Стой!

Запоздавшее предупреждение заглушил треск валящихся глыб.

Товарищи остались позади, за мигом перекрывшим проулок завалом, но Клионт каким-то чудом проскочил сквозь камнепад и встал рядом. А впереди... Белобрысы. Трое. В своих проклятых панцирях, с гигантскими двухлезвийными секирами. Все преимущества за ними, но твари медлят... Растерялись?!

Чутьё выжившего в десятках схваток война бросило Тимезия к высившимся у золочёной оградки врагам. Копьё с тяжёлым, чужого металла наконечником змеёй скользнуло мимо выставленной вперёд секиры и с хрустом проломило панцирь. Скривилось не скрытое полумаской шлема надменное лицо... Точно так же открылся рот у прибитого к стене Арминакта. Точно так же!

Умиравший осел у ног торчащих столбами соплеменников. За плечом торжествующе завопил Клионт, а эти двое... Время Всемогущее – струсили! Швырнули свои секиры, повернулись и огромными шагами понеслись назад, туда, где в просвете между стен виднелась какая-то площадь. И ещё что-то большое, с колоннами, на другом её краю.

* * *

Асон даже не успел устать, он только разогрелся. Сначала бой у Хранилища, потом суматошная схватка на Фонтанной площади, несколько стычек с заплутавшими в незнакомых переходах сворами. Перед давешним храмом пришлось отбиваться от пары вконец обнаглевших кентавров, решивших, что справятся с одиноким мечником в ближнем бою. Не справились, конечно...

Пока все шло сносно, то есть сносно для тех, кто думает лишь о деле и живёт единым мигом. «Звёздные» большего и не хотели. Один Асон к полудню взял дюжины две иклутов, а бой ещё даже не выплеснулся к ристалищу.

– Жив? Наших не видел?

Сосед из третьей сотни. Носитель бирюзовой звезды. Был весельчаком. Когда-то.

– Видел. Отходили к водосборникам.

– Сколько?

– Было... было девять!

– Спасибо... А я вот ваших не видел. Порадовать нечем.

Как и огорчить. Храм – нараспашку, наверняка после вчерашнего осталось и вино, и вода, а пить хочется! Всесоздатель, только этого и хочется!

– Проверьте, что там, – чужой десятник, пробегая, устало тычет мечом влево, – а мы – к перешейку! Гоните туда всех. Всех! Хватит тут...

* * *

– Клионт, стой! Стой, кому говорят, одному опасно...

Проклятое копьё удалось выдернуть из туши белобрысого лишь с третьего раза. Вот ведь тварь мясистая!.. И ты хорош, нечего было так стараться! Подсёк бы ноги, и хватит, небось не коняга, чтоб одним ударом – насквозь, а теперь поди догони!

Несколько лишних мгновений, всего ничего, но приятели убитого почти доскакали до угла. Захлёбывающийся от восторга Клионт нёсся следом, потрясая своим копьем. Дурак напрочь забыл про осторожность, и всё же... Тимезий даже замер на пару ударов сердца, уж больно зрелище радовало душу: здоровяки-титаны, побросав оружие, удирают от одного – одного! – человеческого юнца, не достающего им и до плеча.

– Стой, осёл!

Мчится вперёд, будто глухой! А кто бы на его месте слушал? Уж не ты ли?!

Копейщик торопливо оглянулся и с досады сплюнул. Улицы за спиной не было. Пара горящих домов, не вовремя рухнувшие истуканы, и они с мальчишкой оказались вдвоём в этой треклятой паутине, отрезанные от своих камнем и огнём. Невкр сейчас ищет путь в обход пожаров, а это непросто. Лучше выждать или пойти на шум, да куда там! Бегущие уже огибают рогатый выступ, ищи потом!..

– Клионт!!! Вот мелочь глухая...

Здоровенное блестящее тело лежит на пути, словно пытаюсь загородить дорогу. Нога встаёт на божественного титана, словно на зарезанную свинью. Вот и лежи... сын Неба. Трус, а два других труса уже скрылись из виду.

– У-лю-лю! – вопит Клионт и тоже исчезает. – У-лю-лю!.. Бей белобрысых!..

* * *

Асон расстался с «бирюзовым» на крыше прилегающего к площади дома. Вдвоём было бы лучше, но раз приказано проверить... Сосед кивнул и помчался верхами к водосборникам, Асон, прыгая с крыши на крышу, рванул к соседней площади. Она была пуста – ни врагов, ни своих, жёлтые ромбовидные плиты блестели, словно их подмели заботливые фавны. Титан спрыгнул вниз и пошёл вдоль стены, вслушиваясь в отдалённый гул, из которого вдруг вырвался топот и вопль... Боевой клич иклутов. Ну хорошо же...

Шаг в нишу, за увенчанный каменной вазой столб. Из чаши спадают плети настурций, кружат равнодушные, как само небо, пчёлы. Топот все громче. Топот и какое-то бряканье. Двое или трое. Не больше. Значит, эта ваза не последнее, что ты увидишь, а вот и они...

Двое выскакивают из-за угла. Ополченцы. Безоружные, с одуревшими лицами и устремлёнными в никуда остекленевшими взглядами, они проносятся мимо. Своих ночных собеседников Асон узнал сразу: похоже, бедняга каллиграф уже погиб, но мозаичник с поэтом ещё поживут. Немного.

Бегом через площадь навстречу иклутскому визгу. Теперь беглецы за твоей спиной, крикнуть бы им... Не поймут, а себя раньше времени выдашь.

– У-лю-лю-ю-ю!..

Первый преследователь уже на площади. Одиночка с копьём. Ни на мгновение не задержавшись, кидается на нового врага. Одиночка – это странно, до сих пор меньше чем десятками иклуты не бегали. Мысль эта пришла уже потом, а сначала «звёздный» просто сделал шаг навстречу и ударил. Быстро и точно, как делал многие тысячи раз. Звякнуло о плиты выпавшее из руки человека копьё, и сам он, с разрубленным боком, рухнул следом.

* * *

Звонкое «у-лю-лю», с которым малыш гнал белобрысых, оборвалось. Это ещё ничего не значило, совсем ничего, но Тимезий побежал быстрее, проклиная жирного титана и собственную нерасторопность. Рогатый угол приближался чудовищно медленно, но человек его все же обогнул. И увидел.

Клионт скорчился на плитах отвратительно-жёлтого цвета. Тёмное пятно, быстро растекавшееся под телом, не оставляло места надежде – если кровь так хлещет, все ясно. Убийца стоял тут же. Один из тех двоих, он больше не думал убежать. Крупный, надменный, в блестящем панцире и шлеме. Тварь, подстерёг за углом и ударил, ах ты...

Ненависть швырнула Тимезия вперёд, но совсем сознание она всё-таки не затмила. И когда титан одним коротким движением перекинул из-за спины на левую руку овальный щит, а правой вскинул меч – проклятье, у него не секира, а меч! – человек успел среагировать. Ноги сами унесли тело вправо, подальше от смертоносного клинка.

Время Всемогущее, попался! Кем бы ни были те трусы, но этот... Навершие длинного меча полыхнуло малиновым, без слов сообщая, с кем Тимезия столкнула судьба. Шансов в поединке не было, это человек понял сразу. И простые титаны сильнее и быстрее людей, так захотели дурные боги, а уж мечеглазы! Что сделает бывший погонщик верзиле, начавшему убивать, когда Тимезия ещё не было на свете?

Бежать? Бесполезно – догонит, и десяти шагов не сделаешь. Значит, драться! Драться и тянуть время. Если подоспеет Невкр, они управятся. И не таких страшил брали...

Стоит, молчит, а с меча капает кровь Клионта. Теперь у матери осталось шестеро, а этот стоит и любит... Ведь проиграл, проиграл же, вот и тянет за собой живое, свободное, юное. Ну что, тварь? Думаешь, твоя взяла? Думаешь, убьёшь? Может, и убьёшь, но тебе тоже конец, не сейчас, так к вечеру...

* * *

Второй оказался умнее и, похоже, опытнее. Почувствовал опасность, успел прянуть в сторону. Замер, расставив ноги, – оценивает... Ну и мы оценим. Для человека – высок, всего на полторы головы ниже титана. Широкие плечи, сносные мускулы... Доспех из простёганной холстины, на бедре короткий меч. Иклутская работа, таким только горло упавшим перерезать, зато копьё! Древко паршивое, а вот наконечник знакомый. Широкий, зеленовато-золотистый, похожий на лист лилии. Трофей, значит, приспособил. И наконечник, и древко под ним – в алых пятнах. Кровь бедняги-каллиграфа? Другого ополченца?

Убить «звёздного» будет потруднее, а, недомерок? Как просто резать тех, кто строил, пел, лечил. Как просто косить траву, а ты сруби громовое дерево. Своим поганым иклутским топором сруби!

Шаг вперёд. Зов «звезды» успокаивает, помогая собраться. Воин без меча порой живёт долго, меч без воина – до первой крови... Жаль «звезду», почти так же, как Стурнон, как мозаики, которых никогда не будет. Жаль?! Нет, мы ещё живы!

А парень соображает. Не бросился бежать, понял, что глупо. Закружил влево, за щит, копьё наготове. Хочет удержать на расстоянии, выиграть время, а там набегут остальные, возьмут в кольцо. Да, иклут, ты, сразу видно, прошёл не один бой. Все делаешь правильно, но и сам ведь понимаешь, что это бесполезно. Ты молишься Времени? Время тебя и предаст!

* * *

Тимезий попробовал «танцевать», поводя копьём и угрожая сразу и уколом в горло, и секущим ударом по ногам. Если повезёт, мечеглаз промешкает. Вбок, ещё вбок... Золото бликов, злой малиновый луч, стук сердца. Конец? Если и так, то лишь твой. Невкр скоро будет здесь, Невкр и фаланга... Назад, чуть вперёд, опять назад. Бережёт ноги? Тогда на волосок вперёд и сразу отступить. Влево. Пусть взглянет в глаза солнцу. Сперва солнцу, потом – смерти. Только бы продержаться! Перейти эту площадь, дойти до озера...

Не вышло. Мечеглаз тянуть не стал. Мгновенно, одним шагом, сократив расстояние, он краем щита отбил в сторону наконечник копья и обрушил на человека смертельный удар. Отскочить Тимезий не успел, но в последнее мгновение кувыркнулся в сторону и вниз, лезвие с тонким свистом пронеслось над самой макушкой. А вот подняться на ноги уже не удалось – проклятый титан развернулся гораздо быстрее. Стоящий на одном колене Тимезий даже не пытался уклониться от падающего ему на голову клинка, вместо этого он ударил сам, надеясь достать врага в бедро. Надежда оказалась тщетной – мечеглаз словно того и ждал. Он лишь немного качнулся, и золотистый тяжёлый листок, предав человека, ударил мимо. Все... Проклятье... Но другие будут жить! Счастливо. Долго... Будут...

* * *

Каллиграф может спать среди лазурных небесных маков. Его кровь смыта, и не только его, но держался икнут неплохо. А, пустое... Это все уже не важно. Теперь вперёд, пока на площадь не вывалилась отставшая толпа. Теперь всё просто. Пока есть силы, он будет убивать, силы иссякнут – умрёт! Пусть остальные отходят, он останется здесь, у недостроенного храма, в который его вчера занесло. Думать поздно. И искать виноватых. Так вышло, так выпал жребий...

Топот за спиной. Кентавр, только чей?

– Нашёлся! Нашёлся, морда твоя «звёздная»!

– Ты кого-то потерял, Сонэрг?

– Тебя и этих... Думал вытащить хоть до вечера... Не идут, а старину Эрсана убили...

Каллиграфа... Где-то здесь.

– Я так и подумал. Похоже, вот этот и убил. Слышишь? Кажется, пролезли...

Приятели покойной парочки? Другие? Не важно. Они идут сюда. Идут умирать.

– Встретим-ка их у колонн, «звёздный». Там удобней.

Бегом, положив руку на лоснящуюся гнедую спину. Так он бежал в школе воинов. Так он бежал в восточных горах, так бежит сегодня, в свой главный день. Почему он почти счастлив? Потому что жив? Потому что отомстил за нелепого, от безысходности влезшего в панцирь бедолагу? Потому что рядом друг? А может, дети Неба просто не могут умирать в страхе и боли, пока светит солнце и горит их «звезда»?

– Забыл вчера спросить, ты не из Нинней?

– Нет. Я с востока, а что?

– Ничего... Уже ничего.

Вот они, икнуты, прут навстречу. Сомкнули щиты, два ряда копий уставились прямо в глаза. По давно заведённой привычке бросить взгляд на «звезду», прося немного удачи, перемигнуться с посланным Небом другом, и вперёд!

– Пожалуй, эти, слева, не слишком уверены в себе, а, «звёздный»? Копья в ручонках дрожмя дрожат. С них и начнём?

– Да, Сонэрг. С них.

Двое ещё не побеждённых. Сотня ещё не победителей. Два десятка шагов до смерти. До победы. До вечности. А боги смотрят. Они могут так мало, эти боги. Только зажечь звёзды в душах и смотреть в огонь.

Имя им – легион

Максиму Максимычу

*Мы несём едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*

Денис Давыдов

*Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...*

Михаил Лермонтов

Часть первая

Стурнийская империя

1102 год Счастливой Эры

Чахлые померанцевые деревья в огромных кадках по обе стороны входа в резиденцию прокуратора напоминали, что ты не на юге, где решается спор Роя и Грифа², и не на севере, где границу прикрывает Октавианов вал и где тоже кипит жизнь, а в самом что ни на есть захолустье. Сухом. Пыльным. Скучном и неизбежном, если хочешь сделать военную карьеру. Сенаторы начинают писцами, военачальники – младшими командирами в забытых Временем крепостях на краю варварских степей. Выдержишь три года, и тебя отправят туда, где ты либо умрёшь, либо пойдёшь в гору, а пока закаляй волю и пиши стихи. Или читай те, что накарывали другие. Не хочешь творить – охоться, пей, таскайся к местным девкам – в свободное от гарнизонного ярма время. Другой дороги наверх в Стурне нет, разве что присосаться к кому-то из уже поднявшихся, но Тит принадлежал к дому Спентадов, а значит, должен был карабкаться на имперскую гору сам.

– Прокуратор ждёт! – возвестил тучный домоправитель, слишком угодливый для свободнорождённого и слишком самодовольный для раба. Вольноотпущенный, надо полагать.

– Иду к прокуратору. – Воин входит с мечом даже в Сенат. Дважды этим пользовались убийцы, но убивать прокуратора Отрамы Тит не собирался. Убивать всех, кто неприятен – это для варварских царьков.

– Кого я вижу! – Плотный бровастый человек с расплостёртыми объятиями устремился навстречу гостю. Гость выдавил из себя улыбку и продолжал улыбаться, пока его плечи сжимали начальственные руки. От благородного³ Нуммы пахло кожей, дымом и слегка – кипарисовой водой для бритья. Прокуратор честно выслужил свою должность, пройдя и юг, и север, и всё же было, было в нынешнем хозяине Отрамы что-то от толстого вольноотпущенника. Эта нарочитая радость от приезда в его – *его* провинцию наследника Спентадов, эта торопливость, смешанная с ненавистной Титу фамильярностью...

– Я – младший трибун Тит Спентад, – чётко доложил молодой человек. – Прибыл в распоряжение прокуратора Отрамы. Воля Сената.

– Спентады могут быть лишь в распоряжении Стурна! – усмехнулся рекомый прокуратор, и Тит вспомнил, что отец подозревал Нумму в доносе на старшего Ферта́ра. Впрочем, заговор существовал на самом деле – на редкость глупый, к слову сказать.

– Прокуратор прав – мой дом служит Стурну и порфириноному Агриппе, но сейчас я в распоряжении прокуратора. Готов отправиться в самую захолустную из крепостей под начало грубейшего из комендантов.

– Второе – к твоим услугам, первое – нет. – Нумма пригладил роскошные, с проседью кудри, и Тит не к месту вспомнил, что Спентады к сорока становятся лысыми, как колено. Самому Титу, впрочем, было лишь двадцать четыре. – Я пошлю тебя в Скада́рию. Тебе что-то говорит это название?

– Крепость. Защищает самый удобный из бродов через Перонт. Заложена сто десять лет назад, в начале нынешнего правления перестроена. Работы окончены в 893 году.

– Узнаю школу Тита Спентада-старшего. – Прокуратор гостеприимно кивнул на накрытый возле окна стол. – Скадария – хорошая крепость. Настолько, насколько восточная крепость

² Золотой Рой («Идакловы пчёлы») и Улей – символы Стурнийской империи. Сжимающий молнии Гриф – символ вечного её соперника Велонской республики.

³ Благородный – в Стурнийской империи титул, означающий принадлежность к одному из 329 семейств, ведущих свой род от легендарного вождя людей Идакла и его братьев.

вообще может быть хороша... Это вино тебе должно быть памятно. Не могу отказать себе в маленьких удовольствиях, разумеется, в счёт жалования, тем паче больших удовольствий здесь не найдёшь. Театры, карнавалы и бега остались в Стурне.

– Я знаю, – улыбнулся в ответ на намёк Тит и отпил. Нумма был неприятен, но если хочешь умирять врагов – начни с себя, а значит, к грифам неприязнь! – Я хотел бы услышать от прокуратора о коменданте.

– Я назначил его в Скадарию в конце весны. Приск груб и навязчив в той же степени, в какой предан и честен. Это не тот человек, с которым приятно обедать, но научить он может многому. Раньше он присматривал за Южным бродом. Засиделся. Император не любит, когда вояки пускают корни, и император трижды прав. Я не выявил в Южной ни недочётов, ни злоупотреблений и с чистой совестью отправил Приска в Скадарию, а его предшественника – в отставку. Ты так ничего и не сказал про вино.

– Оно выше любых похвал. – Тит не кривил душой, он в самом деле помнил и любил ниннейскую лозу. Любопытно, каким вином Нумма потчевал Фертара.

– Да, имей в виду, в Скадарии тебя ждут две неожиданности. Одной ты будешь доволен.

– Другой, видимо, нет?

– Трудно сказать, но твоё появление эту... м-м-м... неожиданность не обрадует точно. Боишься захмелеть? Приск разбавляет вино водой.

– Это варварство, прокуратор.

– Совершенно верно, но Приск во многом – истинный варвар. Но хоть он и трезвенник, неразбавленное при нём можешь пить смело. Служака слишком плохо ладит с чернильницей, чтобы писать в Стурн, и слишком плохо ладит со мной, чтобы доносить лично, хотя...

Тит молчал, дожидаясь продолжения. Нумма пригубил вино и закончил:

– Хотя я не доношу Сенату о невинных шалостях тех, кто душой и телом предан императору. Да хранит его само Время!

* * *

Скадария встречала вернувшуюся конницу запахом луковой похлёбки, вылизанным двором и довольными – убил бы! – рожам. Стараясь не хмуриться, Приск слез с покрытого степной пылью мерина и выслушал доклад. Столь же вылизанный, как и замощённый местным песчаником двор. Придаться было не к чему, хоть умри! Махнув добросовестному Сервию рукой, комендант залпом выпил услужливо поднесённую воду и, шагая через две ступеньки, поднялся на стену – думать. Он почти привык к Скадарии, но признать её лучшей крепостью степного рубежа мешали девять отданных Южной лет.

Приск понимал, что недавний перевод – повышение, причём скорее всего последнее в его карьере; отдавал он должное и проныре-прокуратору, не взевшемуся на настырного ветерана, но свежоштукатуренные стены и просторные казармы нет-нет да и вызывали ревность. Крепость приводили в порядок без участия Приска, зато стремительный бросок за реку был уже на его счету. Все прошло безупречно! Можно садиться и кропать донесение о том, что жизнь и имущество граждан священного Стурна под надёжной защитой, и испрашивать награды. Дадут. Погладят по шлему и дадут. За Нуммой не заржавеет – прокуратор превратит вылазку в великий поход и вытрясет из столичных чинуш корову для себя и курицу – для Скадарии, а большего от начальства не добьёшься. Уж в этом-то Приск, оттрубивший под «пчёлками» без малого тридцать лет, убеждался не раз. Небёц ушастый, отличная крепость и сносный прокуратор – что ещё нужно, чтобы дотянуть до отставки?

Комендант топнул ногой в тяжёлом, подбитом гвоздями сапоге, шумно втянул воздух и для успокоения устался на молочную от глины реку. Надо радоваться, радоваться, а не беситься! Гарнизон не подкачал. Не прошло и получаса, как в крепостные ворота заколотил

взьерошенный племянник скототорговца, а Приск уже выводил своих всадников. След взяли сразу – скераты и не думали хитрить, а коровы ещё не выучились порхать. Шесть часов погони, короткая схватка, медленное – со стадом не побегаешь – возвращение...

Ночью степняки попытались вырезать спящих «пахарей» и вернуть добычу, только «спящие» не спали. Разбойники угодили в ловушку и теперь отправятся в каменоломни, так что империя оказалась пусть и в невеликих, но барышах. Двое легкораненых и одна захромавшая лошадь – это даже не потери, только вот избегавшие даже приближаться к Перонту скераты не просто перешли его по низкой воде, но забрались на два дневных перехода от границы! И ведь докладывал же, что у Кривой косы нужен постоянный пост, куда там! Вот тебе, старый дурак, твоя крепость, вот тебе твой брод, вот тебе твой гарнизон и не лезь, куда не просят! Он не полез – полезли лохмачи. Хорошо, наглецы охотились за скотом, а не за головами граждан хранимой Временем империи. Плохо, что Стурн переваливает на Время то, что следует делать самим, а в Скадарии втрое меньше солдат, чем нужно, чтобы повесить на границу хороший замок.

«Пока варвары пугают детей великим Октавианом, на востоке не случится ничего страшнее угнанных коров...» «Держать за Перонтом многочисленную кавалерию – излишняя роскошь...» «Лошади жрут даже больше городского сброда, а добывать золото из навоза в казначействе не умеют...» Тьфу, уроды столичные!

– Уроды! – от души рявкнул Приск и потёр разнывшуюся к вечеру спину. Ветеран всегда успокаивался, поняв, где в сапоге гвоздь, а сейчас он как раз это понял. Скераты! Косматые мерзавцы держались нагло даже в сравнении с прошлой осенью. Они и раньше-то мало походили на с детства запуганных страшным соседским императором, а уж теперь!

Жаль, Октавиан уже восемнадцать лет как обосновался в фамильной усыпальнице. Нынешний Агриппа воздвигает в честь отцовских побед арки и колонны, но кормить предпочитает не армию, а столичных бездельников. Можно подумать, мухи заменят пчёл, а охочая до дармовщины шелупонь сумеет отбиться хотя б от лохмачей, не говоря о северных здоровилах и чующих падаль «грифах». Великий Стурн начинает смердеть, и что с того, что благородный Нумма сдохнет сенатором, а Приск выйдет в отставку, купит виноградник и доживёт оставшиеся годы по-человечески? Что с того, что комендант Скадарии чует вонь, если в Сенате обнюхались померанцев?!

– Доклад коменданту.

– Ну?

– В распоряжение коменданта прибыл новый офицер. Ждёт во дворе.

– Кто таков?

– Младший трибун Тит Спентад.

Небец ушастый, только второго «благородного» в Скадарии и не хватало!

* * *

Грубого коменданта пришлось дожидаться дольше, чем прокуратора. Гарнизонные штучки, о них Тит был наслышан. Провинция не любит столицу, а провинциалы не переносят столичных цац. Провинция, столица, благородные, сброд... Как вспомнишь, что смахнувшие с лица земли великие царства козопасы и коняги собирались владеть миром всей толпой и при этом друг друга любить! Теперь это даже не смешно... Спентад решительно подавил зевок и неторопливо зашагал вокруг двора. Он не собирался заискивать, но и начинать знакомство со свары не хотелось. Три года унижительной мелочной войны с одуревшими от безделья провинциалами стали бы ещё тем удовольствием.

В том, что на него таращатся из всех щелей, младший трибун не сомневался, но вертеть головой, выискивая любопытных? Он не ворона, а комендант когда-нибудь да объявится. Отец ждал своего «приска» четверть часа, но с тех пор приграничники стали ещё ранимее. Чем

больше Сенат урезает армейские расходы, тем сильнее задираются в дальних гарнизонах, хотя Спентады уже лет шесть выступают против сокращений. Солдаты предпочтительней горлопанов, которых надо не только кормить, но и забавлять...

– Кого я вижу! – Рёв раздался за спиной, облетел вокруг двора, отразился от опрятно унылых стен и устремился к выцветшим небесам. – Чтоб я сдох, благородный Тит! В нашем стойле!..

– Медант! Ты?!

– А то нет?! – Обещанная прокуратором воронья неожиданность залихватски подмигнула. – Значит, к нам?

– Значит, к вам. – Тит обнялся с кентавром, напрочь позабыв, что на них смотрят. Завсегдатай бегов, он не только не чурался конюшен и их обитателей, но и ездил сам. Пока император не запретил благородным участвовать в состязаниях, ибо сделанные плебеями ставки низводят знатнейших граждан до уровня полускотов. Никогда ещё младший Спентад не был столь близок к государственной измене, но тут подвернулась капризница Фагния... Вернее, её «подвернул» отец, и Тит немного остыл.

– Тут смешно, – обнадѣжил Медант. – Как там Стурн? Плещется?

– Что ему делается? Слушай, тебя-то как сюда занесло? Про возничего твоего слышал, так ему и надо, ублюдку!..

– А что ты слышал? – оживился кентавр, и прежде не чуждый тщеславия. – Представляю, что тебе наболтали...

Болтали и впрямь много, но Тит слишком рано поднялся в беговую повозку⁴, чтобы верить ерунде. Все было просто и очевидно. Доставшийся Меданту возничий, считая, и не без оснований, «своего» кентавра существом строптивым и неблагонадѣжным, решил его поторопить, ткнув длинным острым стрекалом в человеческую часть спины. Не ожидавший такого коварства Медант потерял равновесие и сбился с рыси, лишившись тем самым победы. Что хуже всего, стрекало сломалось, и обломок застрял под кожей, причиняя кентавру сильную боль. Медант вскинулся на дыбы, опрокинул повозку, сломав оглобли, и от души врезал по обидчику обеими задними ногами.

Покойный, конечно, был дураком, но слава убийцы закрыла для Меданта путь на беговую арену. Нет, ему не запретили выступать, императорский попечитель даже признал его невиновным, но желающих связываться со столь опасным конягой среди заплонивших ипподром плебеев не находилось, и норы Меданта, и раньше непростой, испортился окончательно. Свой хлеб, то есть кашу, кентавр честно зарабатывал ковкой – о, в этом ему не было равных! – в остальное же время пил как лошадь, затевал драки с себе подобными и приставал к хвостатым девчонкам, а потом исчез. Завсегдатаи бегов решили, что бесполезного задиру кто-то наконец прикончил и с попустительства попечителя замёл следы. А Медант, выходит, подался на границу. Лучший беговой кентавр стал простецким армейским конягой! В Стурне это наделает шуму. Наделало бы... Тит залихватски махнул рукой:

– Сплетни я на трезвую голову не пересказываю, давай после... Явится же когда-нибудь этот комендант.

– Не «когда-нибудь», а сейчас!

⁴ Беговой повозкой управляют следующим образом: первая пара широких вожжей, служащая для поддержки возничего, крепится за массивные кольца, ввинченные в седелку. Седелка подпругой фиксируется на спине кентавра, а боковыми ремнями прикручивается к оглоблям экипажа. Концы оглобель приблизительно на локоть выступают впереди корпуса кентавра и оканчиваются вертикальными «рычажками», дабы кентавр мог опираться на них руками для улучшения баланса (бежать быстрой рысью, не сбиваясь на галоп, нелегко). Вторая пара вожжей, идущая от рук возничего через седельные кольца, крепится к ремённому кольцу за руку кентавра чуть повыше локтевого сгиба. Через эти вожжи возничий может подавать кентавру сигналы (вправо – влево, потише – порезвее, остановиться). Пользоваться бичом не только бессмысленно, но и опасно. Тем не менее некоторые возничие иногда хлещут своих «партнёров», особенно достаётся молодѣжи и «кобылам».

Медант легонько – устоять на ногах удалось почти без усилий – хлопнул бывшего возничего по плечу, в несколько прыжков преодолел двор и грохнул коваными передними копытами в сигнальный гонг. Тит не выдержал и расхохотался – служба в Скадарии начиналась, мягко говоря, своеобразно.

* * *

Молодчик трепался с Медантом, словно знал конягу сто лет, высыпавшие во двор солдаты весело переглядывались, а растерянный сигнальщик переминался с ноги на ногу, глядя то на свои колотушки, то на дверь, из которой, по его мнению, должно было появиться начальство. Приск подавил невольную усмешку: Медант был незаменим за Перонтом, но от его выходок за тысячу шагов несло столичной дурью. Впрочем, коняга хотя бы не гадил где попало, как его предшественник. Комендант без особой спешки раздвинул утративших бдительность балбесов и резко спросил:

– Что это значит?

– Что вам в ббшки набилась солома! – отрезал Медант. – Кого ждать заставили? Хорошего человека, ездока!.. Скоро меня с мулом спутаете. Провинция...

– Доклад коменданту. – Спентад не собирался прятаться за кентавра. – Младший трибун Тит. Определён в Скадарию прокуратором Нуммой. Военного опыта не имею. Владею мечом, копьём и пращой. Езжу верхом.

– Врежет, мало не покажется, – Медант был откровенно доволен, – хоть мечом, хоть чем. Было у нас на бегах дельце...

– Имею некоторый опыт уличных схваток, – спокойно уточнил новичок. Эх, не уродился б он Спентадом...

– Тит, значит? Отцовское имя забыл?

– Мой отец остался в Стурне. Я увижу его через три года.

– Хочешь сказать, что явился не за подорожной к «грифам»?

– Я её получу через три года.

– Получишь, потому что ты – благородный. Получишь и уберёшься, а вот он, – Приск кивком указал на Сервия, – будет вялиться здесь. Вы прыгаете, мы тянем, и нечего чистить драные сапоги!

– Комендант прав, – Спентад все ещё был само спокойствие, – драные сапоги надо выкидывать. Я знаю, какое место займу, если меня не убьют на юге или на севере. Вы уже уйдёте в отставку, но комендант Скадарии, новый комендант, вряд ли обрадуется, если у него отберут даже ту кавалерию, что есть у вас. Он сможет только жаловаться и браниться, а я буду спорить. С Сенатом и императором, но для этого мне нужно забраться наверх. Ваш помощник этого не может, я – могу.

– Он залезет! – подтвердил Медант, хотя его никто не спрашивал.

Приск сощурился, он не собирался сдаваться.

– Ты пока не в Сенате, – отрезал комендант, – а в моей крепости. Посмотрим, что ты за птица... Кукарекать один тут уже кукарекает, а ты полетай!

Часть вторая

1104 год Счастливой Эры

I

Приск любил те короткие недели, в которые глаз отдыхает и от зимней серятины, и от летней сухой желтизны, только в нынешнем году было не до цветочков. Долгожданная весна принесла те самые пакости, что ветеран пророчил начальству и подчинённым уже лет пятнадцать.

Первыми вестниками грядущих бед стали промышлявшие за Перонтом торговцы. С их слов получалось, что у скератов сменились вожди, и не просто сменились, а с большой кровью. Празднества, которыми лохмачи отмечают весенний солнцеворот, завершились резней, и теперь по приграничным становищам бродили слухи один гаже другого. Напуганные этими слухами купцы не рисковали забираться далеко в степь, так что толку от их рассказней было мало.

Не на шутку встревожившийся Приск отрядил за реку три десятка разведчиков. Соседство есть соседство – у стурнийцев за Перонтом водились и знакомцы, и торговые партнёры, и даже друзья. Ну, или почти друзья... От них комендант и надеялся получить объяснения. Надежды оправдались в полной мере, только веселей от этого не стало – новости отчётливо отдавали войной.

Купцы не врали – встреча Весны в самом деле обернулась бойней. Семь племён, из тех, что кочуют вдоль стурнийской границы, как водится, стянулись к священным курганам. Туда же явились трое почётных гостей из «дальних», каждый с изрядным отрядом. Неделя скачек, состязаний, молитв с жертвоприношениями – и всеобщая пьянка, завершившаяся убийством большинства родовых старейшин и пяти вождей из семи.

Весенние драки между перепившимися степняками были делом привычным, но здесь по всему выходило, что резня – не случайность. Её готовили загодя, и оба уцелевших явно участвовали в заговоре. Да и гости, хоть и не ввязались в это безобразие сами, новых вождей немедленно поддержали. Все это наводило на нехорошие мысли. Настолько нехорошие, что Приск решился на то, чего никогда раньше не делал и делать не желал. Запечатав должным образом составленное донесение, комендант тщательнейшим образом занёс на покрытую воском дощечку то, что требовалось внушить начальству, и послал солдата за прокураторским дружкой.

Спентад, надо отдать ему должное, нашёлся сразу – гонял во дворе своих пехотинцев. От службы парень не отлынивал, нос особо не задирает, а цапался все больше со своим же, столичным... Вот уж кого Приск мечтал сплавить если не лохмачам, то хотя бы в другую крепость. Увы, Аппия Фергара приписали к Скадарии пожизненно и, небез сожри сенаторские штучки, в офицерском чине.

– Младший трибун Тит. Приказ коменданта.

– Садись. – Будь вина Тита лишь в рождении на берегах отца-Стурна, комендант простил бы паршивца ещё прошлой зимой, но сенаторское отродье... Это для Приска было слишком. И именно это давало шанс пробить медный начальственный лоб. Ветеран отодвинул табличку-подсказку так, чтобы привыкшие к заречным далям глаза разбирали букочки. – Тут вот какое дело...

Объяснять пришлось долго – от выходящих за пределы обязанностей младшего трибуна дел комендант отпихивал умника сам. Как оказалось, себе же во вред. Горло пересохло, Приск

хлебнул водицы и поднял взгляд от исписанного воска. Сенаторский сынок сосредоточенно хмурил брови, думал, надо полагать.

– Говори, – разрешил ветеран и закашлялся.

– Говорю. Комендант подтвердил возникшие у меня опасения. Медант много знает о скератах. Кроме того, я расспрашивал торговцев и сравнивал с тем, о чем читал. Степной молодец всегда был горяч и жаден до грабежа, но теперь он ещё и уверен в себе. Урок, преподанный Октавианом, их больше не пугает – это было давно и не с ними. Новым царькам надо укреплять свою власть. Думаю, они сделают это привычным способом – поведут своих головорезов на наши земли.

Да, башка кое у кого на месте, чего доброго, в самом деле в прокураторы выбьется! В солдатские прокураторы, не в сенатские, но пока что в Отраме жирует Нумма, а за Перонтом набивают колчаны семь племён, а то и все десять!.. Если орава двинется разом, прокуратор запросит помощи, и помощь будет, при такой-то напасти как не прислать, только её ещё надо дожидаться. И потом, легионы не лютики, сами не вырастут. Появятся у Перонта, значит – откуда-то уйдут...

– Надежды на то, что новоявленные царьки передерутся, немного, – напомнил о себе Спентад. Он думал о чем-то похожем.

– «Немного»! – передразнил Приск. – Небец ушастый, да нет никакой надежды! Слишком дружно убудки провернули своё дельце, видать, всю зиму готовились, должны были сговориться и о том, что дальше делать. Да ещё эти их родичи... Ох, не зря они заявили! Воняет нынче степь, и воняет «грифами». Только вонь в мешок не сунешь и прокуратору не доставишь...

– Я доставлю, – не дожидаясь то ли просьбы, то ли приказа, произнёс Тит. Парень все понял, и понял, залягай его коняга, правильно! – Доставлю, и Нумма отправит её дальше. Императору и Сенату. Сколько у меня времени?

* * *

Лишь Время Всемогущее знало, сколько оно отпустило Приску, но комендант мог гордиться – впустую не пропало ни единого часа. Въехав на показавшийся родным крепостной двор, Тит понял: все, что можно сделать, сделано, а уж чего нельзя... Хотелось бы, конечно, поднять стены хотя бы на длину копья, да чтоб запас смолы стал раза в три побольше... И метательных машин бы ещё, и вторую когорту в казармы – как раз разместились бы. Увы, это было за пределами возможностей паршивого коменданта ненужной крепости. Тут уж чем Сенат с императором обеспечили, с тем и воюй.

Приск и готовился воевать, и не он один: вести поступали со всей границы, и были они хуже не придумаешь, так что уговаривать Нумму не пришлось. Прокуратор головы под крыло не прятал, к угрозе относился всерьёз, но прокураторским беспокойством дыры не заткнёшь. По крайней мере сразу.

– Нумма обеспокоен. – Тит не выдержал, злобненько усмехнулся. – Нумма *крайне* обеспокоен. Войска провинции спешно стягиваются, ну или должны стягиваться, к Отраме. Приграничным гарнизонам именем императора велено стоять до последнего, сдерживая продвижение варваров, а помощь будет. Это прокуратор обещал твёрдо.

Прокуратор не просто обещал, он клялся, призывая в свидетели собственного отца, отца Тита, порфириносного Агриппу и само Время со чада и домочадцы, вздыхал, сетовал и уговаривал, уговаривал, уговаривал остаться при своей особе. Не навсегда, а лишь пока не спол-

зутся «черепахи»⁵, после чего взгромоздиться на самую белую и отправиться... нет, не выручать своих – очищать Отраму.

В последнем Нумма был прав: кочевникам нужны не взятые крепости, а добыча. Они не задержатся на границе, а рванут в глубь провинции, откуда их и придётся гнать, а гарнизоны – это уж когда руки дойдут или дальние легионы подтянутся. Нумма опускал глаза и отводил на подтягивание месяц. В лучшем случае, а в худшем... В худшем спасители провозятся до середины лета и успеют разве что всплакнуть на погребальных курганах, в которые превратятся «столь дорого обходящиеся империи крепости».

– Прокуратор не знает, когда подойдут подкрепления, – уточнил Тит, – но он не пытается врать. Это хороший признак – о нас не «забудут».

Приск махнул рукой, и Тит ушёл, так и не сказав, что его удерживали в Отраме. Может, удивись комендант возвращению столичного молодчика, молодчик бы и не выдержал, но ветеран лишь выразил удовлетворение скоростью, с которой пришёл ответ. Потавивший едва отдышавшегося приятеля в степь Медант выразил кое-что другое, и выражал долго. Тит слушал вполуха, привычно вынуждая коня на полкорпуса опережать бушующего кентавра. Если б не сухой ветер и не тень «грифа» над утратившей былую прыть империей, можно было вообразить себя дома на прогулке.

Сколько раз наследник Спентадов и кентавр, обсуждая ставки и забеги, перемывали кости двуногим и четвероногим! Медант тогда любил выпить и подраться, возникших считал за дерьмо, но бегал хорошо. Если зачесется правая задняя нога... А чесалась она постоянно, так как созерцать впереди себя чужой хвост строптивец не мог. Себя, столичного, Тит помнил хуже, то есть не помнил, а понимал. Неужели это он орал, что императора за запрет на участие в бегах надо гнать? А что делать с императором, повернувшимся спиной к отравившей когти степи? С императором, строящим цирки и триумфальные арки за счёт роспуска легионов?

– Медант, – зачем-то окликнул Тит, – что нам делать? Что нам теперь делать?

Кентавр остановился, и человек натянул поводья. Он не ждал никаких откровений. Вопрос был глупым и беспомощным, а ответ единственным – драться. Там, где застигла беда, и пока хватает сил. Границы Стурна священны, но это – для Сената, а на деле, если что и вправду свято, так это жизни дурней, которых угораздило поселиться вблизи беды, и твоё слово защитить их. То есть не только твоё, много ты один назацищаешь...

– Что делать, говоришь? – Лапица Меданта растрепала лошадиную гриву, и не терпевший кентавров жеребец прижал уши. – Почему бы нам вечером не выпить и не пристукнуть Фертара? Некоторые пасти перед войной лучше заткнуть, а завтра... Ты как хочешь, а я пробегусь за реку. Разъезды разъездами, а самому глянуть не помешает.

II

Война стала явью утром. Славным весенним утром, когда по небу бегут розовые облака, пахнет расцветающими травами и ты не ждёшь, не можешь ждать ничего дурного. Никто и не ждал, пока из зелёного, сбрызнутого маковой кровью моря не вынырнула тёмная фигура и неповторимой, знакомой всем завсегдагаям бегов рысью полетела к броду.

– Скераты идут! – крикнул Тит стоявшему парой ступеней ниже Сервию, не дожидаясь, когда воронья буря ворвётся во двор.

– Идут... – подтвердил спустя четверть часа Медант, поводя блестящими от пота боками. – К нам – тысяч семь, не меньше. Остальные – кто куда, но всё больше вниз по течению. «Наши» к вечеру будут здесь, а их дозоры – и того раньше...

⁵ Черепашками в стурнийской армии называют легионы.

– Значит, – припомнил Тит пророчества Нуммы, – будут переходить Перонт вплавь и в разных местах.

– Часть отправится грабить, часть останется брать крепость. – Первый помощник коменданта говорил о скератах, как о паводке, озабоченно, но не больше. – Броды и переправы им нужны позарез. Вozy с добычей и рабов иначе не уведёшь.

– Да, без добычи набег и потери станут бессмысленными. – Тит очень надеялся, что его голос столь же будничен, как у Сервия. – Что ж, если отправлять гонца в Отраму, надо поторопиться.

Он не собирался советовать подоспевшему коменданту, просто так вышло, но Приск то ли не расслышал, то ли...

– Поедешь?

– Нет. – Спентад уверенно выдержал цепкий взгляд. – Я сказал прокуратору все. Мне нечего добавить.

– И мне нечего. – Комендант потёр лоб и вдруг усмехнулся: – Разве что передать: если Скадарию кончат, я, дохлый, не к лохмачам заявлюсь и не к Нумме, а повыше. Чтoб других так же...

Каких «других», Приск не уточнил. То ли слов не нашёл, то ли, наоборот, счёл, что сказал все. Тит с молчаливого согласия начальства торопливо набросал короткое донесение. Время, место, примерное число идущих варваров, напоминание о том, что Скадария располагает едва ли половиной требуемых для обороны солдат, – и все. Гарнизон не клялся в верности императору и Сенату и не обещал достойных Октавиана побед. Впрочем, не спешил и с завещаниями: крепость могла выстоять, а помощь – успеть.

– Медант, – теперь Приск смотрел на кентавра, – ты Мезия встретил?

– Ночью разбежались. Мезий лохмачей на самом хвосте притащит. Часа через два.

– Как бы не зарвался, – высказал Сервий то, о чем Тит из суеверия промолчал.

– Не зарвётся! – отрезал Приск. Бойтся накликасть или просто верит десятнику? – Медант, ты как? С ног не валишься?

– С этакой прогулочки?! Да я даже не разогрелся, Тит, скажи ему, как...

– Отлично. – Слушать о Медантовых беговых триумфах Приск не собирался. – На стенах тебе делать нечего, во дворе – тем более. Доставишь в Отраму донесение и будь здоров. Назад лезть не вздумай – лишние копыта мне тут не нужны, а Стурну и тебе, глядишь, пригодятся.

– А то! – Кентавр быстро глянул на передние ноги. Он всегда так делал, собираясь бежать. – Ещё встретимся. Не тут, так там, где нет Времени...

* * *

В степи видно далеко, особенно с холма или башни. Какое-то время Тит, стоя меж зубцов, следил за гонцом, мчавшимся пустой – ни купцов, ни крестьян – дорогой; потом ставший точкой кентавр растворился в солнечном блеске, а человек прошёл по стенам в сторону реки и стал ждать.

Медант не ошибся: когда через брод промчался стурнийский разъезд, полдень ещё не наступил. Варвары отстали ненамного. Чуть более сотни всадников на разномастных невысоких лошадях остановились на дальнем берегу. Полюбовались оседлавшей приречный холм крепостью и опустевшим посёлком, погалдели и двинулись берегом в обе стороны, вверх и вниз по течению. Против Скадарии осталось десятка три, эти вели себя тихо: постояли чуток на пригорке, потом развернулись и неспешной рысью убрались.

– Именно так смотрели титаны со стен Нинней, когда к ним подступали полчища Идакла. И точно так же...

Аппий Фертар! Явился... Порой Тит сыну заговорщика сочувствовал. Как столичная цаца столичной цаце и как будущий прокуратор безвредному болтуну, но сегодня Фертар откровенно бесил. Всем: напористым голосом поэта, запахом померанцевой воды, двумя родинками, кольцом с дурацкой загогулиной, которую величал Небесной спиралью... Даже заговори поэт о погоде, и то Титу захотелось бы его придушить, но Фертар, пользуясь случаем, излагал своё, то есть отцовское, мнение о том, как обустроить всё. Не обошлось и без пророчеств грядущих бедствий и обвинений в оных ненавистного Идакла со всеми его отродьями, к которым до недавнего времени относили себя и Фертары. Пока с «грифьей» помощью не решили, что быть «благородными» не так вкусно, как потомками бессмертных. Единственными. Над ними ржал весь Стурн, а они не только завели фавнов, но и готовили заговор, не соображая, что это...

– ...безнадёжно и преступно. Мы видим начало конца, и ваше счастье, счастье нерассуждающих выючных ослов, что вы издохнете раньше изжившей себя империи. Будь у вашего Сената хоть капля разума, вы бы оставили степи тем, кому они были дарованы Небом...

– Будь у нашего Сената хоть капля разума, тебя бы приписали не к гарнизону, а к лупанару! – Влезать в спор с сосланным придурком было не ко времени, а бить офицера – любого! – на глазах солдат нельзя, как бы ни хотелось. Спентад сжал чесавшиеся кулаки и отправился проверять своих людей.

Время, только что нёсшееся горным потоком, тянулось застывающей смолой. Спентад спускался во двор, вновь поднимался на стены, шутил с солдатами, переговаривался с офицерами, даже что-то съел. Очередной раз столкнулся с Приском, пошёл рядом. Комендант не возражал. В парадном, заколотом фибулой-Ульем плаще и шлеме с гребнем конского волоса ветеран казался ходячей мозаикой со столь любимых императором триумфальных ворот, только в честь Скадарии ещё ничего не воздвигли.

– Что смеёшься? – После появления скератов, а вернее, после отказа Тита уехать комендант словно бы выплюнул проглоченное копьё.

– Представил, как в нашу честь строят триумфальную арку, – признался Тит. – С мозаиками.

– Лучше пусть крепость отстроят, – не понял шутки Приск, – и надо б ещё одну... На левой излучине или у Кривой косы. Станешь прокуратором, не забудь.

– Приказ коменданта.

Всё-таки Приск улыбнулся. И занялся делами, словно за Перонтом собирались на свою ярмарку торговцы скотом. Время ползло, степь по-прежнему была пустынна и по-весеннему красива, только взгляд этой красоты больше не замечал. Глянешь со стены: «Нет ещё», и снова о своём – так, часовые на местах, ворота – на запоре, укрывшихся в крепости местных, из тех, что не захотели убраться, разместили и пристроили к делу. Бегаешь, проверяешь, а на дворе и за стенами – тишина и покой. Странное чувство. Похоже на последние минуты перед бегам, только более остро и невыносимо долго.

...Медант и второй раз угадал: солнце ещё не коснулось своим краем земли, как равнина зашевелилась. Сразу с нескольких направлений к Перонту потянулись плетённые из людей и коней цепочки, они на глазах толстели, превращаясь в длинные неровные колонны, а впереди катился нарастающий неприятный шум. Вот первая тысяча достигла реки, вот первые лошади взбаламутили воду. Визгливые крики, перебранка сигнальных рожков, ржание... Тишина ушла, и вместе с ней – травившее душу ожидание. Все стало просто и... светло, что ли.

Свершилось. Вот он, враг. Явился. Теперь будем драться и, если не повезёт, умирать. Дело, как ни смешно, обычное... Важное, главное для тебя, для тех, кто с тобой, но обычное.

– Дело вообще-то обычное, – вслух произнёс Тит, проливавший кровь разве что на охоте, ну и пару раз в драках с грабителями.

Приск согласно кивнул и поправил надраенный до звёздного блеска шлем.

Часть третья

I

...Безносый скерат оказался совсем лёгкой добычей: неуклюжий замах, корявая палица ещё не начала опускаться, а меч Тита уже вонзался дикарю в живот. Больше впереди живых врагов не было, и младший трибун поспешил обернуться. Как раз вовремя – прикрывавший командиру спину десятник в запале боя сделал глупость: отшагнул к краю стены как раз между зубцами и тотчас поймал в правое плечо стрелу – степные лучники только и ждали такой удачи. Тяжёлый ланг⁶ вывалился из раненой руки, пара наседавших на ветерана лохмачей тут же кинулась добивать. Топор первого десятник успел принять на щит, а второй точно бы выпустил бедняге кишки, но тут уж вмешался Спентад. Лохмач с разрубленной башкой полетел во внутренний двор. Приятель покойного боя не принял. Вонючке повезло: совсем рядом вгрызались в камень осадные крючья. Бросив осевшего на камни стурнийца, степняк крысой метнулся к спасительной верёвке и, вцепившись в неё, скользнул вниз. Кожу на ладонях стесал, но голову, похоже, спас.

Не утерпев, Тит прикрывшись щитом и глянул меж зубцов: скераты отходили – уцелевшие, те, кто успел спуститься или не успел подняться, торопливо откатывались от недобрых рыже-серых стен. Доставлявшие чуть ли не больше всех хлопот лучники убирались вместе со всеми. Следом за здоровыми ползли или ковыляли раненые. Скадария снова отбилась.

Напряжение боя ушло, уступая место боли. Только что исправно служившее тело зануло и зажаловалось сразу в нескольких местах: правое плечо и бок, левая рука, голень, по которой успел пнуть тот, с жёлтой лентой в бороде... Голова тоже гудела, пусть не сильно, но надоедливо, хотя кто и когда успел приложить его по шлему, Тит не помнил – желающих было хоть отбавляй.

Где-то слева хлопнула тетива. Хромавший за своими скерат выпустил копье, на которое опирался, и покатился вниз по склону. Со стрелой под лопаткой. Больше со стен не били – запас стрел и так уменьшался слишком быстро, изводить его на покалеченных врагов было глупо, чтобы не сказать больше. Подранки – не угроза для осаждённых, а обуза для осаждающих, в крепости же хватает своих дел, невесёлых, но необходимых.

Тит вытер меч об овчину на спине ближайшего трупа, осмотрел клинок и вложил в ножны, а на стену уже взбирались определённые Приском разбирать раненых и мёртвых поселяне. Своих раненых – в барак к паре измотанных лекарей, убитых – в отведённый для могил угол за конюшнями; ну а степнякам одна дорога – на надречную стену и вниз, под обрыв. Спентад посторонился, пропуская носильщиков, и принялся растирать занемевший локоть. Рухнуть бы прямо тут, на грязные камни, да какое там! Второй помощник коменданта – как же быстро настигают должности на войне! – должен обойти свою стену, выслушать доклады, понять их, как бы ни звенело в этой треклятой башке, и доложить «самому». И чем быстрее это сделать, тем лучше, значит, нужно идти. Три сотни шагов и две лестницы... Время Всемогущее, как же это много!

* * *

Этот штурм обошёлся куда дороже предыдущих. В первый раз скераты лишь пробовали Скадарию на зуб, проверяя, не струсят ли защитники от одного воя и визга. Не струсил, а

⁶ Ланг – длинный однолезвийный меч.

несколько десятков удальцов, среди бела дня вздумавших забраться в крепость с помощью арканов, удалось положить полностью и без серьёзных потерь.

Лохмачи подумали и решили проверить, не спят ли стурнийцы по ночам беспробудно, как сурки; дождались темноты и полезли на стену по обрыву, со стороны реки. Выдрессированные часовые не подвели – короткая схватка, и ублюдки отправились напрямик к своим рогатым божкам. Вот тогда-то скераты и взялись за дело как следует. Два дня готовились, на третий вооружились лестницами и верёвками с крючьями и поперли. Приступ отбили, а за конюшнями у западной стены появились первые могилы. Первые, но не последние. Большинство погибало от стрел, которыми привычные к луку степняки осыпали любого хоть на миг высунувшегося из-под прикрытия стен. Зато в рукопашных схватках наверху преимущество оставалось за стурнийцами. Второй штурм, третий, четвёртый... Сегодня нападавшие были особенно настырны. Трижды вожаки гнали толпу на стены, и трижды она убиралась ни с чем, хотя какое там «ни с чем»! Гарнизон таял, как весенний лёд.

– Восточная стена, – отрывисто доложил измотанный Спентад. – Семнадцать убито, сорок два ранено, из них серьёзно – десятка три. Остальные будут завтра драться.

Приск только сплюнул с досады: из двух державших восточную стену сотен в строю осталось едва ли две трети, а судя по физиономии явившегося с северной стены Сервия, там вряд ли веселее.

– Младший трибун Руфин поймал стрелу в горло, – подтвердил тот худшие опасения. – И ещё полтора десятка полегло...

Хвала Времени и тому, кто выбирал место для крепости, две стены из четырёх идут краем обрыва, и кочевники лезут только с востока и севера, но пара таких дней, и будет не закрыть и этого...

– Возьмёшь Фертара, – велел помощнику Приск. – Не Руфин, но...

– Приказ коменданта. – Пятнистая от копоты физиономия сморщилась, словно от кислоты. – Но Скадария отвечает за жизнь Аппия Фертара перед императором и Сенатом.

– Ну уж нет! – громыхнул Приск. – Скадария отвечает за брод! За брод, а не за столичн... Не за всяких придурков! Мне прислали офицера, а офицеру место на стенах. Пристрелят, и небец с ним. Туда и дорога.

Больше Сервий не возражал.

* * *

Поселяне очистили стену от трупов, а солдаты подтащили к камнеётам новый запас булыжников. Отстоявший над душой у подчинённых положенное Тит счёл, что честно заслужил ужин и сон, но намерения смертных лишь веселят дочерей Времени. Не успел младший трибун ополоснуть руки и лицо, как от лагеря скератов донёсся надсадный вой. Сигнальный рог выводил нечто особенно заунывное, словно ему тоже намяли бока. Тит с тоской глянул в сторону кашеваров и потянулся к снятому было нагруднику, но лучше знавшие степь ветераны закачали головами: ха, поговорить решили.

Может, и так, но отдых всё равно откладывался. Спентад накинул плащ и под повторный вой поплёлся к коменданту. Тот подтвердил: да, таким образом скераты сообщают о мирных намерениях. Тит тоскливо выругался. Словно в ответ, вновь загнусавил чужой рог, пришлось возвращаться на стену. Они поднялись как раз вовремя, чтобы увидеть, как от скопища шатров отъезжает десятка полтора всадников.

– Вчера и сегодня лохмачи потеряли много людей. – Приск смотрел не на приближающуюся кавалькаду, а на разрезающих небо стрижей. Словно считал. – Гибель воинов – ослабление племени. Вождь мог додуматься до того, что класть своих и дальше ему невыгодно.

Стрижи летали, комендант молчал. Похоже, ждал ответа, и Тит ответил:

– По всей вероятности, они предложат нам...

– Либо сдать им на, тьфу... милость, – а вот Сервий глядел на всадников, и только на всадников, – либо, если мы упрёмся, – отдать им Скадарию. В обмен на жизнь и свободу.

– Которые они тут же постараются забрать, – буркнул Приск. – Весны своей не побоялись, дедов на празднике перерезали, а уж «пахарей»...

– Это да... Нас одурочить им как конопли накуриться.

Скераты остановились на расстоянии двойного перестрела и опять протрубили. Комендант велел ответить обычным «Мир и покой», степняки поняли. Некто на мышастой лошади выехал вперёд и затряс копьём со светлым конским хвостом и красными лентами. Затем последовал вопль на стурнийском, корявом, но вполне понятном: отважный вождь, имени коего Тит не разобрал, желал говорить с главарём «пахарей». Проорав что положено, посол шустро развернул своего мышастика и галопом помчался назад. Приск с минуту подумал.

– Я к нему не выйду – решил он. – Глупо. Скадария на мне, а совести у этой образины – что пятачок у Меданта. Но ответить надо... Сервий, пойдёшь ты, как второй по рангу. Выслушай. Получится тянуть время, тyani, нам каждый день на вес золота; ну а если ответ нужен немедленно – сам понимаешь... Мы не сдадимся и не уйдём, пусть не надеются.

– Приказ коменданта, – подтвердил Сервий и принялся расправлять смятую тунику.

Тит поморщился и в сотый раз повёл плечами. Избитое тело продолжало болеть, а желудок требовал хоть чего-то, но дух возобладавал над плотью, или не дух, а спевшаяся с гордыней совесть. Спентад вскинул руку.

– Слово для коменданта. Трибун Сервий опытен. Он может заменить выбывшего коменданта, я – нет. Зато на переговорах я могу заменить трибуна. Сказать «нет» легко.

– Так! – Приск свёл брови, Сервий потёр плечо точно так же, как сам Тит минутой раньше, и младшему трибуну стало почти смешно. – Так... Для Скадарии лучше всего отправить Фертара, но лохмачи стихов не оценят. С варварами и убийцами надо говорить по-варварски и с мечом в руке. Хорошо... прокуратор, пойдёшь ты.

* * *

От облитой лучами низкого солнца группы отделилось двое всадников. Проскакали с полсотни шагов, красиво вздыбили лошадей, спешили и, сверкая нашитыми на куртки бляхами, направились к крепости. Выезженные кони шли за хозяевами, словно их вели в поводу. Колчаны, луки и щиты смиренно висели у седел – похоже, вождь и его спутник оставили при себе лишь сабли да ножи.

– Видать, приспичило, – решил Сервий. – На стены лезть – не коров воровать.

– Да, – согласился Приск, – умирать никто не хочет, ни мы, ни они. Мезий, пойдёшь с младшим трибуном. По двое так по двое.

Скераты не спешили и на лошадей не оглядывались. Надевший под не очищенный от крови панцирь свежую тунику Тит гадал, где степняки остановятся, а те всё шли. Осталась позади похожая на змею трещина, затем – доцветающий кустик. Два белых камня, ещё один куст... Всё. Встали.

– Разумно. – Нужно было что-то сказать, вот Тит и сказал. – Там их со стен не достать.

– Будут хвататься за сабли – врут и испытывают, – тихо напомнил Приск, – схватятся за поводья, бей не дожидаясь... Спешенный степняк – треть степняка.

– Я знаю.

А теперь вниз по верёвке. Вслед за изукрашенным шрамами Мезием. Уставшие руки с неохотой перебирают узлы, но не открывать же ворота. Слезли. Сапоги утонули в ещё свежей траве, даже цветок попался. Жёлтый и маленький, а ведь цветёт...

– Я иду первым, – заявляет кавалерист. Тит не спорит, степь Мезий пока знает лучше, хотя угадать, как пойдёт разговор, столичный умник, пожалуй, возьмётся. Скераты не «грифы», они ещё не вкусили сладости политики – сладости игры змей со змеями, у них все просто и грубо, хотя это же у нас Приск груб... Зато Аппий Фертар – сама утончённость! Нужна она здесь, в захоlustье, как Меданту рыбий хвост.

Ржёт лошадь, обычная, с обычным хвостом. Её хозяин свёл брови и задрал подбородок. Не сто́ит принимать гордую позу перед теми, кто выше ростом, ох не сто́ит! Кожа, бляшки, ленты, косицы, борода. Сколько лишнего... Лишнее на варварах, лишнее – на сенаторах, и только солдаты таскают на себе то, что нужно, и ни пёрышком больше.

– Ты не вождь «пахарей», – объявляет на стурнийском загорелый варвар. Если он и старше Тита, то на пару лет, не больше.

– Наш вождь там, где ему следует быть, но он услышит твоё слово.

– Ваш вождь труслив, как трусливы старики. Вы глупы, ходя за ним. Зачем? Вас мало, и каждый день бывает меньше. Пока все не умирали – уходите.

– Чтобы нас перестреляли в поле? – пожал плечами Тит. – Мы не дети, чтоб верить сказкам.

– Я не хочу обманывать. – Вождь смотрит прямо. Красная лента в бороде напоминает о крови. – Зачем мне обманывать? Я даю залог. Даю своего брата и коней везти раненых. Вас не будут загонять. Если захотим, договоримся. Отвечай – да. Сейчас отвечай.

Такие переговоры не затянуть. Лохмач молод, но не глуп, он не станет вертеть круг без точила, и он торопится: Скадария не должна помешать вывезти добычу, а добыча будет у брода уже скоро.

– Не можешь решить сам, иди назад. Быстро. Пусть решит старый вождь, но решит, пока солнце здесь.

– Нет. – Вот так, спокойно и коротко, но скерат не договорил. Он готовился, он думал... Начал с обещаний, теперь в ход пойдут угрозы.

– Завтра снова будем вас убивать. – Светлые наглые глаза, светлые лохмы, прямой нос... Не зверь, не урод даже в своих лентах. Обрей и отмой – будет человек как человек...

– Ты не отвечаешь, пахарь.

– Я слушаю.

– Слушай. Завтра я снова буду давать вам жизнь, но свободы уже не дам. Снова будете глупыми – все на своём холме сдохнете.

– Время решит, кому сдохнуть раньше.

– Я – Артайт, сын Банурта. Я возьму вашу крепость и перережу глотку вашему трусливому вождю, как барану. Я выгоню из-за стен глупых «пахарей» и запрягу в телеги. Я...

Значит, Артайт... Тит зевнул. Это было оскорблением, хоть и случайным – младший трибун в самом деле устал до невозможности.

– Запряжёшь? – Дипломатии здесь места нет, но и площадной перебранки не будет. – Лучше выпей Перонт. Это проще.

Стоявший за плечом Мезий одобрительно крикнул, а Спентад повернулся и мерным шагом легионера пошёл к болтавшейся на стене верёвке. Стрелы в спину он не опасался, зато предстоящий подъём казался кошмаром.

II

Конец ночи ознаменовался переполохом. Судя по громкому многоголосому ржанию, конскому топоту, гаму и суматохе в скератском лагере, один из табунов взбесился и помчался прямо на шатры. Велики ли были потери, из крепости понять не удалось, но на штурм в тот день кочевники не пошли.

Зато пошли на следующий, и день этот стал самым жестоким из всех. Шесть раз степняки, буквально засыпая стрелами стены, лезли вверх, шесть раз их сбрасывали. Последний приступ мог кончиться плохо. Очень. Спасла резервная полусотня, которую Приск повёл в бой лично. Скадария устояла благодаря коменданту и наступившей темноте – скераты не решились на штурм без поддержки лучников, а штурм этот мог оказаться успешным. Не оказался.

Титу снова повезло. Стрела ударила в кладку возле самой щеки, стрела сломалась о нагрудник, стрела отскочила от подбородника шлема, стрела впиалась в глаз стоящему рядом мечнику, а Спентад мог жаловаться разве что на ломоту в уставших костях и на нехватку людей на «своей» стене. Последнее было бессмысленно: Приск и так знал о потерях, знали это и уцелевшие офицеры. Все шестеро, считая натёршего ноги Фертара и двоих раненых, вернувшихся на стены в разгар свалки.

– Сенат бы сюда! – проворчал Мезий, после «переговоров» ставший помощником Тита, в свою очередь ставшего помощником коменданта. Первым – Сервий погиб, и его утащили за конюшни вместе с доброй сотней солдат. К ночи на ногах осталось меньше половины гарнизона, три из пяти камней были разрушены, а оба уцелевших без толку торчали на приречной стене. Смола кончалась, запас стрел можно было растянуть на пару дней, но одними стрелами жив не будешь...

– Сенат, говоришь? – Тит представил значительные морды и роскошные тоги на песчаных стенах и не плюнул лишь потому, что устал. – Меняю Сенат на солдат... Ещё один такой день – и всё. Драться будет некому.

– Если б мы могли обрушить Скадарию на головы скератам, как титаны обрушили Стурнон! – завёл свою песню Фертар. – Наша смерть стала бы победой, и даже враги склонились бы перед нами...

Поэт был и оставался придурком, но меч держать, как оказалось, умел, а под стрелами и вовсе расхаживал, как под дождём. Нарывался Фертар, а стрела досталась Сервию. Так бывает... Смерть брезгует дураками, а Жизнь, утешая, отдаёт младшей сестре лучшее. То есть лучших.

– Мы не последние в Стурне, – заткнул расхажившего болвана Тит. – И мы здесь не для красоты подышаем и даже не скератов режем... Мы держим брод, вот и всё. И удержим!

Последнее можно было и не говорить. Последнее не следовало говорить. Это Фертар с его набитой сказками башкой считает, что крепости и царства спасают красивые слова и красивые смерти. Чушь! Их спасают люди, и люди эти должны быть живы, на ногах и знать своё дело... И они должны хотеть спасать свою крепость, свой город, свою империю, так хотеть, чтобы всё остальное сделалось неважным.

– Удержим... не удержим... – Приск заговорил, словно черту подвёл. – Время рассудит... Но завтра к ночи скераты будут за стенами, а мы – на стенах.

* * *

Утро началось, как обычно: проснулись, размялись, позавтракали, ещё в полутьме разошлись доделать неотложное. У скератов в лагере гасли костры, ветер доносил обычный деловитый гул – степняки тоже занимались обыденным. Не поешь как следует – не повоюешь...

Время было: в крепости уже разобрались, как скераты готовятся к штурму. Оставшиеся минуты Тит потратил на письмо отцу, вернее, на завещание. Он писал для очистки совести, понимая, что запечатанный фамильным перстнем свиток вряд ли доберётся до берегов Стурна, и все же долг есть долг, а злость есть злость.

«Если ты прочтёшь это письмо, знай, что я умер за Стурн, но не за дураков, обескровивших восточный рубеж. Я хочу, чтоб за наши смерти спросили не с „лохмачей“, а с Сената

и императора. Я хочу, чтобы спросил ты. Свой долг младший трибун Спентад исполнил, исполни и ты, сенатор и отец младшего трибуна. Прощай. Сын».

Свиток лёг на стол, на видное место, рядом легло запечатавшее его кольцо. Тит выпил воды и покинул казарму, почти не сомневаясь, что навсегда. Рога скератов уже собирали воинов, горны Скадарии молчали, все всё знали и так. И своё место, и свой долг.

Они столкнулись на лестнице – сын сенатора и сын заговорщика. Пальцы Аппия тоже были в чернилах, но Аппий мог писать и стихи. Не здороваясь и не разговаривая, двое поднялись на стену. Роса ещё не высохла, но небо стало совсем светлым, выкатилось солнце. Скоро полезут.

Тит дал себе слово не суетиться и не выдержал – прошёл вдоль обеих стен. Приск согнал наверх всех, кого мог. Здоровые вперемешку с ранеными, теми, что могли делать хоть что-то, обслуга, конюхи, поселяне, даже оба писца и старенький жрец... Как же безнадежно мало их было, а от лагеря скератов уже катилась тёмная визжащая волна.

Первыми под прикрытием больших плетёных щитов пёрли лучники. Сперва на Скадарию прольётся свистящий ливень, потом Артайт бросит на стены воинов, и сегодня у него может получиться... Может... На последней отгроханной Агриппой арке начертано «Должен – значит могу!», только «может» отнюдь не значит «будет». Степняки не пройдут и сегодня. Воздух вспороли первые стрелы. Началось.

Стук наконечника, впивающегося в поднятый щит, знакомый злобный свист у виска, короткий хрип за спиной, вой скератских рогов, гудение гонгов... Всё, двинулись к стенам, но обнажать меч рано, сейчас время стрелков и пращников. Скадарийских, да поможет им Смерть!

Гонг от шатра вождя теперь бил непрерывно, причём в два раза чаще, чем обычно. Артайт выполнял свою угрозу, Артайт торопился. Тит облизнул прокушенную вчера в горячке боя губу и шагнул к «своему» зубцу, готовясь рубить верёвки. «Обычное дело»... В самом деле обычное.

– Трибун, что это с ними?

– С ними? – Спентад уставился на лупоглазого пращника. – Ты о чём... Точно!

Подававшие голос с дальнего края лагеря рожки и рога воют непривычно и тревожно. Человеческая волна, уже готовая захлестнуть стены, замедляется, будто в нерешительности, и... откатывается. Не просто отступает, несётся назад. Толстый парень из поселян судорожно сглатывает, опускает тяжеловатое для такого увальня копье, недоумённо вертит головой, а раненый десятник с жутким, наполовину багровым лицом расплывается в беззубой ухмылке:

– Тгибун, я бы так гванув, повучив ховофый пинок под зад!

Не может быть! Этого не может быть, но скераты бегут, удирают, улепётывают, несутся сломя голову назад, и в душе расправляет крылья дура-надежда.

– Иногда Время бывает к нам благосклонно, а, приятель?

– А то! – усмехается во весь изувеченный рот десятник, а надежда приобретает отчётливый, прямо-таки железный облик тяжёлой имперской конницы, и конница эта атакует! Всадники на рысях выходят из-за западных холмов и разворачиваются «крыльями», охватывая скератский лагерь. Сигнальщики гордо вздымают свои «ульи»! Один... Второй... Пять! Почти два бинара!⁷ Хватит, чтобы втоптать в речной песок всех степняков до единого!

* * *

– Ха, а вохмачам-то без своих вофадок пгидётся дгаться!

– Какое драться?! Сдурел с радости? Они же к броду сейчас рванут... К броду!

⁷ Тяжёлая стурнийская конница делилась на бинары, в каждом из которых было две полутысячи всадников.

– Вевно... О, нафы пофли!

Конная масса, постепенно ускоряясь, движется вперёд. Как же это красиво, Время всемогущее, как же это красиво! Как прекрасен этот день, эта река, это поле, эта жизнь!

– Приказ коменданта! Стрелков – на приречную! Всех!!! Два десятка – к камнемётам!

– Приказ коменданта! Живо!!! Устроим вонючкам прощание!

– Приказ коменданта!

– Приказ...

– За мной!

Короткий взгляд на победно сверкающую в солнечных лучах лавину, и бегом по стене – Скадария ещё не всё сказала! Скераты бегут, и, естественно, бегут к броду. Не успевшим добраться ни до своих лошадей, ни до лагеря, не способным драться в поле в пешем строю, что им ещё оставалось? Разве что кучка конных в центре пыталась сражаться, но судьба храбрецов была предрешена, да и не занимала она Тита. Пусть умирают как хотят, а вот беглецы... Дорога к спасению шла вдоль обрывистого склона холма, на котором высилась крепость, и Приск сгоял на приречную стену всех, кто был в силах натянуть лук или поднять камень.

Гарнизон Скадарии брал с врагов последнюю плату. Кровью. Оба уцелевших камнемёта посылали один камень за другим в тех, кто добрался до реки и по шею в мутной быстрой воде пробивался к дальнему берегу. Метательные снаряды без жалости били по барахтающейся толпе, промахнуться было невозможно.

Плавали степняки скверно, сбитых с ног и уносимых течением можно было смело зачислять в покойники. Жаль, утопленники не доберутся до «грифов», но какие миноги будут этим летом в низовьях. Какие миноги...

– К коменданту! У ворот императорская конница...

– Камни несите, камни! – Командовавший камнемётом десятник чуть не выл.

– Небец ушастый, да хоть дрова тащите! Стрелки, гуще бить, гуще! – Приск – чудо чудное! – сорвал с головы шлем и не глядя отшвырнул. – Младший трибун Спентад, открыть ворота. Стрелки, гуще!..

* * *

Отпирая наглухо заваленные ворота, пришлось повозиться. По ту сторону ждали, весело покрикивая, затем створки со скрежетом распахнулись, давая дорогу незнакомому трибуну на рыжей кобыле. За спиной начальства пересмеивались кавалеристы, Тит на всякий случай поискал глазами Меданта, но кентавр, если и пристал к имперской коннице, вряд ли отказал себе в удовольствии как следует подрасться. Тит вскинул руку:

– Скадария с радостью приветствует желанных гостей!

– Хвала Времени и великому Стурну! – Желанный гость широко улыбнулся. – Как вы провожаете нежеланных, мы видели. Трибун Авл. Третий Отрамский бинар легата Валюция.

– Младший трибун Спентад. Мы не ждали вас так рано.

– Приказ прокуратора. – Похоже, трибун Авл не улыбаться не мог. – Ускоренным маршем идти к Скадарии. Пошли. По дороге встретили конягу. Он уговорил легата поспешить, мол, больше декады вы не продержитесь.

Медант всегда знал, кто и когда сойдёт с круга. Угадал и сейчас: до вечера они могли и не дотянуть, а дотянули бы, сколько б лежало у конюшен...

– Вы появились вовремя. Куда...

– Почему первыми – к нам? – Подоспевший Приск стоял у лестницы, и счастья на его лице не было. – Почему Скадария, а не Южная и не Нижняя? Или туда тоже пошли?

– Нет. Кроме нас, свободной конницы не осталось. Все отрамские бинары заняты внутри провинции. Двадцать тысяч скератов – это...

– Я знаю, что это такое. Какой приказ вы получили?

– Отбросить степняков от брода, оставить в Скадарии припасов и две сотни конных лучников, после чего двигаться к Южной. – Авл больше не улыбался. – Если дождутся, значит, Время к ним милостиво.

– Вряд ли успеете, – каркнул комендант и ушёл. Просто ушёл, устало загребая ногами, и Тит вспомнил, что Приск командовал Южной. Стены там были ниже, а гарнизон меньше, но конница первой выручила Скадарию, и благородный Спентад понимал почему.

– Приск служил в Южной. – А ведь Нумма упоминал, точно упоминал, сколько комендантских лет забрала крепость, на перестройку которой так и не нашлось средств! – Долго служил... Я хотел спросить о Меданте. О кентавре.

– Ваш коняга передал, что хотел, и умчался. Сказал, что ночью погуляет у скератов.

– Он не вернулся?

– Нет.

Вот тебе и ответ, что за шум был ночью у лохмачей. Это «гулял» Медант, так гулял, что Артайту стало не до штурма. Целый день передышки... Не будь его, Приск вряд ли успел бы пожалеть о Южной.

– Может, он ещё найдётся. Коняги, они живучие.

– Да, конечно... Мезий, позаботься о наших спасителях. Мне нужно доложить коменданту.

Ничего ему не нужно, только постоять на странно пустой стене и отдышаться. Медант не вернётся, а гарнизон Южной умрёт, потому что в крепости не нашлось столичной цацы, за которую прокуратор «отвечает» перед друзьями-сенаторами. Гарнизон Южной умрёт, чтобы в империи было спокойно, а империя так и не узнает. То есть узнают родичи, у кого они есть, узнает начальство, а остальные будут жить, как жили. Разве что в харчевнях станут больше болтать про глупых степных варваров. Или, наоборот, про страшных, но всё равно побеждённых великим Октавианом и ещё более великим Агриппой, ведь правящий император всегда велик...

Тит наклонился, поднял обломанное перо. От стрелы. Перья, несущие смерть, перья, которыми сподобившиеся грамоте пишут... Гусю всё равно, зачем его ошипали. Захотелось немедленно пройти в опустевшую комнатку, разорвать ставшее глупым и напыщенным письмо и вместо него написать императору... Не доклад, не оду и не сатиру, а два слова. Два грубых слова из арсенала неотёсанного коменданта захолустной крепости.

– Небец ушастый, чего сюда забрался?

– Думаю...

– Вот и я думаю. Конец Южной, а мы б день продержались, а может, и все два. Дурак прокуратор.

– Не дурак. Политик.

– Значит, сволочь. Ладно, пойдём, люди ждут. И вот что. Не надо при них о Южной, они не виноваты, что живы. И ты не виноват.

– Приказ коменданта. – Ни слова о Южной. Здесь и сейчас ни слова, но не завтра и не в Сенате.

Тит не думал, что сумеет улыбнуться, но сумел. Сумеет и больше. «Должен – значит можешь», а он должен. Приску, Сервию, Меданту, парням из Южной, трибуну Авлу, даже Нумме с его померанцами, даже болвану Аппию. И только императору и Сенату Тит Спентад-младший отныне не должен ничего. *Ни-че-го.*

Рыжий вечер

*Все богатство моё – песня да гитара,
Ласковые струны да вечер синий.
А ещё есть заветная молитва:
Чтоб грехи забылись да сбылись надежды.
А надежд у меня всего четыре:
Летом я живу в надежде на осень,
А когда от зимы я устану,
То вновь на весну надеюсь...*

Юрий Борисов

*Кабы мне такие перья
Да такие крылья,
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я...*

Николай Заблоцкий

Часть первая
Стурнийская империя
1256 год Счастливой Эры

I

Небо было иссиня-лиловым, а на западе рыжим-рыжим, как цветки календулы, и по нему, низко наклонив рогатые головы, мчались свинцовые быки с мощными загривками. Их кусали за ноги юркие гончие, над ними кружили совы, и все – и псы, и быки, и птицы – были облаками, летящими сквозь закат, а он догорал. Догорает всё – день, лето, молодость, человек, империя, звезда... Даже само Время когда-нибудь да сгорит.

– Время тоже когда-нибудь сдохнет, – сказал фавн и с хрустом раскусил рыжее – тоже рыжее – яблоко. – Да и шут с ним! Не жалко.

– Не жалко, – согласился Марк Карменал и подкинул в огонь пару шишек.

Костёр горел, и небо горело. Оно казалось таким огромным, не то что огонёк на краю чернеющего поля, только костерок будет жить и в ночи.

– Уплываешь? – Козлоногий зевнул и погладил свирель. – Нет бы налить, а то я весь язык отболтал с твоими титанами. Ну, жили, ну, не живут больше, тебе-то что?

– Любопытно, – соврал Марк и потянулся за плащом. Его ждала девушка. Странная девушка, которой не место в придорожной харчевне, но Агапе отыскалась именно там. Юная золотоволосая богиня, дочь радушного толстяка и жадной стервы. Богиня и фавн – не много-вато ли для полного кур, сплетен и пыли местечка?

– Ты только при козулечке своей не сплехуй, – хмыкнул козлоног. – Девчонки, они такие, злятся, когда на луну таращатся, а не на них. Или давай я за тебя схожу, небось не напутаю...

– Нужен ты ей!

– А ты? – Фавн поскрѐб за ухом. – Ходят тут... Заряются на цветочки.

Человек отмахнулся и растворился в темноте. Козлоногий знал много и ещё больше выдумывал, но других готовых говорить о павших царствах Марк не нашёл, сколько ни искал. Люди не помнили, кентавры злились, и немудрено – то, о чём стыдно и страшно вспоминать, забывают. Изю всех сил. Вырубая рощи и виноградники, придумывая новые имена, срывая до основания храмы и башни... Странно, что люди с конягами не попытались засыпать Стурн, разве что поняли, что убивать озѐра и горы дано лишь Времени. Убивать, размывать, уносить, что угодно...

Время не создаёт, не порождает, а рушит. Люди, что б ни плели жрецы, такие же дети Неба, как сгинувшие титаны и вымирающие полускоты. Бесплодное, полное зависти божество лишь натравило смертных на вечных, только это не повод возносить ему хвалы! Марк и не возносил, как не кланялся натыканым по всему Стурну императорским истуканам и не давал взятку императорским чиновникам; впрочем, давать было нечего – певец был бедней ящерицы. Обычно это его не заботило, но сейчас Марк не отказался бы от пары монет: купить Агапе опаловый – именно опаловый – убор. Колдовской камень как нельзя лучше подходил светлоглазой волшебнице, вчера потеснившей в душе Марка прежний мир и нынешние дороги. И ведь видел лишь дважды, а говорил и того меньше!

* * *

Отец засел за кувшин с очередным «лучшим другом», мать и бабушка были заняты в харчевне, сѣстры и брат спали. Оставались вечно торчащий у окон судья Харитон и сплетницы у источника – этих точно улицей не обойдѐшь. Агапе воровато оглянулась, раздвинула похожие на бурьян отцветшие мальвы и, рискуя порвать платье, перелезла через забор. Ни домашние, ни соседи не заметили, а на дороге никого не было: Кробу́стовы овраги путники предпочитают миновать засветло. Девушка снова огляделась, метнулась за стерегущие деревню тополя и замерла, прижавшись спиной к морщинистому стволу. Она ни разу не выходила ночью со двора и ни разу не встречалась с парнями. Старшие называли дочку харчевника послушной, подруги – трусливой, а ей просто не хотелось.

Сыновья соседей Агапе не нравились, может быть, потому что мать с бабушкой, выбирая жениха, пересчитывали чужое добро со сноровкой мытарей. «Невеста» молчала и думала о чём-то ей самой непонятном, а вчера это непонятное вошло в дом и улыбнулось.

Было слегка за полдень, и девушка срезала с обвивавших веранду лоз поздние гроздья... Нет, тогда она ничего не поняла, мало ли кто заворачивал в харчевню. Агапе просто стало любопытно, что за песни принѐс загорелый бродяга с китарой. Она услышала их вечером, услышала и рассмотрела певца. Тот, почувствовав чужой взгляд, обернулся. Их глаза встретились, и всё вышло, как в песне... Гости стучали кубками и стаканами, смеялись, грустили, приосанивались, но струнный звон и нежные слова принадлежали Агапе.

По улицам прогнали коров, звякнул вечерний колокол, и бабушка отправила внуков спать. Лечь казалось немислимым, и девушка устроилась на окне, не зная, что делать, куда

бежать, кого и о чём просить. Песни стихли, гости утихомирились, поднялись к себе, как всегда переругиваясь, родители, а она смотрела на вдруг приблизившиеся звёзды и повторяла слова чужой любви, вдруг ставшие её собственными. Потом Агапе все же легла и даже уснула. Сон был светлым и тревожным, как ранняя весна, а утром девушка столкнулась с певцом. Разговор вышел коротким... Единственный их разговор, прерванный бабушкой с её половиками. Марк просил, и она обещала вечером выйти. Она вышла. Она ждала...

– Вот ты где!

– Я... Я тут.

– Вижу. Разве можно не увидеть звезду?

– Не говори так...

– А как мне говорить? Я никогда ещё не держал звезду за руку. Странное чувство.

– Я не звезда!

– Врёшь... Ты звезда-врунишка, вот и врёшь...

Он не верил, а Агапе верила. Каждому слову, взгляду, улыбке. Она, всю жизнь слушавшая про похищения, изнасилования, обманы, не боялась и не сомневалась. Вспыхивали у горизонта синеватые искры, шелестели сухие травы, важно плыл по небу лунный щит.

– Раньше на нём проступали лики богов, потом люди подняли руку на бессмертных, и боги отвернулись. Нам остались лишь пятна.

– Это сказка?

– Нет, потому что я знаю только одну сказку. Это – ты.

Сказкой была не Агапе, сказкой была эта ночь и двое, бредущие рука об руку по ставшему небом полю. Он спрашивал, она отвечала, она спрашивала, он рассказывал. О великом озере и великом городе. О канувшем в воду храме. О прекрасных титанах, что когда-то ходили по земле. Они были светловолосы и светлоглазы, как Агапе, они не знали старости и болезней, а потом проснулась зависть, и красота иссякла...

– Это трудно понять, – сказал Марк. – Как бы я хотел их вернуть и показать тебе...

– Трудно понять? Почему? Они... эти золотые были другими... Не такие, как, как... – Понять легко, трудно высказать, объяснить, как не хочется слушать про женихов, налоги, шерсть и муку, как тошно глотать уличную пыль и улыбаться судье Харитону...

– Они были такими, как ты, Агапе. А может, ты из них? Я состарюсь и умру, а ты будешь срезать виноград, улыбаться и ждать своего золотоволосого и вечно юного...

– Я буду ждать только тебя. Всю жизнь!..

* * *

– Где ты шлялась? Где, я тебя спрашиваю?! Дрянь! Дура неблагодарная...

– Постой, Хриса! Может, ещё ничего...

– А то не видно!..

– Хоть бы и видно, нечего орать! Услышат ещё... Живо в дом!

Мать послушалась, схватила Агапе за руку, так что девушка едва не закричала, и потащила к кухонной двери. Бабушка переваливалась следом, отца видно не было. Дом и улица спали, небо было полно звёзд, но они вдруг стали тусклыми, как стекляшки, к которым пристало мыло. Бабушка закрыла дверь, мать, больше ничего не стесняясь, ударила дочь по щеке. Это было не больно, не так больно, как впившиеся в запястье ногти, но Агапе заплакала. От обиды, от того, что полёт кончился в пропахшей вчерашним соусом кухне.

– Плачешь? – прошипела мать. – Раньше надо было! Кто?! Судья или кобель этот захожий?..

Отвечать было нельзя. Слова бы добились то, что ещё трепетало на краешке души, что нельзя было отдавать. Мать с бабушкой зло спорили, но они не спорили и не ссорились, только ругаясь с отцом. Ей повезло, что бабушка не спала. Наверное, повезло...

– Ты дала?! – Они с Марком стояли так же близко, только там были любовь и небо, а здесь – злоба и доски над головой.

– *Мне пора.*

– *Уже?*

– *Ох, я и так...*

– *Звёзды утром меркнут, я знаю...*

– Ну?! Молчишь?! – Как кривится материнский рот, как уродливо кривится! – Ты только глянь на неё...

– Я гуляла, – вдруг сказала Агапе, – я ходила к оврагам...

Мать опять зашипела, а бабушка вдруг толкнула Агапе на скамью. Её осматривали, как какую-то овцу. Девушка не кричала и не отбивалась, только стиснула кулаки и поняла, что до сих пор сжимает сорванную Марком веточку бересклета. Все, что осталось от счастья.

– И чего орать было? – Бабушка отобрала зелёный прутик, зевнула и вытерла руки прямо о платье. – По себе судишь, коза гулючая? Не видишь, что ли, гадать она бегала. Наслушалась, не без того, так все уши развесили, даже мордovorот твой, а уж девчонка-то! Да ещё и луна полная...

Ей всё-таки повезло и с бересклетом, и с луной. В полнолуние у оврага срезают ветки и кладут под подушку – увидеть жениха. Только она никогда не искала женихов, а гадать... Она всё знает и так!

– Выпей горячего и ступай спать. Может, и впрямь кого увидишь. Только не сукновала...

– А чем он плох?! – вскинулась мать. – Сейчас за одно одеяло больше дадут, чем за...

Сукновал, мукомол, племянник мытаря... Хорошо, судья Харитон женат, уж его-то родители не упустили бы.

Девушка сбегала под спор о ценах на перо. Знай Агапе, где сейчас Марк, она бы бросилась за ним в чём была, но певец ушёл, то есть это она ушла, потому что спешила домой. Время Всемогущее и дочери его вечные, ну почему, почему она вернулась?!

* * *

Если не уснул ночью, на рассвете не уснёшь и подавно. Позже – запросто, но когда тьма становится дымчатым хрусталём, просыпается богиня дорог и зовёт. Её зов слышен не всем, но властен над всеми слышащими. Марк слышал, и ещё он всё равно уходил. У певца две жены – дорога и гитара, третья ему ни к чему.

– Так я и знал! – подал голос фавн, которого пришлось растолкать, ибо козлоног дрых на дорожном мешке. – Врал ты всё. Гулял он... Лёжа тоже гуляют, когда гулящие.

– Подвинься! – не стал вдаваться в подробности певец. – Или вставай, если жрать будешь.

– И кушать, и пить. – Козлоног уже сидел на корточках, раздирая пальцами кучерявые лохмы, из которых лихо торчали рожки. – Ты меня разбудил, ты меня и корми!

– Доставай. – Марк кивнул на мешок, который был слишком тяжёл, чтоб его волоочь до следующей харчевни, где будут песни, а значит, и хлеб, и мясо, и вино. – Что найдёшь съедобного – твоё.

Фавн и не думал церемониться: поесть он любил почти так же, как поболтать.

– Не приспичило б тебе девулю валять, – объявил он, – я бы к вечеру ещё чего припомнил... Нет, ну какова! Один вид, что недотрога, хотя от козы – козлёнок. Хриса-то...

– Заткнись и жуй. – Марк красноречиво тронул дорожный посох. – Я, к твоему сведению, её ни разу не поцеловал!

– Тогда какого... – ошеломлённый фавн аж выронил головку сыра, – какого... ушастого уматываешь?

– Про одно дело вспомнил. – Не окажись Агапе столь пуглива, он бы уже заработал счастье на ночь и ярмо на всю жизнь. Что бы он стал делать в этой деревне? Что бы делала Агапе на дороге? Она не канатная плясунья, ей нужен дом, ему – нет.

– Ты не вернёшься, – изрёк фавн, вздохнул и вернулся к сыру. – У нас есть дар предвидения... Время его не отобрало, просто мы почти передохли...

– Что ж тогда ерунду несёшь, провидец?

– А прошлое мы не видим, – выкрутился козлоногий. – Откуда мне знать, спал ты с девой или нет. Вот что не выйдет у вас ничего, знаю. Вино тоже моё?

– Твоё. А что ты ещё видишь?

– А ничего не вижу! – сощурился фавн. – Ни дома тебе не вижу, ни жены, ни денег, пыль сплошную... Ну, и вино. Догонит оно тебя, и правильно. Что ищешь – не найдёшь, так хоть пьян будешь, а пьяному умирать и то весело, хотя тут с тобой что-то не то... Не людской твоя смерть выходит, то есть совсем она не выходит!

– Без смерти я как-нибудь обойдусь. Ладно, прощай, раз не свидимся.

– А может, и свидимся, – сменил гнев на милость фавн. – Вот брошу свои овражки и подамся... куда-нибудь. Полтора года лет здесь сижу, надоело... Может, своих найду. Ну не перелезли же их, в самом деле?!

– Тогда ищи меня в пыли! – Марк привычно подхватил полегчавший мешок и приладил поверх него гитару. Ему уже хотелось шагать под светлеющим небом, глядя, как меркнут звёзды и чёрные силуэты распадаются на деревья и дома. Он уже шёл, напевая что-то пока непонятное, радуясь утру и вспоминая вечер. Рыжее небо, облачная охота, ожидание... Хорошо, что ничего не случилось: выпитая любовь становится головной болью, недопитая – песней. Песни так и приходят, проступают сквозь скрип дорожной пыли, обрастают словами, бередят душу, пока не стекнут с языка и пальцев, став чем-то сразу твоим и чужим.

*Тот закат не твой, ты же вечен,
Та звезда – не твоя предтеча,
Та мечта не тебе под силу,
Та Она не тебя любила.
Не любила и не полюбит...
Чёрный бык, чёрный пёс, лунный бубен...*

За спиной кричат петухи, восток наливается розовым, шелестят ещё не облетевшие ветви. Холодно, радостно, и как же много дарит дорога, если ей служить и молиться, если верить себя ей, и только ей. Уходить от несбывшегося в рассвет – это как срываться с тетивы и лететь к солнцу, просто к солнцу, никого не убивая...

*Утро пей, уходя от ночи,
Чтобы вечности стать короче...*

II

Снежинки отрывались от серых туч, чтобы найти свой конец на раскисшей земле. В полёте они казались серыми, но на заборах и крышах высились белые подушки. В такую пору по дорогам разъезжают разве что гонцы и самые жадные из купцов, ну или если у кого-то неот-

ложные дела. Ждать певца мокрой ветреной зимой глупо, только Агапе всё равно ждала. Жила и ждала, иногда чему-то улыбаясь, иногда плача.

Девушка закусила губу, прогоняя навязчивые слёзы, и вернулась в дом. В углу судья Харитон все ещё договаривался с матерью и бабушкой о жертвенных курах. Больше в зале не было никого – харчевня поутру пустовала, это позже в неё набивались переделавшие дневные дела мужчины, но ими занимались старшие.

Мать быстро обернулась на скрип, увидела Агапе, ничего не сказала. Судья неторопливо поднялся, оправил отороченный мехом плащ и прошествовал к выходу, одарив Агапе милой улыбкой. Девушка заученно поклонилась. Бабушка пошла провожать важного гостя, мать принялась убирать со стола.

– Агапе, – вдруг спросила она, – помнишь старшего писца Карпофёра?

Агапе помнила. Мать вытерла руки и велела сесть.

– Судья будет доволен, если ты выйдешь за него замуж. Судья очень ценит усердие Карпофора и хочет поселить в своём доме, но живущий в доме писец не может быть холостым.

Почему Харитон ходит в харчевню сам, а не присылает домоправителя, Агапе понимала. На это её невеликого опыта хватало, да и подружки постарались – объяснили. Судья был немолод, богат и имел родичей в столице. Он привык получать, что хотел, и восемь лет назад взял в жены первую местную красавицу. Елена всё ещё была хороша, но Харитону жены было мало, в деревне об этом судачили на каждом углу...

– Опять молчит! – Мать с силой шваркнула на стол медный поднос. – Ох и удружило мне Времечко со старшенькой! Истукан ходячий... Может, ты ещё и оглохла? Судья Харитон хочет...

– Хочет-перехочет! – отцовский рёв раздался неожиданно, так неожиданно, что мать вздрогнула. – Скот безрогий!.. Моя дочь ему не подстилка... Расторговался тут! Да кто он такой, чтобы пасть вонючую разевать?! За Перонт бы его, поглядел бы я... А ты, ты чем думаешь?! Дочкой торговать собралась! Дочкой!!!

– Заткнись! – Подоспевшая бабушка загородила мать. – А ты сам? Не купил мою Хрису, скажешь?! Свалился тут нам на голову... Орясина приграничная. Небось тогда деньгами в нос тыкать не стеснялся!

– Судья почище тебя будет! – Мать упёрла руки в бедра. – Харитон не воняет хотя бы... Внищем не воняет...

– А ну заткнись! Обе заткнитесь!!! – Отец ухватил скамью, мать с бабушкой шарахнулись к стене. Раздался грохот, скамья врезалась в стену. Другую. С полки рухнул и разлетелся вдребезги цветастый кувшин, мерзко заголосила в своей клетке учёная птица, и, словно в ответ, зашлась слезами мать.

Отец топал ногами и орал, что отдаст дочку тому, кому не медяк цена... И кто не дерьма кусок, хоть бы и в золотой миске... Он напишет друзьям... Они приедут. Это такие молодцы, не то что... Ага, молодцы. Толстые, вечно пьяные, крикливые. Зачем, ну зачем это всё?.. Зачем мать вышла за отца? Зачем у них родилась она, Агапе? Зачем она сама...

Хлопнула дверь – мать, закрыв лицо, выбежала на двор. Отец с бабушкой продолжали кричать, загородив проход. Выйти, не зацепив их, было невозможно, и Агапе сидела, где её посадили. Сложив руки на коленях и глядя в оставшуюся открытой дверь. Снег все шёл, было очень холодно.

* * *

– Хуже женщины на шее только колодка! – засмеялся Марк и прижал ладонью струны. В таверне заготовали, и Марк запел снова. О фавне и вдове. Песенка была новой – в последнюю осень богиня дорог послала ему много песен – смешных, странных, тревожных, нежных...

Сегодня он пел глупые и весёлые, пел и пил. На улице дождь мешался с несчастным в столице снегом, но от этого лишь становилось веселее.

Зима начиналась замечательно, деньги и те появились, Марк подумал и пошёл в Стурн. Отец городов певца тянул давно, но на сей раз Марк думал не о состязаниях поэтов, где ему с его виршами делать нечего, и не об умных столичных красотках, для которых удачная ночка не повод для утренних слёз. Певец решил наконец увидеть то, что осталось от всё сильнее занимавших его мысли бессмертных. Он даже был готов заплатить караулившей Чёрный мыс императорской саранче, но вмешались увязавшиеся следом тучи.

Стурн утонул в серой пелене, воды озера стали тяжёлыми, словно их покрыл слой сала, а день сжался в короткую полутьму. Красть и блудить в такую погоду – одно удовольствие; красть и блудить, но не искать осколки вечности. Марк ждал высокого неба, пел и копил деньги. Завсегдатаи харчевен были щедры, ещё щедрей, чем в провинции.

– Ха! – Подвыпивший дядька в зелёном хлопнул Марка по плечу. – Давай про лысую башку и лысую задницу!

– Я знаю только свои песни! – отмахнулся Марк. – Задницу я ещё не воспел, но могу про голову. С рогами.

Зелёный на рога согласился, Марк ударил по струнам и скорчил рожу, вокруг с готовностью заржали. Над обманутыми мужьями всегда ржут, но сколько из ржущих сами рога?

*И в самом деле я в хлеву,
И кто бы мог сказать?!
И кто кричит – не разберу,
Жена или коза?*

Обречённая на успех песенка летела к закономерному концу. Глупый пьяный муж раньше времени проснулся и вполз в спальню. Умная жена и молодой любовник ткнули ему в нос козий мех и заблеяли.

*Опять орёт, опять бурчит!
Проклятье, как я зол!
И рог откуда-то торчит.
Так, значит, я козёл?!
Да, я – козёл, да, я козёл,
Слипаются глаза...
Подвинься, дура, муж пришёл.
Ну, живо, ты, коза!*

Марк подмигнул слушателям, и те радостно взревели, подхватывая припев. Сопрёт кто-нибудь! Точно сопрёт, и ладно... Козу не жалко, а то, что жалко, он где попало петь не станет.

– Тебе *это* нужно? Именно *это*?

Чисто выбритый, высокий, лобастый. Одет не то чтобы богато – с придурью. Не для простецкой харчевни.

– Что мне «не нужно»?

– Я пришёл в этот вертеп, чтобы тебя услышать. – Лобастый говорил очень тихо и очень чётко. – Мне рассказывали о тебе, я решил проверить, так ли хорош этот неуловимый Марк Карменал в самом деле. Все мои ожидания были превзойдены. Твоё место не здесь, певец. Тебе слишком много даровано, чтобы за гроши орать про коз.

– Вот как? – О том, что ему дадено, Марк и сам знал, но это было его дело. Его, а не лобастого шептуна! – А кто ты такой, чтобы меня поучать?

– Я не назвался? Извини. Моё имя Спу́рий Физу́лл.

Это наверняка что-то значило, тем более в столице, но узнавать подробности певец не спешил.

– Ты можешь быть кем хочешь, а я пою то, что хочу и кому хочу! – Марк осушил далеко не первую кружку и стукнул ею по столу, привлекая внимание. – Друзья, хотите песню о двенадцати конягах и одной кобыле или о двенадцати кобылах и одном коняге?

* * *

Под ногами дразняще поскрипывал снег, в небе не было ни облачка. Зима, шестнадцатая зима Агапе, металась, словно тоже была влюблена и покинута. Хмурые оттепели сменял ясный холод, дразнил негреющим солнцем и сбегал, укутавшись в полные мокрого снега тучи. Бабушка твердила о дурных приметах, отец пил, мать ко всем придиралась, но уходить из дома, каким бы постылым тот ни был, девушка боялась. Одинокая путница на дороге – лёгкая добыча. Выдать себя за мужчину она не сумеет, а женщину со стриженными волосами наверняка сочтут беглой рабыней. Оставалось навязаться кому-то из постояльцев, но подойти и попросить взять с собой? Что она скажет, чем расплатится? Ничего своего у неё нет, а обобрать родных Агапе не могла.

Конечно, её всегда возьмут в храм, но про младших жриц судачили не меньше, чем про ловцов женщин. Судья Харитон пожертвует Времени пару телок и получит, что ему нужно. А не Харитон, так другой или другие... Агапе тоскливо вздохнула и свернула к оврагам, к вцепившемуся в край обрыва бересклету, у которого ей перепало немного счастья. Она убежала туда всякий раз, как позволяли домашние дела и погода. Постоять у тоненького деревца, на котором до сих пор уцелело несколько похожих на цветы плодов-коробочек. Агапе даже не пыталась их сорвать – у неё уже был подарок Марка.

Веточка с одобрения бабушки стояла у изголовья кровати вместе с восковыми цветами, которые Агапе мечтала выкинуть. Толстые лоснящиеся розы напоминали о том, что это спальня невесты. Неважно – чьей, но невесты, и к осени её продадут. Родители ссорились, покупатели тоже ссорились, спастись можно было лишь бегством. Если Марк не вернётся, придётся бежать, только как и куда?..

Что её с силой толкнуло в спину, девушка не поняла и ещё меньше поняла, как она не сорвалась вниз. Тело как-то удержало равновесие, закачались зеленоватые пруттики, с них посыпался снег. Все ещё ничего не соображая, Агапе попыталась повернуться, ей не дали – навалились на спину, обхватывая шею. Напавший пытался спихнуть жертву в овраг, но Агапе повезло – левая нога встретила вросший в землю валун. Девушку дёрнули в сторону, шиколотка подвернулась, Агапе упала на четвереньки, увлекая с собой неведомого врага. Перед самыми глазами дрогнули высохшие зонтики фенхеля, ладони обожгло снегом. Тот, на плечах, взвизгнул, завозился, раздался снежный скрип, хватка ослабла.

– Эгей, – потребовал звонкий мужской голос. – Эгей... Не дури! Пусти девулю... Пусти, знаешь ведь...

Пустили. Агапе кое-как поднялась, коснулась щеки рукой. Мокрой, холодной, и сразу стало холодно везде. Девушку бил озноб, но она заставила себя обернуться. Кто-то кудлатый, блестя зубами, удерживал женщину в богатом плаще. Елену!

– Эгей! – Лохматый рывком развернул добычу лицом к себе. – Опомнилась?

Жена судьи злобно рванулась. Не вышло – кудлатый знал, что делает.

– Нет ещё? Ну, подури, подури, а я подержу. Не жалко.

– Пусти!..

– А лягаться не станешь?

– Пусти, скот!!!

– Только снизу, моя радость. И разве это тебе не нравится?!

Кудлатый со смешком разжал руки, Елена отпрянула и застыла, хватая ртом воздух. Покачнувшись, отшагнула от оврага и вдруг побежала. Наверное, быстро, но Агапе казалось, жена судьи топчется на месте, только жёлтый плащ мечется, как простыня, которую повесили сушить.

– Эй, – раздалось под ухом, – хочешь песенку?

– П-песенку? – переспросила Агапе. – К-к-какую?

– Такую. На, хлебни...

Агапе хлебнула и узнала отцовское вино – не по вкусу, она вина не пила, по острому полынному запаху. Девушка вздрогнула и торопливо глотнула, а облетевший бересклет вдруг запел о весне, которая вовсе не была страшной.

* * *

Это Физулл сочинил песенку про лысых, которую распевали на каждом углу! Распевали громко, весело, нагло, не оглядываясь на «ос» и «трутней»⁸. Кто сказал, что это у императора не отличишь голову от задницы? Мало ли в Стурне безволосых? А что это вы так смотрите? Уж не думаете ли, что наш великий, наш обожаемый Постум выжил из ума?

Постум Марка не волновал, мало ли кто сидит на троне, и вообще какое певцу дело до императоров? Хочется Спурию Физулли задирааться – его право, только песни о козах ничем не хуже.

– Как сказать. – Физулл был упрям, но за этот ужин платил он. И он же обещал рассказать о фертаровских фавнах. – Как сказать, певец. Ты смеёшься над тем, над чем смеются все, кроме обманутых мужей. Подобный смех не делает людей умней и смелее. Я смеюсь над властью, а осмеянная тирания перестаёт быть страшной. Стурн гниёт с головы, я объясняю это телу, пока оно смертельно не поражено. Нам нужна другая голова...

– Мне и эта сгодится! – Есть Марк больше не мог, только пить. – Оторвать голову можно, но как её прирастить хотя бы курице? И вообще новое начальство всегда хуже предыдущего, поэтому пусть живёт и пасётся нынешнее. Да здравствует император!

Физулл поморщился. Он чего-то хотел, иначе б не прицепился.

– Я сужу о тебе по песням. По лучшим твоим песням. Как можешь ты, певец великого, ясного прошлого, мириться с настоящим?! В Стурне невозможно дышать. Чиновники позабыли слово «честность», мытари готовы ободрать каждого, жрецы сами не верят своим словам, а глупцы, которых стригут, только блеют... Волки и овцы – это и есть Стурн. Империя, где вольготно лишь мерзавцам, а спокойно только дуракам и спящим, но заснувших среди ядовитых испарений нужно будить! Даже если это им не нравится, и делать это некому, кроме нас! Это наш долг, твой долг...

– У меня не бывает денег, – не согласился Марк. – А нет денег, нет и долгов.

– У тебя есть долг перед одарившим тебя Небом, а деньги... Они тебя отыщут. Не сразу, а когда будут нужны. Старость приходит ко всем людям, Марк Карменал, а ты – человек, хоть и поёшь о титанах. Я слышал, у тебя есть песня о защитниках Стурнона, спой её мне.

– Я оставил китару в своей харчевне. Спасибо за обед, он пришёлся кстати, но я его не выпрашивал, так что это не долг.

– *Это* не долг, ну а китара... Она есть не только у тебя. Лучшие инструменты делают в Велбне. Попробуй.

Марк попробовал. Чужестранка ответила звуком дивной глубины. Певец любил свою неизменную спутницу, но жене не сравниться с богиней!

⁸ В Стурне городскую стражу в шутку называют «трутнями», а шпионов – «осами».

– У неё хороший звук. – Марк пытался быть спокойным, но владелец богини теперь казался неуместней худшего из мужей. – Только вряд ли такая красotka будет рада моим дорогам.

– Она боится дождей меньше стурнийских уходо́рок. Тебе надо обзавестись велонской китарой, но мы к этому ещё вернёмся. После песни.

– Эта песня не закончена. – Петь не тянуло, но отказать уже было нельзя. – Может, Стурнон отдаст мне её до конца. Даже из-под воды...

– Может. – Физулл и не подумал улыбнуться. – И, может, он пробудит твою совесть, совесть гражданина, а пока пой как есть. Я, знаешь ли, шесть раз судил состязания поэтов в надежде открыть в ком-то священный огонь. Бессмысленно. На императорскую сцену идут продавать себя, это тот же лупанар! Гимны императорам, оды императорам, статуи императорам... Ты хочешь видеть священный мыс титанов? Ты его увидишь вместе с мраморным уродством в честь побед императорского предка. Побед!.. Тогда и войны-то никакой не было, но разве подхалимам нужна правда? Они целуют задницу и гребут из этой задницы золото. Говорят, деньги не пахнут, и это правда. Смердят стихи, написанные за деньги! Тот, кто опустился до такого, потерян и для богов, и для искусства. Достаточно вспомнить Аппия Фергара. Как он начинал и как кончил... Глупец, предавший совесть, память, семью за возвращение в столицу, за возможность читать свои вирши одержимым войной мерзавцам... Мерзость и предупреждение всем нам!

Я стал искать тех, кто чурается властей предрержащих, и узнал, что некий Марк Карменал спрашивает про фавнов и что песни этого Марка звучат по харчевням. К сожалению, не те песни, что нужны Стурну. И это не те песни, что нужны Небу.

– Я пою, что поётся. – Сколько можно трепаться, но китара хороша! Она хочет петь, она требует настоящего. Главного... – И я не молюсь никому. И не собираюсь. Ты хотел про бессмертных? Это не та песня, что я хочу; пока не та...

*Не останется нас – ни в крови, ни в молитвах, ни в песне.
Не останется храмов, мозаик, мечей и могил.
Мы уходим дорогою вечно тревожных созвездий,
Торжествуйте! Делите добытый предательством мир!
В нашем мире кружили над скалами птицы,
В нашем мире звук сплелся со словом и с летом лоза.
Мы уходим, и кто-то последней зарницей
Уходящей грозы...*

Вломившимся стражникам был нужен не он – это Марк сообразил до того, как балбес с ликторским Ульем на шее сунул под нос Физуллу свой перстень. Можно было отступить к стене и выждать, чем кончится. Или рвануть к чёрному ходу. Вместе с китарой, враз ставшей не нужной хозяину, но Марк отбросил жалко звякнувшее велонское чудо, ухватил остолбеневшего Физуллу и поволок за собой, потому что... Потому что лобастый дурак доболтался! Тревожить императорскую задницу в Стурне и в самом деле не следовало. Если ты, разумеется, не хочешь на галеры.

* * *

Елена обещала деньги. Много. Пятьдесят стурниев, если Харитон не узнает про то, что было у оврага. И ещё столько же, если Агапе выйдет не за Карпофора... Жена судьи говорила тихо и быстро, от неё пахло благовониями, она была ещё красивей, чем всегда, она просила. Агапе стало её жаль, но девушка только и сумела, что покачать головой. Она сама не понимала,

почему не может взять эти деньги, ведь это не было кражей: Елена предлагала сама, но, увидев бабушку, торопливо распрощалась и прошла в харчевню, а на обратном пути глянула так, что девушка едва не кинулась бежать.

– Чего ей понадобилось? – Мать тоже все видела. Наверное, из окна.

– Так...

– Что «так»? Я должна знать.

Слова липли к горлу, но мать как-то догадалась. Не про все, но хватало и половины.

– Деньги совала? Чтоб Карпофора отвадила? Сколько?

Агапе сказала, сама не поняв как. Она всегда признавалась, когда её спрашивали, почти всегда... Только про Марка молчала и про овраг...

– Полсотни! – хмыкнула вернувшаяся бабушка. – Совсем совесть потеряла! Да на ней самой в пять раз больше навешано! Что ты ей сказала?

– Ничего. Мне её денег не надо!

– Полсотни не надо, а полтысячи... Заплатит, куда денется! Пожалуй, и тысячу найдёт...

– Харитон не уймётся, – перебила мать, – ни за тысячу, ни за десять. И эта стервь тоже...

Со двора больше ни ногой, с Елены станется прибить.

Агапе кивнула. Она бы рассказала про овраг, но там жил фавн, а у фавна было вино. То вино, что приносила мать... Бабушка поджала губы и быстро пошла в дом – что-то вспомнила, мать задержалась.

– Выйдешь за Фотия, – объявила она. – Лучше свой осел, чем чужой конь, а с Еленой тебе не сладить... И в кого ты такая снулая?! Я бы знала и что с судьёй делать, и как гадюке зубы повывёргивать.

– Не хочу. Не хочу ничего делать ни с кем...

Агапе знала: сейчас случится что-то страшное, но говорила. Торопливо, путано, понимая, что ничего уже будет не исправить.

– Не хочу, как вы с отцом... Ненавидеть, кричать, и всё равно... в одной постели. И в овраг к козлоному не пойду! Понимаешь, не хочу как ты! Пусть убивает... Но я не стану как ты, как вы все! Бабушка, отец, Елена эта... Вас даже мертвецы не заберут, вы уже – тени несытые, а я... я не могу так! К судьё... к сукновалу... в овраг с отцовским вином...

Не могу!

– Я тоже думала, что не смогу, – сказала мать и заплакала.

* * *

Стурна Марк не знал, но у него было чутьё, не раз выручавшее хозяина, когда приходилось удирать, а удирал певец частенько. Он мало кому желал зла, но мужья бывали слишком подозрительны, трактирщики – корыстны, а стражники и мытари – исполнены излишнего рвения. Драться Марк умел, но не любил – берёт пальцы, вот и полагался на ноги и богиню дорог. Она не подвела своего баловня и сейчас, хотя Физулл в длинных, сразу намокших одежках был ещё тем спутником... Марк тащил вольнодумца за руку, подпихивал под зад, помогая перелезть заборы, толкал в канавы, но уйти им удалось.

На всякий случай Марк загнал Физулла в закуток между двух сараев и прислушался. Топота и криков, сопровождающих охотящихся стражников во всех городах, слышно не было. Певец перевёл дух и наскоро проверил кошелек и нож – они были на месте. Оставалось покончить с оказавшимся отнюдь не удачным знакомством, выручить старушку китару и отложить припадание к истокам до лучших времён. На галеры Марк не хотел, а в рудники и того меньше.

Рядом вздрогнул мокрый Физулл, и певец не выдержал – ругнулся. Куда девать лобастого умника, Марк не представлял, но бросать его, такого, под забором, было сразу и подло, и

глупо: мокрые тряпки в разгар зимы сведут в могилу надёжной вольных мыслей, проще было не мешать ликтору.

– У тебя есть подружка? – деловито осведомился певец.

Физулл возмущённо затряс породистой головой. Подружки у императорского врага не имелось, что в некоторой степени оправдывало высоту помыслов, но лучше бы помыслы были пониже. Не так больно падать.

– Нам надо покинуть этот город и эту страну, – объявил спасённый и чихнул.

– Сперва найдём харчевню поплоче. Ты посидишь, а я сбегаю за своим добром...

– Нет! – замахал пальцем Физулл. – Нет, нет и нет! Тебя уже поджидают и схватят, как только ты появишься. Я знал, знал, что придёт день, когда придётся бежать, спасая... нет, не жизнь, те ростки свободы и совести, которые ещё остались в Стурне. Есть человек... Купец из Нинней... Он нас спрячет и переправит в Велон. Идём к нему.

– Ну уж нет! – С таким спутником не только в Велон, до перекрёстка не доберёшься! – Ты слишком мокрый, чтобы таскаться по холоду, и слишком грязный, чтоб гулять по приличным кварталам. Я схожу к твоему купцу сам, но купцы любят деньги и не любят ссориться с властями.

– *Этот* купец – друг. – Физулл на глазах обретал былую уверенность. – Он не возьмёт денег, от нас не возьмёт... И не жалеет о старой гитаре. К нашим услугам будут лучшие мастера Велона. Там умеют ценить и слово, и сердце...

– И там ты напишешь про задницу велонского императора или кто там у них?

– В Велоне – сенат. Настоящий сенат, не то что наша конюшня... Извини, я в самом деле начинаю замерзать. Ты уверен, что найдёшь поблизости безопасное место?

– Уверен, если будешь только пить вино и чихать. «Трутни» по такой погоде плохо летают. Если я что-то понимаю в харчевнях, мы совсем рядом. Винные бочки где попало не валяются.

Марк угадал, или это богиня дорог не желала для певцов дурного конца. Харчевня была жарко натоплена и полупуста. Разомлевшие возчики, а гостями были именно они, на двух промокших до нитки чудаков даже не обернулись. Певец устроил спутника в дальнем углу, бросил хозяину пару медяков, велел подогреть вина, и для отвода глаз спросил, где отыскать девчонку пожарче. Хозяин объяснил, певец расстался ещё с одной монеткой и, насвистывая, вышел в дождь.

Часть вторая

I

Агапе подрезала оплетавший веранду виноград и пела, потому что не петь не могла. Серенькое утро непонятно почему было прекрасным, а песенка ни о чём сама текла с губ. Вечером девушка долго не спала – думала, что делать с Карпофором и судьёй, а сегодня распелась, будто какой-нибудь воробей. Воробей оказался тут как тут – слетел с крыши и зачирикал, Агапе счастливо рассмеялась и заметила у ворот гостя. Марка! Опомнилась девушка уже внизу, настолько опомнилась, что сумела оглянуться. У сараев совещался с конюхом отец, сквозь распахнутую дверь харчевни слышался голос бабушки.

– Я пела, – сказала Агапе, – а ты пришёл... Я тебя услышала и запела.

– А ведь я молчал, – улыбнулось вернувшееся счастье. – Весна тебе к лицу больше осени. Ты всегда калечишь виноград?

– Нет. – Агапе опять рассмеялась. – Только... когда ты должен прийти.

– Привет, приятель! – прогремело от сараев. – Молодец, что завернул! Может, задержишься? Не пожалеешь – ко мне друзья собрались... Лучший винодел Стурна с семейством.

Агапе, а ну живо кормить гостя! С недожора только на марше петь. Стой! Матери скажи, чтоб не жалась... А бабуку сюда гони, у гримзы руки золотые, как до живности доходит. У Ночки началось...

Это был их день! Тот самый день, когда удачи нижутся ягодка к ягодке, словно бусы. Отцовские приказы, умница Ночка, то, что мать с бабушкой были в доме, а она – на веранде... Сестра-Жизнь протянула их с Марком любви руку и улыбнулась.

– Иди в дом, – велела Агапе, – быстро! И садись...

Певец кивнул и вошёл, Агапе просчитала до дюжины и вбежала в боковую дверь.

– Отец зовёт, – выпалила она. – Он с Ночкой! Там уже...

Конечно, они пошли вдвоём – бабушка и мать. Марк уже сидел в углу за столом, китара и мешок лежали рядом. У окна доедали своё мясо отрамские купцы, они заплатили за стол и ночлег ещё вечером. Агапе схватила кувшин и миску. Если что, она льёт гостю молоко.

– Ненавижу молоко, – признался Марк, – но из твоих рук хороша даже цикута. Выйдешь вечером? Осенью звёзды – яблоки и падают, а сейчас они цветут.

– Выйду!.. Марк, ты... Я подам мясо, холодное, и... Мне надо уйти, только ты подожди. Я...

– Ничего не понимаю, но я в самом деле голоден, как собака. И хорошо, что ты уйдёшь. При тебе я могу только любоваться, так что умру. С голоду.

«При тебе»... Они больше не расстанутся, второй зимы, второй пустоты не будет, значит, она возьмёт деньги Елены. Прямо сейчас пойдёт и возьмёт! Подло? Нет, ведь всем будет хорошо, кроме Харитона, ну и пошёл он к «грифам»! Елена сама предложила... Сама...

– Эгей, ты чего?

– Потом расскажу. Всё-всё...

* * *

Это ж надо было! Влюбиться, удрать, забыть, вернуться и вновь захмелеть. Никогда не надо возвращаться весной, или только весной и надо? Ведь ждала же, так ждала, что за десяток здешних стадиев почуяла, а сам он?

– Даже не знаю, – признался Марк. – Соврал, а потом вдруг подумалось, что оно и не враньё. Не совсем враньё.

– А что ты наврал? – сварливо уточнил фавн и почесал ногу, вырвав клоч зимнего пуха. – И что ты мог наврать?

– Не хотел в Велон тащиться! Помог тут одному... умнику. Он сдуру с императором заелся, вот его за жабры и ухватили. Хотя, знаешь, от мужей удирать труднее.

– Истинную страсть не подделаешь, – сообщил козлоног, – мужья бесятся всерьёз, а стражники – за деньги. Меня тоже не поймали, лень стало... Тех, кто на Фертаровой вилле остался, забрали, не без того. Ну так нечего сидеть было... Чего в Велон-то не пошёл? Там в горах, говорят, горгоны ещё водятся, про титанов бы своих спросил.

– Нет там никаких горгон, а «грифы» – не цветочки, пчёлкам без надобности. Вот китары у них хороши...

– Ну так за китарой бы ходил. Не даром же всяких спасать!

– А потом куда? На галеры?

– Там бы остался. У моря, с должником, с китарой... Песенки бы пел... В Велоне хорошо, даже зимы нет.

– А петь кому прикажешь? Макрели? Физулл этот скучней мидии. Всё ему не так и будет не так, пока подружку не заведёт... Вот я и ляпнул, что не могу идти – невеста у меня. Даже имя назвал. Агапе. Сам не знаю, как в голову пришло, ведь не было с ней ничего! После – было, и как лихо, а тут только звёзды и пособирали...

- Ну и шёл бы к тем, с кем было, сюда-то зачем?
- Спроси что полегче. Болтаться в Стурне я не мог: с Физуллом мы не первый день пили, не прятались, а страже мышей ловить надо. Убрался от греха подальше, а как сюда занесло, сам не понял. Красивая она всё-таки...
- Красивая, – подтвердил фавн, – потому и жалко... Угровишь ты её.
- Не люблю предсказаний, особенно таких, – прикрикнул Марк. – Совсем не люблю, да и врешь ты... Все фавны врут.
- Много ты фавнов видел.
- Ты – третий, и все врут.
- Ну так вали к конягам! Они врать не умеют.
- Зато дерутся. Когда про титанов слышат... И про вас.
- Ясное дело! Хотели во дворцы, а угодили из царской конюшни в мужичью, вот и бесятся. А не предавай!
- Вы лучше, что ли?
- Мы не лезли в чужие дразги, – с достоинством объявил фавн. – Мы были, как ты сейчас, потому я с тобой и вожусь. Так точно женишься?
- Точно. Девушки любят свадьбы, так что будет Агапе свадьба.
- А счастье будет? Ей ведь счастье нужно, а из тебя счастье, как из меня коняга! Шёл бы ты лучше отсюда.
- Шёл бы? Вот заладил – «шёл бы к тем», «шёл бы к этим»... И что это ты меня все время выпроваживаешь, а? Никак слёзки утирать собрался?
- Дурак ты! – Фавн опять принялся рьяно чесать ногу. – Тебе назло она со мной не станет, а не назло не станет ещё больше... Говорю же, жаль мне её. Очнётся на соломе, рядом – ты. Без песен, без штанов, и лето кончится.
- Выпьем?
- Выпьем. А лето как кончится, так и начнётся. Не бойся, я её не обижу.

* * *

Карпофор предлагал за невесту семь сотен стурниев, Марк положит перед отцом семьсот пятьдесят. Двести пятьдесят останется на свадьбу и дорогу, или просто на дорогу, если певцу откажут. Тогда они уйдут, передав выкуп через храм и уплатив пошлину, как делают все, кто женится без согласия родителей, назвав себя «детьми императора». Это дешевле свадьбы: за «пчёлком»⁹ писцы берут не больше пятидесяти, но Агапе не хотела ссоры, она так и сказала Марку, провожая его на ярмарку за подарками. Дома пока ничего не знали, но девушке казалось, что её отпустят. Наверное, из-за Ночки, родившей лучшего в мире жеребёнка, и потом, когда Марк пел, мать с бабушкой плакали, а отец... Отец тёр глаза и клял чадящий очаг, а тот совсем не чадил...

Что-то шлёпнулось на кровать. Абрикос. Зелёный и жёсткий... Агапе вскочила и высунулась в окошко. Марк! С ума сошёл!

В доме спали, так спокойно спят лишь перед рассветом, Агапе тоже бы спала – мешало счастье. Тормошило, нашёптывало что-то странное, тянуло в поля и дальше к заветному бересклету. Марк здесь, они могут встретить рассвет, но если впереди сотни рассветов, один можно и отдать. Сейчас нужна осторожность... Девушка приоткрыла дверь в летнюю кухню. В углу сверкнули жёлтые глаза – кошка караулила крысу.

⁹ «Пчёлками» в обиходе называют скреплённый печатью с императорским Роем документ, что-либо официально удостоверяющий.

– Быстро же ты проснулась! – Марк чмокнул Агапе в щеку. – Опять подслушивала? За сколько стадиев?

– Нет, – невольно рассмеялась Агапе, – не подслушивала, просто не спала... А потом упал абрикос.

– Абрикос, виноград... Завтра обстриги, что хочешь, и соберись. Вечером я тебя уведу.

– Почему? – не поняла Агапе. – Мы же...

– Не выходит у нас как у людей. Делай со мной что хочешь, но твой кошель я потерял.

– Потерял? – переспросила девушка и почему-то села. – Как?

– Спёр кто-то, а может, я сам посеял. То ли деньги дурные, не впрок, то ли богиня дорог вранья не хочет... Ничего, хлеб и мясо я всегда добуду! И голой ты у меня тоже не останешься.

– Значит, потерял...

– Сказать, что счастье не в деньгах, или сама догадаешься?

– Не в деньгах... Конечно... Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой?

– А ты думала! Пойдём в Ионнеи, давно хотел там побывать... Быстро пойдём, нас не найдут, что-то у меня есть, на мулов и еду хватит, а петь поблизости я не буду.

– Марк, – сердце провалилось куда-то вниз, но она должна это сказать, – так нельзя...

Я уйду, они останутся... Отец с матерью тогда совсем... А сёстры... Скажут, что они такие, как я, а бабушка... Она хочет, чтобы все было хорошо, она не понимает, что мне не надо как у них! И как у Елены – не надо... Пусть дома думают, что мы, как положено... Это ведь не ложь, когда от неё всем лучше... Мы должны пожениться и уехать в повозке хотя бы до поворота, чтобы... Чтобы на сёстрах не повисло, что... Что я сбежала с бродягой!

– Ну и что? Ты любишь бродягу, бродяга любит тебя. Мы ничего не крадём и никого не обманываем. Пусть сидят в своём курятнике, пусть им будет хорошо...

– Да не будет им хорошо! Понимаешь, не будет! Я уйду, а они... Это хуже заразы... Большой не виноват, беда и беда, а тут всё из-за меня... Сёстрам замуж не выйти, разве что отец друзей вызовет, таких, как он... Старых... Пьяниц...

– У тебя никакая сестра не сбежала, тебе весело жилось? Станет плохо, улетят... Как ты, как я... Думаешь, у меня родни нет? Как бы не так! Полдеревни родственничков, один другого почтенней... Ничего, ушёл!

Марк не понимал! Не понимал, и всё, а она не могла объяснить. И подлой быть не могла... Осенью, когда её трясли и раздевали, она бы все бросила, но потом была Елена у оврага, козлоногий с его песенкой и отцовским вином, правда о матери... Мать стала такой не по злобе, она была несчастна, потому и плакала у ограды, и отец... Как он кричал, что не даст продать дочку, а дочка возьмёт и сбежит... На радость Елене и сплетницам у источника, а ведь сестрёнки уже вовсю крутятся перед зеркалом. Бабушка ворчит, что дурёхи лицом в отца, и это так и есть...

– Я... Меня берут замуж и так, а вот сёстры...

– Ещё б тебя не брали! Занеси к вам императора, он бы шмякнулся к твоим ногам. Даром что лысый.

– Ты не хочешь понять...

– Да понимаю я всё! Свадьба, наряд, цветы в косах... Я тебе цветы каждую ночь рвать стану. Знаешь, какие в Ионнеях розы?

– Не знаю. Марк, я не пойду с тобой. – Обычно слёзы текли из глаз сами, а сейчас как отрезало. Вот грудь чем-то сдавило, и виски тоже.

– Ну, было бы предложено. Умолять не стану, только вором не считай. Не брал я твоих денег.

Теперь ещё и в горле горит, или не в горле, а ниже? Агапе вздохнула, но словно бы не до конца.

– Уходи. – Она будто тонула изнутри, но глаза оставались сухими. – Увидят.

– Пусть. Вот ведь... Говорил же козлоногий, что не сладится, и не соврал. Предсказатель...

Агапе не дослушала.

II

Внизу орали песню. Громко и фальшиво – отец принимал друзей, они в самом деле приехали. Двое таких же харчевников и винодел, все с сыновьями. Агапе им показали, и теперь старики о чем-то сговорились, иначе бы не орали, и мать с бабушкой не остались бы за столом. Мать всё-таки зашла, сказала, что какой-то Публий поставляет красное ниннейское самому императору, и велела ещё раз сменить платье. Агапе кивнула, ей было всё равно, лишь бы уехать. Куда угодно. Она согласна жить без любви, без надежды, она так уже живёт, но чувствовать себя врунней и воровкой?! А оставшись дома и не вернув Елене её тысячу, кем она будет? То, что жена судьи вынуждена молчать, ничего не меняет, так даже хуже. Взять у того, кто не может не дать, и обмануть...

Харитон не отступался, лето кончалось, Елена несколько раз заходила в харчевню, но Агапе удавалось прятаться за бабушку и гостей, а со двора девушка не высывалась. Поля и овраг стали самым страшным местом на земле, и не потому, что её там пытались убить.

Вернулась мать, заставила пройтись, расправила пару складок и велела сменить серьги на те, которые принесла. На тонких золотых цепочках качались камни, вобравшие в себя сразу росу, звёзды и туман. Это было красиво, несмотря ни на что, это было так красиво...

– Вдевай, и идём.

Агапе послушалась; серьги не были тяжёлыми, но они так непривычно качались. Закрылась дверь. Скрипнула лестница. Девушка знала, что её просватали, не знала, за кого, но значения это не имело. Мать живёт с отцом, Елена – с Харитоном, выживет и она... с мужем. Наверное, у них родятся дети, дочери... Она не будет бить их по щекам, но и плакать при них тоже не станет. Она выбрала такую судьбу сама. Не из-за свадьбы и не из-за семьи... Из-за того, что Марк оказался не тем.

– Дочка! – Отец, пошатнувшись, поднялся из-за стола. – Дочка... Эт... Гай... С-сын моего друга П-публия... Лучшего друга. Д-д-венадцать лет рядом под Ид-дакловым роём... и под ст-трелами... Эт... тебе не судейская шкура... Каким с-сотником он был! К-к-каким сотником...

– Я знаю твоего отца тридцать лет. – Утром Агапе не запомнила всех лиц, но этот загорелый с проседью мог быть только Публием. – Хорошо, что в наш дом войдёшь ты, а не... девица из «благородных». Гай не слишком хотел ехать, но тогда он не видел тебя...

– Теперь видит! – засмеялся губастый харчевник. Он был пьян, хоть и не так, как отец. – Хорошо, мы не взяли с собой баб... От баб такую п-прелесть нужно прятать... Разорвут. Я б твою Агапе взять в дом не рискнул... нет, не рискнул бы...

– У тебя не будет свекрови, девочка, – перебил Публий, – но Басса, останься она жива, была бы тебе рада. Гай, подойди к невесте. Пусть дети посмотрят в глаза друг другу. При нас посмотрят!

Гай – сын вино торговца Публия, а Публий богаче Харитона... Для матери и бабушки главное это. Гай – сын сотника, это главное для отца. Ну а ей нужно исчезнуть. Навсегда, и будь что будет!

– Да не смотри ты в пол! – потребовал отец, и Агапе заставила себя поднять глаза. Сын вино торговца был старше Марка, но не слишком, высокий, смуглый, курчавый, он мог нравиться девушкам, он наверняка им нравился...

– Да не смущайте вы её! – раздалось из-за стола. – Диконьякая она, сразу видно... Тем и хороша.

Диконьякая? Агапе быстро повернулась, позволяя застегнуть на шее ожерелье из туманно-звёздных камней. Когда крохотный замочек защёлкнулся, девушка вздрогнула. Сидящие за столом захохотали и подняли кубки.

* * *

Недостроенный храм напоминал гигантский рыбий садок, а может, Марка бесила императорская наглость. Стаскивать непонятно чьи кости на Чёрный мыс было кощунством, но нет худа без добра: когда в зачатое место пригнали каменотёсов и дровосеков, стража убралась восвояси. Теперь среди пощаженных топором гоферов мог бродить кто угодно, но желающих было немного – о последней битве титанов не то чтоб забыли, просто живым это стало неважно. Тысяча двести пятьдесят семь лет – слишком не только для людей, но и для большинства деревьев, не потому ли на месте срываемых храмов Идакл велел сажать именно гоферы? Если б только они говорили, но разменявшие вторую тысячу великаны не снисходили до ползавшей у корней мелочи, даже когда их рубили. Титаны умирали так же, вот на этом самом берегу.

Марк пытался представить, каким был мир *тогда*, но воображение отказывало, разве что певец не сомневался: города побеждённых превосходили города победителей, как истинный жемчуг превосходит поддельный, потому-то первые людские цари и запрещали подражать бессмертным. У наследников Идакла хватало то ли гордости, то ли ума отказаться от захваченных домов и сокровищ, мечи титанов и те отправились на дно Стурна... Потом их искали – не нашли. Запреты истончались, выцветали вместе с памятью; тянулись к небу гоферы, вымирали кентавры и фавны, дрались и мирились люди... Марк пытался написать об этом, иногда ему даже казалось, что получается...

*Мы останемся страхом пред тем, что навеки исчезло,
Непонятной тоскою при виде забытых руин,
Вечной горечью твари бескрылой, замершей у бездны,
Ложью ваших преданий, правдивостью ваших морщин...*

Ещё утром строчки, пришедшие в голову на постоялом дворе, певцу нравились, здесь, среди гигантских тёмнохвойных колонн, за них стало стыдно. Марк, словно кому-то отвечая, с досадой махнул рукой и пошёл вдоль обрыва. Мыс кончался обрубок – борода дикого винограда укрывала будто срезанные мечом скалы, внизу плескалась озёрная вода, слишком мутная, чтобы разглядеть неблизкое дно. Марк добрался туда, куда хотел, и нашёл камни, воду, багрово-зелёные предосенние лозы – и всё. Странно было рассчитывать на иное, всё это было глупостью, детской мечтой о прекрасном исчезнувшем мире, мечтой, превращавшей в сон настоящее, а ведь в настоящем тоже случается счастье. Любовь, дом, мастерство, признание, деньги, наконец, – глупо жертвовать этим в обмен на пустоту. Золотоволосые полубоги, сказочные дворцы, смолкнувшие песни – полно, да были ли они?

Человек лёг на живот и, вцепившись в нагретый солнцем камень, свесился вниз. Тот же дикий виноград, тот же белый блестящий скол, та же словно бы дышащая вода. Вдох. Волна заликает плоскую, зелёную от озёрной травы плиту... Выдох. Стурн возвращает добычу солнцу. Снова вдох, снова выдох... В странно знакомом ритме, в ритме шагов, в ритме сердца, в ритме дороги, той самой, на которую вступаешь в юности и с которой в любой миг можешь сойти, да не сходишь. Так дорога становится жизнью, так жизнь вытекает песнями...

*С этих пальцев стечёт бывшее
Чтобы стать звездой и судьбою,
И в груди непонятной болью*

Дрогнет сердце уже чужое...

Это было не то, что он хотел сочинить, но пришло именно оно и оказалось правильным. Марк не выдумывал, не пытался представить разрушенное, не подбирал рифмы к заученным странным словам – это было не нужно. Озеро тяжело дышало, и человек дышал вместе с ним.

*Обожжёт тебя холод неба,
Станешь тем, кем ты сроду не был,
Пропойшь не свою дорогу
От богов к себе и вновь к богу,
От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдёшь не сам в ту же реку...*

* * *

Агапе уезжала. Было немного жаль – нет, не немного, до почти осязаемой боли, только жалость эта не держала, не возвращала, а гнала вперёд. Агапе помнила то хорошее, что было – а ведь было же! – но жила уже другим. Парусниками, скользящими по глади великого Стурна, ниннейскими виноградниками, ионнейскими жёлтыми розами... Она и раньше чуть ли не вживую видела, как уходит навстречу разгорающемуся дню; этот день пришёл, и стало больно и счастливо. Так бывает на самом пороге любви, но любовь от Агапе отшатнулась, а счастье почему-то нет.

Во дворе суетились – таскали вещи, спорили, в который раз обсуждали дорогу и лошадей. Место молодой женщины было там, а она стояла на золотисто-красной от виноградных листьев веранде и смотрела на улицу, которую видела в последний раз. Все кончалось, и кончалось бы хорошо, если б не Еленина тысяча... Голоса на дворе стали тише – отец с бабушкой и Гаем вернулись в дом, Публий остался следить за слугами, если просить, то сейчас...

Свёкор не удивился, он вообще ничему не удивлялся, а тысяча для него деньгами не была. Агапе торопливо накинула плащ – имеет же она право попрощаться с... подругой. Мать рассеянно кивнула, бабушка усмехнулась, словно что-то поняла, и молодая женщина в первый и последний раз вошла в дом судьи. Харитон не появился. Елена удивилась, но улыбнулась. Агапе торопливо положила на стол кошелёк.

– Здесь всё.

– Сглазить счастье боишься? Не бойся, я тебе зла не желаю.

– Я не боюсь, просто... они не понадобились. Я собиралась... уехать, но... испугалась. Гая нашёл отец, это совсем другое. Не то, за что ты платила...

– Я платила за любовь, за свою любовь... И ещё заплачу. – Лицо женщины стало злым. – Харитон на кого-нибудь глаз всё равно положит, не на тебя, так на другую, а мне... Мне моложе уже не стать. Когда-нибудь я его убью. Или её... Хорошо, что не тебя, ты хоть и от Хрисы, а не сука. Езжай и будь счастлива хоть с сыном, хоть с отцом... Бери своё и не бойся!

– Что?! Что такое ты говоришь?!

– Правду и не со зла. Не губи себя, красивая. Люби, кого любится... Кто один на двоих, тот и выбирает, а троим счастливыми не бывать. Либо двое счастливы, либо никто.

– Как же ты меня ненавидишь!

– Уже нет... Потому и говорю.

– Госпожа, – худющая, других Елена не держала, рабыня неуклюже поклонилась, – за госпожой Агапе пришли...

Жена судьи холодно улыбнулась:

– Мы уже поговорили. Не правда ли, дорогая?

– Да, – подтвердила Агапе.

Она вернулась на уже чужой двор и перецеловала родных. Отец, шмыгая носом, посадил дочь в повозку, свёкор помог устроиться поудобнее, Гай тронул лошадей – он никому не доверял править ими. Застоявшиеся рысаки рвались вперёд, дорога была ровной и почти пустой, и у последних домов Гай отпустил вожжи. Замелькали золотистые поля, поднялась, застилая прошлое, пыль. *Троим счастливыми не бывает, либо двоим, либо никому...* Что это? Проклятие? Благословение? Искушение? Пророчество? Она же никого не любит, не может любить после того, что было... А было ли? Спутать чужие песни со своей жизнью – ещё не любить.

– Что притихла, дочка? Боишься?

– Нет!.. Сейчас будут Кробустовы овраги. Там гадают, я тоже гадала...

– Сбылось?

– Нет...

– Сбудется.

Поворот был крутым, и Гай чуть придержал гнедых, Агапе успела рассмотреть жёлтый обрыв и пену зарослей. Где-то там зеленел незаметный среди чужой листвы бересклет, под которым она видела смерть и слышала свирель. Женщине показалось, что свирель поёт и сейчас, но, конечно, только показалось.

III

Сумерки почти стали ночью, деревья превратились в силуэты, за которыми озеро пыталось слиться с небом и не могло из-за облаков. Розовые с сиреневый, узкие и длинные, они легли на холодную синь тремя мечами, и к ним от невидимого дальнего берега стремились такие же узкие сиренево-розовые облака-лучи, образуя кривую решётку. То, что творилось на небесах, вполне тянуло на знамение, но Марк знамениям не верил. Старым сказкам о бессмертных верил, гонялся за ними по всей империи, а пророчествам и приметам – нет, хотя с Агапе фавн и впрямь напрогночил... Как и новую встречу.

Певец поморщился – воспоминания были не из приятных, даже не воспоминания – предопределённость. Загадываешь, ищешь, надеешься – а всё уже предрешено, пусть к лучшему, но не тобой. Марк поднялся и занялся костром – свалившийся на голову фавн до такого не снисходил, сидел, витийствовал и чесался. Закат совсем обезумел, облачная решётка стала тьмой, тьмой стало и поле с гребнем леса, а меж ними текло червонное золото.

– Эгей!

Что-то шлёпнулось рядом, что-то тяжёлое.

– Что это? – не понял Марк.

Фавн не ответил – усиленно, даже слишком усиленно жевал, но певец уже узнал кошелёк Агапе. Нашёлся, дрянь эдакая!

– Надо же, – Марк поднял предательский мешочек, – ремень перетёрся.

– Нет, – покачал головой козлоног, – не перетёрся. Это я его взял. Из-за неё. Другие ко мне за козлиным приходят. Они мне покушать, я им – сам понимаешь, и все довольны. А Агапе не такая, она меня понимала...

– Тебя?!

– Меня. Её ведь убить хотели, дура одна... Я не дал, а потом я ей играл... Небеса всемогущие, как же она слушала и *как* я играл! Я заставил её увидеть весну, виноградники, розы, даже твоих титанов... Я сам стал титаном!

– Опять врешь, – попытался усмехнуться Марк.

– Нет. – Фавн отпихнул сыр и заплакал. – Я... Она больше не приходила... Ни разу... Эта дура сказала: уехала... Далеко. Насовсем... И не простилась! Так слушала и не простилась... Обидно!

Обидно ему!.. Скотина ревнивая, но судьбы нет, не считать же судьбой влюбившегося фавна! Сперва врал, потом крал, теперь припёрся невесть куда и ревет... Весёлая из такой любви песенка вышла бы, веселей не бывает.

– Другие – те все время лезли... – Поганец хлюпнул носом: себя жалеть он умел. – Надо-ели... Не хочу быть скотом! Пошёл искать тебя, я ведь тебя слышал, а раз услышавши... Эхо, оно такое, не глохнет.

– Ну и что ты от меня хочешь?

– Найди её, а!

– Вот так вот и найди! После всего...

– А что? – не понял козлоног. – Её этот увёз... Который вино продаёт... Хорошее вино вроде, многие пьют. Ты найдёшь! Я имён не помню, мы ведь отказались от них, от имён-то, когда из чужой войны ушли. Нет имени – нет слова, нет слова – значит, свободен... Только одно имя и застряло – Агапе... Найдёшь?

– Нет.

Искать Агапе? Для чего? Увидеть счастливой? Несчастной? Любой? Вернуть деньги и стать в её глазах вором? Нет уж, что кануло, то кануло. И хорошо, кстати говоря.

– Не хочешь? – наседадо козлоногое существо. – Почему? Обиделся? Так не вышло бы у вас ничего... Я ж говорил тебе, не твоя она...

– Так ведь и не твоя.

– А кто говорит, что моя? Я бы просто... Она бы плакала, а я б ей играл. Всем бы было хорошо...

– Ей особенно! – Певец поднялся. – Когда хорошо, всегда плачут.

– Так найдёшь?

– Нет.

– Тогда отдавай... Деньги отдавай, сам буду искать.

– Нет.

Тысяча монет. Выкуп за невесту... Цена велонской китары. Чем тебе не жена? Дорога да китара, а большего ты никогда не хотел и сейчас не хочешь, просто обидно за обман. Да и за отказ, хотя такие, как Агапе, по дорогам не бродят. Они на дорогах чахнут, пусть уж лучше живёт со своим виноторговцем, и ты живи.

*Небо больше не будет лёгким.
Хрипом в сгубленных песней лёгких,
Кровью песней резанных пальцев
Метит Небо своих скитальцев...*

Несколько догорающих веток или последний клочок небесного буйства? Не поймёшь, как не поймёшь, что же досталось смертным – жалкие, ненужные богам крохи или же нечто, недоступное тем, кто не познал неизбежности конца.

*Это Небо тебя назвало,
Это Время тебя украло,
Это ты, что прощаешь Время.
Это ты. Ты один. Со всеми.*

– Эгей! Ты чего?

– Ничего... Помолчи, дай записать...

Это ты, что прощаешь Время...

И вновь на весну надеюсь...

*Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь – не вода!..*

Александр Галич

*Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в добром будущем вашем?*

Владимир Высоцкий

Часть первая

Стурнийское царство

1389–1390 годы Счастливой Эры

I

Шагая людными улицами, Гротерих глядел только вперёд и никогда – по сторонам. Эту привычку рётский наёмник приобрёл месяцев через пять после своего появления в Стурне и с тех пор от неё не отступал. Кому нравится ловить на себе косые взгляды и кто виноват, что стурнийцы не желают служить своему царю, а царь не настолько доверяет стурнийцам, чтоб оставлять принявших от него меч в столице? Город охраняют рёты, им за это платят хорошие деньги, а горожане эти деньги считают и злятся. Последнего Гротерих не понимал: если тебе что-то не нравится, исправь или уходи, как ушёл он сам. Не захотел сидеть дома, стал воином тана, тан оказался тупым ублюдком – что ж, в мире много дорог, и половина из них ведёт в Стурн. Туда Гротерих и направился.

Фенгл-громовец любит беспокойных; молодому воину повезло занять место возвращавшегося в родные горы земляка и попасться на глаза Публию Фульгру. Знаменитый зодчий и скульптор искал, с кого лепить варвара, раздирающего пасть льву. Сперва Гротерих оскорбился, потом приказ десятника, пара лишних монет и лучшее в Стурне вино примирили его с необходимостью таскаться через весь город и часами в голом виде торчать на каменном обрубке, а затем всё изменилось, потому что рёт полюбил Стурн. Неожиданно, ну так Фенгл неожиданностями и славен.

Пережив первую на чужбине зиму, слякотную и хмурую, северянин в один прекрасный день вышел к озеру и замер, покорённый сияющей синевой. И ведь не первый раз видел облицованный мрамором берег, Скадарийский мыс с его тёмными гоферами и белым храмом, упавшую в озеро облачную гряду; видел, да не замечал, а тут будто под дых садануло. Тогда Гротерих и понял, что жить можно только в Стурне. Или, если не жить, то раз за разом возвращаться туда, где узкий мыс рассекает надвое то ли озеро, то ли небо.

С тех пор северянин не отказывал себе в удовольствии полюбоваться неоглядной лазурью, прежде чем отправиться в ставший ему почти родным дом. Сын Фульгра хотел управляться с мечом не хуже, чем с резцом и кистью. Гротерих согласился обучить стурнийца воинским премудростям, и уроки обернулись дружбой. За два с лишним года Гай стал неплохим бойцом, а заговоривший по-стурнийски северянин выучился читать и писать.

Время шло, а стурнии копились, Гротерих все чаще подумывал о женитьбе, а сегодня понял, какой будет его жена. Тоненькой, большеглазой и обязательно с чёрными завитками надо лбом... Такой, как девушка, с которой разогнавшийся северянин едва не столкнулся у старого рынка. Незнакомка, опустив глаза, шла рядом с матерью и вдруг улыбнулась встречному чужаку. Неудивительно, что в дом Фульгра рёт влетел в самом радужном настроении, которое никоим образом не разрушил громоподобный хозяйский рык. Не будь Фульгр величайшим скульптором, он со своим голосом стал бы отменным десятником.

– Урод! – бушевал хозяин, судя по всему, обосновавшийся во внутреннем дворике. – Вздевшая бармы узконосая обезьяна! Ходячее доказательство слепоты богов, сколько бы их ни мешало нам жить... Будь хоть Время, хоть Небо в своём уме, Мирон бы родился шакалозубым ослом, ибо это и есть его суть!

– Тише, – зажурчал голосок хозяйки, – тише, дорогой... Мы все тебя слышим...

– Слышат они... Нашлись небожители! – Знакомо грохнуло: скульптор расколотил что-то глиняное – горшок или кувшин. – Нет, предложить мне! Мне! Поднять руку на величайшее из творений величайшего зодчего! И ради кого...

– Слышишь? – Гай в отличие от отца голоса никогда не повышал. – Уже второй час так... И ещё Стультия принесло.

Стультия Гротерих видеть не хотел, разве что тёмным вечером на пустой дороге. Рёт был далёк от того, чтобы промышлять грабежом, но двинуть раз-другой пузатое трепло не отказался бы. Гай, к слову сказать, тоже.

– Может, к «Трём конягам» сходим? – предложил северянин. – Перекусим и вообще...

– Нельзя отца бросать, он вот-вот кусаться начнёт! Я за дедом послал, но пока придёт...

– Эгей! – прогремело со двора. – Кто там?!

– Гротерих...

– Давай его сюда! Ты твердишь, что каждый варвар... Ну вот тебе варвар! Спрашивай, но я и так знаю, что он ответит... У рётского молодчика – любого – в одном сапоге больше вкуса, чем у Мирона в башке...

* * *

– Больше я не потерплю проволочек! – Царь приложил печать к свитку. – Никаких!

Плисфий Нумма перевёл взгляд с драгоценного свитка на собратьев-консулов. Довольны были все: затея Мирона оборачивалась ощутимой прибылью, а большего по нынешним временам не приходилось и желать. Тех, кто этого не понимал, было слегка жаль, но лучше жалеть, чем завидовать.

– Стурнон будет возрождён на прежнем месте, – заверил Плисфий, глядя в обрамлённое тёмно-рыжей бородкой лицо внука вольноотпущенника, а ныне – божественного титанида, – но я бы предложил использовать стены и фундамент Скадариона. Пресловутый Клифагор был велик лишь одним: хитрец вовремя украл чужое и выдал за своё.

– То, что восходит к бессмертным, оставляйте. – Мирон был предсказуем, потому, когда перегрызшемуся Сенату потребовался царь, и оказался царём. Правда, более опасным, чем думалось вначале. – Всё, что напоминает Идакловых пчёл и лысых уродов, выбросить вон! Я сказал.

– Воля божественного.

– Что говорят звёзды?

– Астрономы назвали наконец день и час! – Консул Менодим торжественно развернул пергамент. – Ближайший «триумф Небес» придёт на одиннадцатый день месяца априоса будущего года. Луна и все пять блуждающих звёзд сблизятся друг с другом и выстроятся в ряд по одну сторону от Солнца. При этом каждая из них соединится с неподвижной звездой. Подобное случается не чаще одного раза в тысячу лет. Божественные титаны особо чтити подобные дни и отмечали их пышными торжествами!..

От титанов и титанидов Нумму тошнило, хотя консулу, дабы не отстать от других, и пришлось отказаться от привычного имени Луций и возвести свой род к бессмертным, заодно убрав с глаз долой все, что напоминало о временах не столь древних. Гнева Неба Всевидящего свеженаречённый Плисфий, само собой, не страшился, да и мозаики с прашуром Невкром красой не блистали, но возня вокруг титанов раздражала при всей своей необходимости. Без богов и предков не бывает императоров, тьфу ты, царей, а без царей начинается свистопляска, в которой все преимущества – за молодыми и наглыми. В своё время Нумма таким и был. Тридцатилетний секретарь старика сенатора не просто уцелел под обломками империи, но и отхватил от бесхозного пирога немалый кусок; другое дело, что теперь, на седьмом десятке, он не желал ничего, кроме здоровья и денег. Некоторым ещё требовалась власть, но власть

слишком опасна для здоровья и ненадёжна. Плисфий повидал многих старавшихся пролезть на самый верх, и где они сейчас? Яд, кинжал и удавка равно хороши и в империи, и в республике, и в царстве. Не стóит вытягивать шею дальше всех. И врагов без особой необходимости плодить тоже не стóит. Хочешь жить – умей делиться, и консул Нумма не стал возражать ни собрату Менодиму, когда тот вылез со своими каменоломнями, ни зануде Бротусу, взявшемуся за поиск уцелевших древностей...

– Этого мало! – Бархатистый, хорошо поставленный голос, голос не царя, но лицедея, отвлѣк Плисфия от подсѣтов уступаемого. – Мало просто отстроить Стурнон... Я сделаю больше! Я зачеркну эпоху козопасов и полускотов. В день освящения Стурнона мы вернёмся к летосчислению бессмертных.

– Но... – Бротус нерешительно огляделся и все же сказал: – Воля божественного, но Стурнон разрушили ближе к осени, а звѣзды должным образом встанут весной...

– Чушь! – Белокожее, как у большинства рыжих, лицо начало багроветь, – Пора наконец избавиться от Идакла с его ублюдками. Их не было! Не было, и будь проклято Время с его вонючими рабами! Титаны не затопили Стурнон. Обнаглевшая чернь не срыла Лабиринт! Вышвырнутому с Небес за уши ублюдку не строили храмов! Мне не нужен Идаклов календарь! Я возвращаю в Стурн календарь своих предков!

– Повиновение царю! Но мы не знаем, как называли месяцы титаны...

– Тогда их назову я! Заново. Стурнон возродится в первый день месяца Мирона!

* * *

– Не вижу причин для возмущения. – Стультий победоносно возвысил голос, и Гротерих с трудом вспомнил, что он в гостях и не может поднять руку на хозяйского родича, как бы тот ни квакал. И Гай не может – он сын хозяина, а хозяин слушает квакуна. Молча слушает, спокойно, только желваки на скулах играют. Рѣт тоскливо отпил вина и вспомнил, как, впервые увидев Стультия, был потрясѣн не только его учёностью, но и огромным брюхом при худом лице и руках. Как можно быть толстым в одном месте и тощим во всех остальных, Гротерих не понимал, разве что шурин Фульгра слишком много знал, и знания эти требовали места.

Северянин с благоговением внимал мудрецу, пока тот не заговорил о рѣтах. Стультий утверждал, что северяне к ночи выносят новорождѣнных на мороз и утром подбирают выживших. Почтительное возражение было с презрением оборвано. Ещё не слишком хорошо разбивший стурнийский Гротерих решил, что неправильно понял умного человека, но Гай, оттащив рѣта в угол, объяснил, что Стультий – дурак, хоть и учёный. У дураков же голова переводит науку, как брюхо еду: чем больше лопает, тем больше навоза. Гротерих с облегчением расхотался, но от мысли, что в брюхе Стультия бродят, превращаясь в навоз, знания, так и не отделился. И ещё он не представлял, почему Фульгр, соглашавшийся с шурином не чаще, чем скворец с лягушкой, пускает болтуна за стол, но стурнийцы часто поступали странно и неосторожно. Иногда Гротерих их понимал, чаще – нет. Как можно сидеть за одним столом с тем, кого презираешь? Как можно прогонять богов и разорять могилы?

– ...да кто они такие, чтобы держать их здесь? – возопил Стультий и осушил очередную чашу. – Весь их подвиг в том, что они прятались в той же крепости, что и дед Приска Спентада. Узурпатора и тирана, превратившего Стурн в могилу совести... Скажу больше – все эти приски с сервиями, имена которых нас заставляли зубрить, уцелели за счёт других. Брошенных на произвол судьбы, потому что подошедшие легионы отправили спасать Спентада! Десять легионов спасало одного мерзавца, пока оставшихся без защиты женщин, детей и стариков резали и сжигали заживо... Трибунов же, осмелившихся оспорить приказ, разрывали лошадьми. Вот величайший из подвигов подлейшей из империй! Вот о ком накатал насквозь

лживую оду Аппий Фертар! Вот во имя чего, обобрав всех нас, лжецы и подлецы возвели мраморного уroda, из-за которого ты разоряешься... Да меня оскорбляет сам вид этого склепа!

– Сильно сказано! – донеслось из-за увитой диким виноградом решётки. Квинт, отец Фульгра, всё-таки пришёл. – Выходит, все справедливо? Покойников – на помойку вместе со временем, и хвала великому Небу и ещё более великому Мирону? Так? Я тебя правильно расслышал?

– Само собой! – Стультий напоминал пса, который ощерился и тем не менее поджал хвост. – Лжегероям и прославлявшей их сволочи место на помойке! Мирон восстанавливает справедливость, как бы это некоторым и не нравилось... некоторым, евшим из рук Спентадов! Пришло время вспомнить истинных героев, вернув долг...

– Возвращай, – спокойно предложил Квинт. – Две тысячи восемьсот шестьдесят стурниев, если я не ошибаюсь.

– Отец! – Рядом с невысоким седым Квинтом огромный скульптор казался... не таким уж и огромным. – Стультий сейчас не...

– Стультий решил для простоты довести долг до трёх тысяч? Разумно. С его стороны – не с твоей. Я запрещаю тебе кормить этого человека. Подлая империя скоро уже тридцать лет как не лезет в чужие дела, так что каждый за себя... Когда ты отдашь долг, Стультий?

– Я не должен... Фульгр помогал мне как муж Ларисы...

– Ты при мне клялся отдать.

– Я не давал расписок...

– Верно! – усмехнулся дед Гая. – Зато, помнится, в день свадьбы Ларисы ты всучил мне оду, чтобы я довёл её до Андрона Спентада. Или хотя бы до Сената... Хорошая ода, и так напоминает Фертара... Достаточно заменить Андрона на Мирона, и она вновь станет верно-подданной, но мне старый список милей. Надо будет его поискать.

– Я... Я отдам долг... Не сегодня, мне нужно...

– Раз не сегодня, пошёл вон! Лариса, сядь. Сядь! Если вздумаешь дать ему денег, мы поссоримся. Гай, проводи дядю.

Вот это было правильно! Квинт, хоть и не держал никогда в руках оружия, напоминал Гротериху старого Френга, лучшего из воинов Рётланда, останавливавшего глупцов не мечом и не кулаком, а взглядом, хотя для Стультия и это было слишком. Старый виноторговец повернулся к уходящим спиной и опустил в плетёное кресло. Не то, в котором сидел Стультий.

– Не понимаю, зачем ты раз за разом наполняешь эту дырявую бочку... Ну да «грифы» с ней! Это правда, что хотят снести Скадарин?

– Не снести, изуродовать! Мирон спешит и готов сохранить остов здания, но остальное... – Фульгр воздел руки, словно в мольбе, и вдруг сжал кулаки. – Время Всемогущее, что эти невежды задумали! Два ряда разноцветных – разноцветных! – витых колонн в центре зала, жёлтый пол, ступенчатая пирамида для Мирона, два новых алтаря, а на месте старого – бассейн с секретом... «Возрождённый Стурнон»! Безмозглая смесь собственной безвкусицы с совсем уж дикими представлениями о том, как оно было «при титанах»...

– Какой царь, такой и Стурнон... Чем хуже дела, тем больше пыжата дураки и воруют мерзавцы. Чего хотели от тебя?

– Чтобы я сделал этот горячечный бред явью! Я, выросший на трудах Клифагора! Разумеется, я сказал всё, что об этом думаю.

– Ну и дурак! – припечатал Квинт и вдруг подмигнул Гротериху: – Парень, у тебя в начальниках всё ещё Ульвинг ходит?

– Он.

– Приведи его завтра вечером к «Трёх конягам». Одного.

II

Три получеловека-полуконя на вывеске вздымали гигантские пенящиеся чаши и смеялись. Гай говорил, что кентавры в Стурне водились на самом деле, и даже не так уж давно, но Гротерих не верил. Если ты ниже пояса лошадь, то и жрать должен то же и столько же, что и лошадь, а такое людской глотке не под силу. То ли дело оборотень: в волчьей шкуре честь по чести ест сырое, в человеческой – вареное и жареное... Северянин думал о полускотах и жевал зажаренную на решётке козлятину. В разговоры старших не вмешиваются, а уж в разговоры начальства... Зачем Квинту понадобился Ульвинг, северянин так и не понял. Пока беседа прыгала с достоинств вина на рётские обычаи и с рётских дел на дела стурнийские. Обычный такой разговор, только сотрапезников обычными не назовёшь.

– Я доволен своей платой и своими парнями. – Ульвинг сунул пробежавшему мимо слуге опустевшую кружку. – Мы делаем своё дело, и делаем хорошо, но вы нас не любите. Не меня, не его – нас... Раньше было не так, я помню.

– Когда ты пришёл в Стурн, сотник?

– Тридцать шесть лет назад, у вас ещё был Андрон... Ещё четыре года, и я вернусь в свою долину. Раньше думал остаться греть свои кости здесь, теперь передумал. Я честно жил и не хочу, чтоб ваши мальчишки швыряли в меня камнями, когда я не смогу поднять свой топор. Мне нужна могила, которую не тронут.

– Она нужна всем. – Квинт пригубил вина и чуть заметно скривился. – Мёртвые львы беззащитны перед стервятниками, мёртвые герои – перед живыми трусами.

– У вас, – сощурился Ульвинг, – не у нас. Мы бережём покой предков.

– Тогда ты меня поймёшь. Я хочу выкупить мёртвых. Тех, кого собрались выбросить из Скадариона.

– Ты умеешь удивлять. – Сотник отодвинул недопитую кружку. – Там твой родич?

– Нет, хотя мои предки и защищали восточный рубеж... Перонт изобилует бродами, там много крепостей. *Было* много, пока мы не оставили Отраму... Двое моих прапрадедов служили на Кривой косе, но это тебе мало что скажет.

– Главное я понял. Мы ставим в память тех, кто погиб на чужбине, каменные столбы, у вас был храм... Что думаешь делать?

– Вскрыть урны, вынуть хранящийся в них пепел и заменить другим. Мирон решил опорожнить урны в ямы у боен. Что ж, пепел гоферов не оскорбится... Если ты согласен помочь, назови цену.

– Тебе потребуется помощь воинов?

– Разве что Гротериха. Главное, чтобы нас впустили, выпустили и не увидели.

– Хорошо. Я не отказываюсь от того, что заработал, но если я возьму твои деньги, Фенгл разозлится. Он не любит могильных воров. Если мне придётся раньше времени покинуть Стурн, ты вернёшь мне то, что я недополучу. Если я уйду как собирался, ты мне не будешь должен ничего. Когда придёте?

– Сегодня. Хозяин, ниннейского!

* * *

На желтоватом песчанике были тщательно выбиты имена. Множество имён. Мерзавец Клифагор приволок из Скадарики здоровенные каменные блоки и намертво вмуровал в несущую стену. Выковырять их быстро и без больших затрат было невозможно. Как и оставить.

Плисфий не пойми в который раз прошёлся верхней из опоясывавших храм галерей и в раздумье забарабанил пальцами по зловредному песчанику. Терять там, где намеревался

сорвать хороший куш, всегда обидно, но кто же знал, что Мирон потребует не просто набить «возрождённый Стурнон» истуканами и курильницами, но и примется уничтожать «Идаклову вонь». Само по себе это было правильно – слишком уж много развелось в отпавших провинциях потомков Идакла и родичей Спентадов, но царь объявил свою волю, когда деньги на Стурнон были не только получены, но и разделены. Оставалось либо вбухать в треклятый храм собственные средства, либо как-то извернуться. А ведь вначале мысль продать Мирону Скадарион казалась беспроегрешной!

Как строили титаны и где стоял Стурнон, благополучно забыли, так почему бы не объявить, что озеро отступило и Клифагор возвёл своё детище на фундаменте Стурнона и по его образцу? Плисфий проверял: какой-то фундамент в роще и в самом деле был, а перерывший окрестности Скадариона Бротус нашёл странные постаменты, почти целую мраморную вазу и пару десятков янтарно-жёлтых плит, вряд ли сделанных людьми. Ну а то, что храм недостаточно «древен» и внушительен изнутри, не беда! Консул несколько раз прикидывал, сколько уйдёт на отделку и сколько урвут Менодим с Бротусом, умножил конечную сумму на пять и доложил результат царю. Мирон подмахнул смету, даже толком не прочитав. Нумма согласился взвалить на усталые плечи ещё одну обузу, собратья-титаниды выразили готовность её разделить, Плисфий от благодарности едва не прослезился. Все шло отлично, и тут царь вздумал начать новую эру. По старой цене. Это было не смертельно, но обидно, тем паче Менодим с Бротусом оставались в прежних барышах – работы внутри храма оплачивали не они.

Плисфий кончил отбивать дробь по камню, напомиравшему о каком-то Меданте, и задрал голову к опоясанному пальметтами куполу. Тут его и осенило. Не нужно разбирать стену – поганый песчаник можно спрятать под ложный мрамор, а поверх, скрывая обман, пустить что-то «древнее». Точно так же нужно обработать испакощенные Идакловыми пчёлами колонны и старый алтарь... Конечно, придётся делиться с Менодимом, но тот не настолько глуп, чтобы отказаться продать пустоту по цене мрамора... Плисфий уже без злости шлёпнул по скадарийской плите и вытащил дощечку для записей. Не стбит предлагать Менодиму полную цену, лучше начать с трети и сойтись на половине... И эту половину возместить за счёт Бротуса! Даже перекопай старый плут все Ниннеи, он не нарыл бы столько «древностей», значит... Значит, пусть платит за доверие Плисфия, ни на мгновение не поверившего доносу на благородного... то есть на титанида Бротуса, якобы продающего царю подделки. А донести может... тот же Фульгр, чей родитель владеет ниннейскими виноградниками и кого никак не заподозришь в сговоре с титанидом Плисфием.

* * *

Горный лес днём – это просто горный лес, он же звёздной ночью – святилище, где хочется преклонить колени. Чужой храм, если тыходишь в него как наёмник, – не больше чем набитое вельможами и статуями здание. Тот же храм в ожидании своего конца становится великим и непонятым, будто замерший в ожидании зимы ночной лес. Гротерих попытался объяснить это Гаю и не сумел. Дело было не в языке – стурнийский рёт знал отлично, просто если нет слуха, не запоёшь, как бы ни мучила слышная лишь тебе песня.

– Смотришь? – Рука Фульгра обрушилась на плечо рёта. – Что ж, смотри и запоминай... Потом расскажешь, как провожал Скадарион в последний путь...

– Потом будет потом, – негромко напомнил Квинт. – Никто из нас не забудет. Идём, они на галерее.

Отчего-то старик свернул не к главной лестнице, а к одной из узких, боковых. Поднимаясь, Гротерих глянул вверх и столкнулся взглядом с мраморным воином. В потеснённом фонарём мраке лицо статуи казалось живым, но смертельно измотанным.

– Крастус! Это же Крастус... «Усталый победитель»... – По щекам Фульгра катились слёзы, и скульптор не собирался их утирать. – Позволить... Позволить его уничтожить – это хуже надругательства над могилами! От нас остаются прах и память; если память жива, плевать, что с прахом, а искусство... Оно бессмертно, но как же оно уязвимо!

– Ты сюда рыдать явился? Нет? Тогда прекрати. Инструменты у тебя?

– Да, отец.

– Начинай. Я подержу фонарь, а парни покараулят.

Скульптор шумно всхлипнул и шагнул к стоящей в угловой нише урне. Гротерих посветил вслед: в свете факела выбитые на камне надписи казались чёрными. Можно было подойти и прочесть, но рёт постеснялся. Караулить было некого. Если кто-то захочет войти, его задержат Ульвинг и четверо северян, знать не знающих, зачем они здесь. Гротерих перевесился через балюстраду; на миг показалось, что он глядит в пропасть, только в пропасти клубился бы туман.

– Они все тут? – спросил рёт, не в силах слушать здешнюю тьму. – Про которых написано на стене?

– Нет, конечно... – Гай откликнулся немедленно, видно, ему молчать тоже было невтерпёж. – На камнях из Скадарии выбиты имена погибших во славу империи, от Приска Спентада до Андрона, но мёртвых сюда не свозили. Кроме убитых во время той осады... Их прах, если все сделали честно, поместили в двадцать больших урн... Две малые урны в центре – тогдашний комендант крепости, он через год после осады погиб, и Тит Спентад. Сенатор, дед первого Приска... Он, то есть Тит, завещал развеять свой пепел со стен Скадарии, только его не послушали, похоронили в семейной усыпальнице... Потом Постуму взбрело голову исполнить волю предка, только по-своему. Правду сказать, это многих разозлило...

– Зря. – Мысли опять не желали становиться словами, но Гротерих их как-то запряг. – Этот Тит хотел вернуться в молодость... К тем, кто для него важнее всего. Он был одним из них, они честно дрались... Воины заслужили почести, а Тит – возвращение... Не знаю, как сказать, только ваш Постум сделал правильно, а Мирон – нет! Это не его слава и не его дом!

– Слава не его, а сила пока за ним... Что противно, так это то, что ему были рады. После того, что начудил Сенат. А уж как радовались Сенату, когда Андрон умер без наследников... Захотели жить как в Велоне, как в Велоне и огребли; как в настоящем Велоне, не в том, что стульбиям снится.

– Ульвинг говорил, – припомнил рёт, – когда Сенат решил не брать императора, на улицах всю ночь плясали.

– Отец тоже плясал. Дед – нет, хотя Спентадов и не жаловал, а отец плясал... Он Сенату на радостях статую подарил, только ты лучше ему об этом не напоминай.

III

Празднества обещали быть хлопотными и утомительными, но Плисфий заставил себя подняться даже раньше обычного. Следовало переговорить с Менодимом *до* начала церемоний – кое о чём напомнить, кое на что намекнуть, кое о чём условиться. Консул при помощи пары слуг облачился в тяжёлое парчовое одеяние, представил, как к вечеру заболят плечи, и разозлился. Бротус с его древностями и Мирон с его дурным вкусом порой делали жизнь невыносимой. Возможно, вымершие бессмертные и таскали на себе по таланту золота, а в храмах проводили больше времени, чем в театрах и банях, но консул Нумма уподобляться титанам не желал. Разве что в обмен на десяток лишних лет.

Явился гонец. Комендант Стурна доносил консулам, что вход на мыс Титанов надёжно перекрыт и что в столице почти спокойно. Плисфий позволил себе усмехнуться. «Почти» означало намалёванные на стенах гадости, разбитые о свежесводружённые календари и царские статуи горшки с нечистотами и вопли расплодившихся в последний год пророков и прорицате-

лей. Упустить смену летосчисления они, само собой, не могли. Мирона это лишь заводило, а для стоящих в караулах варваров оборачивалось лишними хлопотами, за которые приходилось платить. Что до Небес, то, судя по зарядившей с вечера мороси, возвращённое на пьедестал божество не испытывало к новоявленным наследникам ни малейшей признательности. Плисфий зевнул, выпил поднесённый лекарем бодрящий отвар и спустился к носилкам. Разумеется, на первом же перекрёстке пришлось ждать, когда рёты разгонят зевак, собравшихся вокруг очередного предсказателя – молодого парня в тунике с жёлтой риторской полосой.

Воящему про казусы Времени-Движения и Неба-Вселенной придурку всыпали с десяток палок и швырнули в ближайшую лужу, слушатели разбежались сами, но настроение стало окончательно дождливым. Нумма все сильнее ощущал себя бегущей в колесе престарелой собакой. О том, чтобы перебраться в загородные поместья, не приходилось и думать: Мирону вечно не хватало денег, и он повадился обирать как тех, кто проявлял излишнюю прыть, так и утративших резвость. Покинуть Стурн тоже не выходило – в варварских землях к чужакам относились по-варварски, а велонцы, поняв, что «пчёлы» нынче без жала, перестали привечать беглых стурнийцев. Уйти на покой не получалось, оставалось, пока хватит сил, бежать в колесе или... отправить Мирона проверить, так ли уж божественны его предки. При мысли о том, что сказали бы титаны при виде «потомка», консул рассмеялся. Он все ещё улыбался, приветствуя Менодима. Важный разговор начинают с ерунды, и Плисфий рассказал про свихнувшегося умника. Менодиму тоже нашлось чем повеселить друга и соратника.

– Помнишь «Завет титанов», втридорога выкупленный Бротусом у наследников Спурия Физулла? Тот, что так понравился Мирону?

– Его трудно забыть... По крайней мере до конца празднеств.

– Оказалось, Физулл обокрал умершего чуть ли не под забором бродягу. Смысл, размер, даже многие рифмы – всё взято у него! Не следовало Бротусу мешать делам виноторговца Квинта, а он попробовал... Вот и всплыл список настоящего «Завета» и иных песен, приобретённый у означенного бродяги предком Квинта. Так некстати... Бротус вне себя! Он привык доить, а не доиться.

– Зато как будет счастлив Гней Нерониск!

– Не думаю... Это и есть самое смешное. Из списка Квинта следует, что якобы найденную и восстановленную Нерониском «Песнь тьмы и тьмы» сочинили не титаны, а все тот же бродяга. Гней её подпортил, не без того, но сомнений нет никаких. Наследникам великого изгнанника и нашему не менее великому стихотворцу насыпали гору серебра за то, что валялось на дороге...

– Бротусу придётся оплатить ещё и молчание Квинта... В этом доме всегда знали, какая пыль станет золотом. Хотелось бы знать... – Плисфий сделал небольшую, но многозначительную паузу. – Хотелось бы знать, сколько на самом деле стоят все добытые нашим другом древности. Хотя бы извлечённая из озера плита и ниннейские урны. Спрошу при случае сына нашего мудрого Квинта, раз уж он не желает превращать движение в пространство.

– Движение в пространство? – самым честным образом не понял Менодим, и Плисфий с готовностью пояснил:

– Так давешний умник называл низвержение Времени, вознесение Неба и столкновение оных. Дескать, это опасно...

– Пророки совсем обнаглели... – заметил Менодим и посмотрел со значением. – Как и звездочёты. Вчера какой-то мерзавец пугал «триумфом светил» и кричал, что оскорблённое Время отомстит оскорбителям. Он был глуп, и его схватили.

* * *

Гротерих в новом доспехе стоял между Арзульфом и рыжим Фрамом, глядя на растекающуюся по храму толпу. Рёт был сразу и зол, и спокоен, спокойней, чем декаду назад, когда вместе с отобранными консулом Бротусом воинами впервые увидел «возрождённый Стурнон». Сотню северян вырядили в золочёные доспехи и назвали Вечнозвёздными. Все это было глупо, но Гротерих явился в Стурн за деньгами, а деньги наёмникам платили исправно. Получив свои стурнии, рёты отправились к «Трём конягам» и выпили по половине чаши, выплеснув вторую половину за плечо – откупились от увязавшегося следом зла.

Ульвингу не нравилось всё от начала до конца, Гротериху тоже, но их дело было сверкать позолотой, пока товарищи в простых доспехах патрулируют город и сторожат ставший запретным мыс. Городской страже тоже стали больше платить, но работы прибавилось не слишком. Стурнийцы шипели по углам, порой, напившись, орали хулительные песни, но дальше дело не шло. Эти люди разучились защищать хоть богов, хоть границы, хоть себя, но Гротерих всё равно собирался остаться, ведь Фенгл послал ему новую встречу со смуглянкой. Девушка была с матерью и ещё двумя женщинами, но северянин на сей раз не сплоховал – прошёл следом до самого дома, а дальше за дело взялся Гай.

Смуглянку звали Лара, она вместе со вдóвой матерью жила в доме замужней сестры и часто подолгу сидела в саду. Оставалось войти и заговорить. Гай брал это на себя, но друзья решили, что нужно переждать праздника. Не утерпев, рёт отвернулся от переминающихся с ноги на ногу сенаторов и младших жрецов и глянул на боковую галерею, где прятался Гай. Сын Фульгра хотел видеть все собственными глазами, а вот Гротерих предпочёл бы оказаться от испакощенного храма подальше. Это были не его боги и не его царь, но веселей от этого не становилось.

Взгляд наёмника скользил по ставшим разноцветными колоннам, толпящимся на галереях золочёным статуям и изрезанным непонятными завитками вазам, в которые они с Гаем за пару ночей перенесли прах скадарийцев. Раньше мысль Квинта оставить воинов в их усыпальнице, как бы её ни изуродовали, казалась верной, теперь, когда в Скадарион ввалилась толпа, Гротериху стало тошно. Как будто это он, мёртвый, видит, как в рётских горах рушат столбы памяти и разрывают могилы...

Удар гонгов. Короткий базарный шум и тишина. Сенаторы и придворные замерли, ожидая владыку. Вечнозвёздные вскинули мечи, приветствуя Мирона и следовавших за ним старших жрецов и консулов. Последним на ярко-жёлтые плиты ступил толстый Бротус, и Вечнозвёздные перестроились, отсекая титанидов от безродной мелочи.

Первосвященник в ярко-синем облачении остановился меж двух алтарей – Солнечного и Лунного – и воздел руки, Мирон прошествовал дальше, поднялся по пологим ступеням на огороженную кованой решёткой площадку и поднял жезл. Жрецы что-то бросили в курильницы; сперва еле слышно, а потом все громче запел хор. Началось.

* * *

В начале церемонии Плисфий ещё радовался утреннему договору с Менодимом, потом ноги, сердце и голова вынудили позабыть и богов, и политику, а хор всё пел, к куполу возносился сизый горько-сладкий дым, от которого першило в горле, и до благодатных носилок было дальше, чем до ныне скератской Отрамы, – Мирон в своём пристрастии к театру сочинил целое представление.

Консул с ненавистью посмотрел на царское возвышение. Божественный вдохновенно размахивал увенчанным лунным диском жезлом. Дирижировал. Как всегда, когда слушать не хотелось, тщательно выпеваемые стихи лезли в уши с настойчивостью докучливых родичей.

– *В этом мире бросались на стены живые,* – тянуло множество уже не мужских глоток.

*Красным пеплом взметая горящую плоть,
В этом мире впервые сражались и пели впервые,
В этом мире стояли у...*

Вступившие флейты окутывали словеса, словно одежды – вылезшего из бассейна толстяка. Плисфий не утерпел, вздохнул поглубже и тут же был наказан кашлем. Увенчанная венком из белых мальв башка досадливо дёрнулась. Царь не глядя подмахивал счета и приговоры, но малейшее пренебрежение к своим талантам помнил долго. Плисфий не раз растревлял в своих целях самолюбие Мирона, а теперь наглотался подлого дыма и сам оплошал...

– Верному слуге вечных Небес! Прими кувшин сей.

Поданный младшим жрецом кувшин был много тяжелей, чем хотелось. Мастер не рискнул украсть царское золото, но лучше б он оказался вором, да и прислужники могли расплескать хотя бы треть набранной в озере благодати. Не расплескали.

– *Мы не вы.* – Теперь прорывающиеся сквозь аккомпанемент слова казались издёвкой.

*Никогда вы не станете нами;
Вы смогли победить, но и только. И вам никогда
Не схватить под уздцы золотое предвечное пламя...*

Первосвященник ударил посохом о выжуженную из озера плиту, и самый юный из прислужников двинулся к священному бассейну. Наполнение началось. Сперва прислужники, затем – младшие жрецы, потом старшие и, наконец, консулы. Все они опрокинут свои кувшины, но вода уйдёт в мрамор, как в песок. Тогда наступит черед божественного Мирона. Высочайшая чаша будет принята Отцом-Стурном, священные воды наполнят бассейн, и служба закончится...

Хор по-прежнему предрекал покусившимся на титанов смертным *век за веком уныло брести по своим же следам*, курения тлели и нещадно дымили, вереница жрецов синим хвостом тянулась меж алтарей Солнца и Луны. «Сочинение» Физуллы иссякло, «находка» Нерониска звучала не столь уныло. Пожалуй, она была даже красива, хоть и мрачновата, но наслаждаться песнопениями, когда ноги спорят с головой о том, кому хуже?! Увольте.

*Чёрное небо, чёрное поле.
Алою раной прорезь —
Лента заката.
Меж гребнем леса, что нынче чёрен, и чёрным небом...
Берег Сегодня – чёрен;
Тень Завтра ещё черней —
Да будет проклято Время...*

Стоять становилось все труднее. В храмах ныне проклинаемого Времени подолгу не задерживались; это бессмертные никуда не спешили, но у них вряд ли отекали ноги... Как он продержится оставшиеся минуты с тяжеленным кувшином на больном плече, Плисфий представлял смутно. Консула подташнивало – верный признак полнокровия, а до лекаря с пиявками ещё требовалось дожить. Требовалось, не расплескав, дотащить проклятый сосуд и

опуститься на колени, когда случится «чудо». На жёлтый камень, который скотина Мирон не позволил застелить хотя бы ковром. Ещё бы! Божественный преклонять колени не станет...

*Прощай...
Чёрный от чёрного
Не отличай...*

Синие жрецы прошли, двинулись серебряные, «лунные», за которыми уже перебирали ногами «солнечные»... Теперь главное – не споткнуться.

*Я забываю, ты забываешь.
Мы не уходим, мы рядом с вами,
Алой рекой меж тьмою и тьмою...*

Звякнуло. Один из жрецов не удержал кувшин и отшатнулся. Плисфий взгляделся: меж алтарей с пола поднимался, словно просыпаясь, мальчишка в рубище, его движения были неуверенными и нелепыми. Мирон не был бы Мироном, если б представление обошлось без неожиданностей; спасибо, что выпустил «очарованного пением пастуха», а не пару голодных львов. С краснобородого стало бы...

Парнишка поднялся на якобы дрожащих ногах. При всей своей смазливости он был дурным актёром, подобранным, без сомнения, на очередной помойке, потому и растерялся при виде золота, синева и серебра. Нищета, ввергнутая в кричащую роскошь, – в этом был весь Мирон. Паренёк, заученно качнувшись, шагнул вперёд, растерянность на старательно заляпанной бурой краской мордашке сменилась яростью – юнец подхватил с пола что-то, похожее на копьё, и с воплем кинулся вперёд.

Часть вторая **Стурнон Возрождённый** *1 день месяца Мирона 7711 года Истинной Эры*

I

Муть в голове, муть вокруг и крик Клионта. Отчаянный, обиженный... Время Всемогущее, где они?! Где фаланга, где площадь с её раскалёнными жёлтыми плитами, где белообрый убийца? Убийца?! Но Клионт жив, и он, кажется, тоже... Тимезий принялся ощупывать вроде бы разрубленный мечеглазом бок и не закончил – схватился за голову. Мерный, невыносимо громкий стук отдавался сразу в висках и в груди, словно быющееся где-то поблизости гигантское вечное сердце требовало ответа от молчащего человеческого. Требовало и получило. Копейщик отнял руки от висков и снова открыл глаза. Вода. Вокруг и сверху, а внизу то ли небо со звёздами, то ли дальний лагерь с кострами, и они гаснут, бледнеют, сливаются, становясь камнями... Выходит, он в озере и не тонет?

Холод под руками, пальцы скребут нежданно гладкую поверхность, из небытия возникают отражения пёстрых колонн, кривляются, дрожат... Закрывать бы глаза, заткнуть уши и свернуться калачиком, но Клионт! Паршивец опять куда-то ввязался...

Встать, опереться на камень и встать! Рука соскальзывает с выступа, пальцы сами на чём-то сжимаются. Тепло дерева. Холод металла. Копьё, его собственное копьё, все ещё во вражеской крови. Воды Стурна её не смыли? Или он не в озере? В озере... Придёт же такое

в голову, хотя в ней-то всё и дело! Мечеглаз врезал плашмя и удрал. Даже добивать не стал, сволочь...

– Клионт! Где тебя...

Не слышно! Себя не слышно, а мальчишка опять кричит, куда ж его на этот раз занесло?! Ноги тряпичные, оказавшаяся дымом вода кривляется вместе с колоннами. Что наверху – не разглядеть, но внизу в самом деле каменные плиты. Пронзительно-жёлтые, скользкие и... знакомые... Плиты блестят, будто зеркала, в них корячится тёмная фигура с копьём; пахнет чем-то сладковато-пряным, чудовищное сердце стучит тише, зато где-то рядом поют. Странные колонны, как деревья... Разноцветные ребристые стволы прячутся в клубках дыма, словно в листве, и меж них кто-то бредёт... Темноволосые, седые, плешивые, с бородами... Люди? В золоте?! А вот сзади точно – они! Белобрысы! В своей треклятой броне, с копьями, с длинными мечами! Мечеглазы, целая толпа мечеглазов, а Клионт там, один! Время Всемогущее, где Невкр с ребятами, где... все?!

– Вперёд, Лекави́н! – вопит Клионт, и Тимезий его видит. Чётко. Словно кто-то содрал с глаз тряпку тумана. Шатаясь, мальчишка наступает на раззолоченного толстяка. На глазах закованных в броню титанов! Что для них человеческий мальчишка? Пылинка!

– Назад! Назад, дурень!!!

Ноги заплетаются, будто у паршивого телёнка, дымы норовят скрыть невиданные колонны, бородачей, мечеглазов, Клионта с его копьём, но под ногами – твёрдый камень, а в руке – привычное древко.

– Клионт!!! – Проклятье, он опять не успевает...

* * *

Было тихо, только сбоку что-то мерно и мерзко капало. Консулы, жрецы, сенаторы торчали столбами. Стража тоже торчала – царь любит шутить, это знает последний здешний воробей! Мирон шутит, одной дурыю больше, одной меньше... Пьяненький оборвыш в Скадарионе – такая же пакость, как и скератские куренья и непристойные тряпки на царе и консулах... Одно к одному, но когда-нибудь Мирон нарвётся!

– Аы... и... йя... ф...! – Что прокричал мальчишка, Гротерих не разобрал, но смешной наконечник метнулся к брюху Менодима. Не просто метнулся – пропорол шитую золотом ткань, только под ней было железо. Консул отшатнулся и завизжал резаной свиньёй. Подавился своим вытьём хор, царь обернулся, но не расхохотался, а недовольно топнул ногой. Выходит, не он?!

Оборванец опять завопил и, заноса копьё для удара, рванулся наискось, обходя заслонившего консула Вирна.

– Взять! – громыхнул Ульвинг. – Без крови!

Правильно, храм всё-таки... Кто их знает, стурнийских богов, хоть старых, хоть новых... Гротерих с удовольствием пихнул вопящего консула плечом и вышиб из рук парнишки его тыкалку. Второй удар древком отбросил шенка в сторону. На здоровенную, изукрашенную узорами плиту сбоку от Лунного алтаря. Проливать в Скадарионе кровь и впрямь не дело!

– На меня покушались... На меня!.. Слово царю... это загово...

А мальчишка не так уж и пьян. Вскочил, выхватил какое-то несчастье. То ли нож-переросток, то ли меч-недомерок, и глаза как у волчонка! Откуда он тут такой?

– Взять!

– Это покуше...

– ...Кхл... ы... нт!

Ещё один, постарше! Опирается на копьё у алтаря... Тоже пьян? Не многовато ли?

– Обоих, – невозмутимо велит сотник. И опять верно. Кто бы ни были эти ребята, их сюда не звали! Проскочить вдоль алтаря за курильницу, чтобы сзади...

– Мои Вечнозвёздные! – До отвращения бархатный голос принадлежит Мирону. – Убить. Обоих.

Царь доволен, царь развлекается, но приказ есть приказ. Что ж, займёмся старшим, не так... тошно.

– Я сказал, обоих.

– Повиновение царю. – Бротус... Вот же ублюдок, но так всегда. Одни мечом, другие – языком...

Вирн оборачивается, кивает – да, мелкого он берёт на себя. Смотреть не хотелось, и Гротерих шагнул к тому, у кого хотя бы копьё было пристойным. Северянин как раз огибал ближайший алтарь, когда сбоку раздался яростный незнакомый клич, и под ноги намеченной жертве кубарем подкатился юнец. Вирн не успевал: с ног мальчишку сбил кто-то другой!

* * *

Асон взмахом левой руки смёл с дороги человеческого щенка и шагнул к святотатцам. В голове ещё клубился туман, тело болело и плохо слушалось, но отлёживаться было некогда – краснобородый недомерок посмел нацепить венки из белых храмовых мальв... В таком венке умирала Интис! И не только она...

Звезда в рукояти вспыхнула родным малиновым светом, придавая хозяину если не сил, то решимости. Ярость оказалась сильнее слабости, и Асон рванулся к забравшемуся на пирамиду ублюдку. Более поганого зрелища «звёздный» себе представить не мог. Кучка разряженных, с обезьяньими бородами, иклутов в гигантском безобразном храме, где извращено всё – от священных символов до запахов и пропорций. Неужели его звали *сюда*, а ведь звали!

*От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдёшь с мечом в ту же реку...*

Пара иклутов, один толстый, другой тощий, будто горгон, шарахнулась в стороны, титан успел отвесить тощему хорошему пинка и, не оглядываясь, пошёл вперёд. Навстречу заступающим краснобородого святотатца... своим?! Нет, людям, не желавшим быть людьми! Или переставшим ими быть...

* * *

Такого Гротерих ещё не видел... И не хотел видеть. Огромный, на голову выше самого высокого из рётов, этот сумасшедший играл тяжёлым мечом, как ромашкой. Чужака успели взять в полукольцо, но четверых оказалось мало, как и восьмерых... То есть уже семерых... Все, что могли северяне, – это не пускать бесноватого к царю, едва успевая за непонятным противником.

Сизый клинок перерубил копьё Арзульфа под самым наконечником, вскользь достал по ноге Фрама. Рыжий ощерился, но из боя не вышел. Кровь, своя кровь на мраморных плитах, настроила на серьёзный лад. Навалившись разом, рёты оттеснили чужака от раненого и заодно от консулов. Это было дело, настоящее дело, не то что пастух и мальчишка...

Меч Ульвинга споткнулся о меч бесноватого и отпрянул. Гигант тряхнул башкой и что-то сказал. Что? Ульвинг вряд ли понял, но отшагнул, опуская свой ланг. Передышка. Изготовившись к драке, что зверь, что человек пытается оценить врага, но сейчас слишком быстро всё

началось... Взгляд ловит взгляд, враз пересохшие губы глотают откуда-то взявшийся ветер, и капает, капает то ли кровь, то ли вода...

– Фенгл... – начал Арзульф и замолчал. Кто-то сейчас не выдержит – на волос подвинет ногу или шевельнёт рукой, закружив смертную карусель, из которой волку не выскочить, но скольких он заберёт?! Подобного зверя северянам брать ещё не приходилось. Таких вообще не бывает, не может быть, им место в сказках, рядом с каменными чудищами и выдыхающими пламень драконами...

– Спокойно, парни!.. Стоять!

Звенела железом спешащая от дверей подмога, издевательски мерно и равнодушно падали капли, словно боги отсчитывали оставшиеся до смерти мгновенья. Проклятый звук пропитывал топот, шорохи и скрипы, словно кровь – парчу и шёлка... Это становилось невыносимым, и Гротерих понял, что сейчас сорвётся.

– Стоять, кому сказано!.. Стоять!!!

* * *

Два десятка *таких* иклутов – это будет тяжело... Копья у них на удивление. И доспехи серьёзные где-то нашли, и даже мечи... Откуда они здесь, такие? В первой сшибке Асон с большим трудом сохранил шкуру целой, биться в полную силу он ещё не мог, хорошо хоть эти не поняли... А сейчас понимать становилось поздно: мышцы наливались привычной силой, от слабости остался лишь тягостный след, тело вновь служило как должно.

Титан не думал, как пробьётся к краснобородому, хоть и не сомневался, что сделает это. Он не забудет про святотатца, нет, но странные иклуты с мечами – они всё же научились делать мечи! – были куда большей загадкой. Краснобородый крал, эти – *походили*. Всем, даже светлыми длинными волосами и священными спиралями на щитах. Светловолосые были много лучше всех, с кем Асон имел дело раньше. Решительные и опытные, с оружием отличной стали, они действовали умело и согласованно, и всё же «звёздный», даже дерущийся вполсилы, был им не по зубам...

Второй слева икдут даже не моргнул, но Асон понял: передышке конец. Ничего, он почти готов! Движение в строю врагов, недовольный окрик старшего. И язык у этих иклутов тоже другой!.. Выходит, не зря «звёздным» обещан вечный бой и в жизни, и в смерти. А смерть была, теперь Асон её вспомнил, как и свою кровь, хлынувшую на полные солнца плиты. Он умер в полдень на пороге недостроенного храма... Умер, и прикрывать Сонэрга стало некому.

Закованные в золочёные доспехи враги плечом к плечу шагнули вперёд, целя в грудь копьями. Да, это будет непросто... Но он доберётся до труса на пирамиде... Белые мальвы на икдутской башке – это даже не оскорбление... Такое стирают с лица земли любой ценой.

– Время тебя за уши, опять один полез?!

Перед глазами – ряд широких, длинных лезвий, всё, кроме боя, – вон из головы, но этот голос за спиной...

– Сонэрг?!

– Проклятые копытам!.. Разъезжаются...

Прыгнуть назад, чтоб обернуться, чтоб хотя бы одним глазом...

Старый друг неуклюже ворочался на том самом месте, где чуть раньше приходил в себя Асон. Бедняге было не лучше, чем самому «звёздному», но кентавры упрямы... Что ж прикроем, пока не поднимется!

– Я сейчас, «звёздный»!.. Сейчас...

II

Всё было будто в пакодном сне, где ничего не понимаешь и ничего не можешь! Ухваченный за плечо Клионт шумно дышал, но вырваться не пробовал. Из носа паршивца медленно вытекала кровавая капля, и так же медленно сучил ногами на жёлтых плитах гнедой коняга – пытался встать. Внутренности храма то скрывались в похожих на бегущие через луну облака клубах дыма, то становились нестерпимо чёткими, как бывает перед грозой.

Кто-то седой и костлявый пронзительно вопил на незнакомом Тимезию языке, иногда в потоке слов проскальзывала тень смысла, но тень и есть тень, не поймашь. Вопли накатывались друг на друга волнами, словно орал не один придурок, а несколько, и с этими криками мешался стук клинков – мечеглаз дрался с теми, кого Тимезий сдуру принимал за белобрысых. Принимал, пока не объявился настоящий титан. Копейщик отчётливо видел то, чего обычно не разглядеть, – движение клинков и рук, колыхание волос...

– Ти-ти-ме-ме-зи-зи-й-й, по-по-по-че-че-че-му-му-му-му мы-мы з-з-з-дес-с-с-с...

В самом деле, почему? Оторваться от прикрывавшего спину постамента, поднять копьё и шагнуть вперёд – неужто это так сложно? Ведь сумел же он, когда бросился к кричащему дурачку... А почему, собственно, вперёд? Пусть белобрысый дерётся с недотитанами, а им с Клионтом надо выбираться из этого треклятого храма и искать своих.

– Клио...

Себя вновь не слышно, мальчишка же, вот ведь пропасть, умудрился вывернуться. Опять! А в дальнем конце зала уже открывались большие двери, и десятка три мечников плыли на помощь своим.

– Ку-ку-да-да-да-а-а?!

Догнать паршивца, догнать и вернуть...

– Куда, осёл?!

Крик вновь становится криком, а бой – боем. Мечеглаз уворачивается, парирует удары, выкраивая доли мгновения, чтобы наносить свои. Крайний из нападающих чуть медлит, этого хватает. Звякает выпавший клинок, гроыхает о каменные плиты закованное в броню человеческое тело, а титан уже отшагнул, занося меч...

– И-и-и-э-э-эх!!!

Коняга! Прямо с алтаря прыгает вперёд, вращая над головой копьё. Проносится мимо, встаёт плечом к плечу с титаном...

Несколько глухих ударов, чей-то отчётливый вопль, приближающиеся стражники... И они с Клионтом между двух огней.

* * *

– Слушай, а они ничего!

– Ничего! – согласился Асон. Теперь ему было полегче – кентавр прикрыв «звёздного» слева. После первых неудачников желающих лезть под копыта не находилось.

– А доспехи их всё равно тьфу! – не унимался Сонэрг. – Вырядились... Наши поганцы попроще были, да посмелей! До упора пёрли. Помнишь?

Асон помнил. Кентавр с ходу подметил главное: храмовые иклуты дрались лучше Идакловых и были сильней, но они берегли себя, а значит, боялись. «Звёздный» положил ладонь на холку Сонэрга. Новая передышка ему не нравилась, совсем не нравилась... Нужно было что-то решать, пока иклуты не пришли в себя окончательно. Прорываться верхом? Прорваться-то они прорвутся, только что там, за пёстрыми, как змеиная шкура, дверьми? И краснобородый... Другой раз до него будет не добраться.

– Сонэрг!

– Ась?.. Берегись!

Кентавр успел отпихнуть «звёздного» и отпрянуть. Они позабыли про охрану краснобородого, верней, не подумали, что здешним людям на своих плевать. Небольшая, но тяжёлая ваза рухнула с галереи и с грохотом врезалась в пол у ног двинувшихся было вперёд копейщиков. Серым снегом закружил взявшийся ниоткуда пепел, стало трудно дышать...

– Назад!

Кентавр едва не пришиб оказавшихся за спиной иклутов – давешнего мальчишку и второго, с краденым копьём. Вторая ваза рухнула на одну из алтарных плит и разлетелась вдребезги. Асон успел вскинуть щит, закрывая не столько себя, сколько не столь расторопных соседей... Тут оно и накатило малиновой звёздной вспышкой. Понимание, что, почему и зачем. И это же понимание отразилось в глазах бородатого Тимезия – его, оказывается, звали Тимезий!

* * *

Это они, которые должны быть счастливы! Это они, за счастье которых ничего не было жаль. Это они!.. Потомки... Те, за кого он убивал. Те, за кого он умер. И не те! Подросли за прошедшие века, как же они подросли... и как же... измельчали.

Капает вода, кружится пепел... Меж рыдающим в голос Клионтом и... людьми стоит титан. Тот самый, не ошибёшься! Тимезий вспомнил и этот взгляд, и этот клинок! Полыхнул недобрый каменный глаз. Зло ослабил кентавр, ударил кованым копытом, высек искры. Кентавра Тимезий тоже видел...

– Это!.. – кричит Клионт. – Тимезий, это...

Время Всемогущее, парнишка тоже вспомнил *всё!* Вспомнил и понял, что они... что все было зря... зря для людей так же, как для титанов. Что не осталось... ничего!

– Мы больше не враги, копейщик. Нет, больше не враги.

Тимезий не знал языка белобрысых, не желал знать, чем и гордился. Не разбирал он и языка новых людей, но как-то понимал и их, и мечеглаза с кентавром. Только, когда перехватывает горло, не ответишь.

– Хватит! – рычит гнедой. – Пусть я ещё разок сдохну, но *этих* здесь не будет!

– Да, – повторяет отдельно титан. – Этих. Здесь.

Не будет.

Клионт больше не плачет. Задирает подбородок возле белобрысого. И когда только успел?! Трое готовы, а ты? Неужели трусишь? Но это ещё не конец, копейщик! Поудобней перехватить древко, встать рядом. Сколько лет ушло в песок, а они сошлись вновь, чтобы напоследок стать единым целым! Вот так. Спина к спине против оскорбивших и Время, и Небо! Против ублюдка с красной бородой, против золотых истуканов, чужих имён и чужих потомков... Не за них все было и не для них. Не для вас, предатели! Вчетвером они тут... Они тут...

– Меня зовут Асон, – говорит белобрысый. – Он – Сонэрг. Становись справа.

Тимезий кивает. Асону видней: он лучший боец. Это будет ещё один последний бой, только и всего.

III

Так, и что же это?! Здоровенный, стóящий с десяток Скадарий храм, а на полу – покойники, кровь, осколки... Рослые вояки, судя по раззолоченным нагрудникам – охрана разряженных недоносков, сомкнув щиты и выставив копыя, отжимают к широкому постаменту конягу, светловолосого верзилу и двоих в чём-то вроде кожаных скератских доспехов. Валяется оружие, вопят и мечутся сами недоноски. Сквозняки кружат пепел, но палёным не пахнет...

Как его занесло на боковую галерею непонятного храма, Приск не думал – коменданта полностью захватила разворачивающаяся внизу схватка. Не оценить чужой выучки и умения биться в строю ветеран не мог, но и коняга с гигантом выглядели отменно: меч и тяжёлое копье двигались так согласованно – иззавидуешься!

Коняга с удивительным искусством заплёл и отбросил в сторону сразу три нацеленных на него копья, а в образовавшуюся брешь грохнул передними копытами. Успешного подставить щит счастливого снесло под ноги напавших сзади, а вот получивший удар в грудь...

– Не жилец, – пробормотал так и не разобравший что к чему Приск, глядя, как «золочёные» смыкают строй над упавшим, прикрывая товарища щитами. Слаженную ответную атаку сразу с двух сторон кентавр отбил, но бок ему, похоже, зацепили. Гигант закрутил своим мечом что-то невообразимое, снёс копейный наконечник, разрубил роскошный – кому она нужна, эта роскошь – наплечник.

Да, бойцы внизу собрались отличные, но сама драка коменданту нравилась все меньше. Расфуфыренные столичные цацы одурели и только квохтали, а безобразия следовало прекратить. Приск так и скомандовал:

– Пр-р-рекратить!

Окрик вышел так себе, не сравнить с обычным. Внизу не услышали.

– Вы у меня остановитесь, – пробурчал ветеран, выискивая что-нибудь похожее на гонг. – Умники...

– Приказ коменданта! – со смешком откликнулся знакомый голос. Как же, найдёшь тут своих! У балюстрады торчал лысый сенатор лет на десять постарше самого Приска. В церемониальных одеждах и при всех регалиях, хоть сейчас к императору. Изломанные брови, родинка на виске... Знакомое лицо, даже слишком. Папаша Тита, надо полагать!

– Какое зрелище! – Спентад-старший нависал над перилами. – Судя по декорациям, не обошлось без Фертаров, только при чём здесь эти оборванцы?

– Я было решил, «лохмачи», – признался Приск, – но морды не скератские.

– Больше похожи на стурнийцев...

– Они-то похожи... А задницы в раззолоченных мешках откуда?..

– Поняття не имею. – Сенатор до невозможности знакомо пожал плечами. – Скорее всего они нам снятся, вернее, мне... Но я рад такому сну. Что до задниц, это, видимо, предупреждение, ниспосланное свыше. Если Агриппа не соизволит наконец...

Спентад прервал сам себя. Одна из «задниц», бесновавшаяся на ступенчатом возвышении, ткнула дурацким жезлом вверх, и копейщики попятнулись, давая четвёрке у постамента больше простора. Заскрежетало. Орудовавшие на нижней галерее «золочёные» переваливали через балюстраду большие каменные вазы. Приск видел, как те наклоняются и валятся вниз, как следом тянется светящийся звёздный хвост. Грохнуло, но как-то странно, будто дальний гром зарычал. Веером взлетели осколки. То ли «золочёные» не рассчитали, то ли постамент, у которого шла драка, тянул к себе камни, как чинуши – казённые деньги, но странную четвёрку даже не зацепило, только чудной, налетевший сразу со всех сторон ветер подхватил обернувшийся жёлтой отрамской пылью пепел. Мальчишка внизу вздрогнул и запрокинул голову. Приск поймал полный ярости и надежды взгляд...

– Небец ушастый!

– Время Всемогущее!..

Тит!.. Дослужился-таки... Дослужился и умер своей смертью... А теперь встал как миленький! Потому что нужно...

– Комендант... – Тит провёл рукой по лицу. – Это же наши...

Галерею наполняли такие знакомые звуки: приглушённый шорох, стук дерева и лязг железа – когорты строится в боевой порядок. Не вся когорты, не больше половины. Знакомые

лица, боевые доспехи, только раны исчезли вместе со смертью. Вот мы и встретились, ребята... Вот и встретились там, где нет Времени... Или есть?

– Эгей! – сжимает кулаки Медант. – Чего ждём?..

А нечего ждать! Гарнизон Скадарии готов выполнить приказ, и комендант знает, что приказывать. Внизу шум и крики, внизу – бой, надо спешить.

– Мы идём, ребята! Мы уже идём! – Приск больше не оборачивался, он и так знал: и Сервий, и Руфин, и этот неуёмный коняга – они здесь, в строю, и им тоже всё ясно...

* * *

Гротерих отчаянно старался оживить онемевшую руку. Рёту случалось принимать на щит всякие удары – и секир, и палиц, и боевых молотов, но это копыто было пострашнее всего. Затылок, которым «Вечнозвёздный» приложился о каменный пол, тоже болел, но меньше – крепостью черепа северянин гордился заслуженно.

Сбитого с ног и оглушённого, его отволокли в сторону. Откуда-то взялся Гай, но чем он мог помочь? Когда сверху снова полетели вазы, Гротерих сидел, привалившись к стене, разминал руку и пытался понять, что же такое в проклятом храме творится. Невозможно быстрый и ловкий великан – прямо тебе отродье Фенгла, а уж коняга... И ведь видел же рисунки, да не верил, думал – выдумки. Только раньше не ввали, не то что сейчас...

– Управляется с копьём лучше старого Френга, – нехотя признал северянин, хотя Гаю что Френг, что не Френг...

– Ты видел, откуда они взялись?

– Вылезли прямо из ничего... Ну то есть совсем из ничего. – По крайней мере в этом, как его, «кентауре» рёт не сомневался. Он прикидывал, как обойти великана, вот и смотрел в нужную сторону. – Там, понимаешь ли, зарябило, ну, как... Одним словом, вроде...

– Сволочи! – Вскочивший Гай не слушал. – Разбили... И эти тоже... Не вышло у нас ничего...

– Да ладно, не в могиле слава!.. Фенгл всё знает, и это тоже...

Рёт поднялся на ноги; голова уже совсем не кружилась, а стоя было видно не в пример лучше. Парни снова смыкали строй, к ним присоединилась бóльшая часть тех, кто стоял у входа в храм. Значит, сумасшедшие у алтарей держатся.

– Останови их! – вдруг заорал Гай. – Останови своих! Вы... мы не должны их трогать!.. Никого!

– Наше дело наёмное, – не слишком уверенно откликнулся Гротерих. – Приказано.

– Кем?! Сволочью этой краснобородой? Сенатом? Да кто они такие, чтобы... Время Всемогущее!..

Из-за окольчуженных спин вновь прогремел тот самый чужой клич. С верхней галереи полужнакомым сигналом откликнулась боевая труба, и тут же над балюстрадой поднялась и закачалась огромная вызолоченная статуя, из тех, что обожал Мирон. Под дружный вопль жрецов и сенаторов истукан рухнул вниз, заставив рётов попятиться.

– Гротерих! – Гай в восторге сжал плечо ошалевшего северянина. Хорошо хоть здоровое. – Даже если здесь все разнесут, я это... нарисую!

– Нарисуешь, нарисуешь... Этих уродов и вчетвером не поднять, разве кто-то вроде... Слушай, кто же там, наверху?! И сколько их?!

Ульвингу тоже это хотелось знать, и он с пятёркой мечников уже мчался к лестнице. Не успел. Сверху пятились поднявшиеся раньше. Пятились, выставив копыта навстречу какой-то угрозе.

* * *

Прояви раззолоченные задницы твёрдость и вели страже сразу же атаковать, та бы подчинилась, так ведь нет... Насвятотатствовали, голубчики, дождались божьей кары и обделались, а охрана затевать новую драку не рвётся – смотрит себе на начальство и ждёт. Задницы видят, что стража – в сомнениях, и трясутся ещё сильнее. Так все и стоят – легионеры у лестницы, а напротив эти... храмовые.

- Что делаем, сенатор?
- Знакомимся, комендант!
- С этими? «Золочёными»?
- Нет, с четвёркой у алтаря.

Приск поискал глазами Сервия. Тот был там, где должно. Как и прежде.

– Знаешь, что делать? – Помощник кивнул, комендант привычно расправил плащ и лишь сейчас понял, что плащ – парадный. Значит, *тогда* его переодели? Это ж надо умудриться – умереть и не заметить...

- Идём, комендант?
- Идём, сенатор!

Вперёд, меж двух застывших шеренг – высокой, раззолоченной, и стальной, пониже. Чеканя шаг, словно во время триумфа. Странно они, должно быть, выглядят... Шальной неотвязный коняга, ветеран в начищенном доспехе и сенатор с имперским Роем на груди. Сенатор... Едва не зарывавший на стене отбившейся Скадарии мальчишка. Твой, без тебя постаревший, не тобою зачатый сын, и плевать, кем он послан – Временем, судьбой, этим их Небом...

– Убить! Убить их! – не выдерживает ублюдок на верхотуре. – Его... этого лысого, с «пчёлами»... Тысяча... три тысячи золотом и виноградники!

– Отправляйся в свой балаган, – бросает на ходу бывший младший трибун. – Фигляр...

Легионеры готовы к бою, но стража не нападает. Старший, седоусый здоровяк, смотрит то на ублюдка в венке, то на чужаков, думает... А ты бы на его месте не думал?! К ветерану, придерживая руку, подбегает воин помоложе, что-то быстро говорит. Тит не смотрит, идёт дальше. К тем, с кого всё началось. Молча идёт. Пустая болтовня – это для в который раз опаскудившегося Сената. Вечность, богов, империю или носят с собой, или нет.

Это Время тебя назвало... Это Время... Время... Время...

Стучат, точат камень капли. Стучит в висках кровь... Стучат копыта. Кружит пыль пахнущий степью ветер. *Это Время...*

Кто метнул нож, Приск не заметил, а Медант не успел... Только подхватил на руки падающее тело. Белая тога, красная кровь, золотой имперский Рой...

– Как же... не к месту.

Это Время... Время... Время...

Медант, держащий Тита на вытянутых руках. Опустившие копья шеренги. Чужой темноволосый парень с явно не своим мечом. Издевательский блеск алмазов на рукояти ножа. Подлого, придворного – вояки с такими не ходят.

– *Приграничным гарнизонам... стоять до последнего... а помощь будет... Прокуратор обещал... твёрдо.*

Он слышит это? Слышит *оттуда*? Или это бредит Тит? Но при таких ранах не бредят!

– Повиновенье... – выговаривают губы Приска. – Повиновенье сенатору!

– Нет, – успевает поправить Тит Спентад. – Гарнизон... Приказ коменданта...

Тогда тоже был нож или всё же стрела? Не запомнить своей смерти и увидеть её снова. Не в степи, здесь... Не свою, больше чем свою.

– Я – Гай, сын Публия Фульгра. – Давешний чужак. Чего-то хочет... – Я с вами... Я владею мечом!

– Давай в строй.

Неполная когорта против гарнизона, армии, целой империи, или что там осталось от Стурна, – это меньше чем ничто. Но не когда она там, где должно. Неполная когорта... Только одна. И ещё этот Гай, и четвёрка, продержавшаяся до прихода негаданной подмоги. Негаданной, но так бывает. У каждого – своя Скадария, не отдавать же её... всяким задницам!

– Да поможет нам... – А кто? Время Всемогущее, допустившее такое, или этот самый Небец... то есть Небо... – Эгей, трубач, «Во славу Стурна»!

Боги смотрят. Боги плачут. И ещё иногда они гордятся.

На исходе лета
Умирают звёзды
На груди рассвета
*(Кровь на чёрных крыльях...
Кто напомнит песню, что ветра забыли?)*
Утирает небо
Слёзы звездопада,
Смотрят камни слепо...
*(Кровь на мёртвых ивах...
О, как низко кружит коршун торопливый!)*
На исходе лета
Все слышней в таверне
Смерти кастаньеты.
*(Кровь на чёрных крыльях...
Кто напомнит песню, что ветра забыли?)*
В кронах рыжих сосен
Задохнулся вечер.
Так приходит осень.
*(Кровь на мёртвых ивах
О, как низко кружит коршун торопливый!)*
На исходе лета
Заблудилось сердце
Между тьмой и светом.
*(Кровь на чёрных крыльях...
Кто напомнит песню, что ветра забыли?)*

К вящей славе человеческой *Роман*

Льву Вершинину

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Егора Виноградова, Ирину Гейни, Дмитрия Касперовича, Данила Мелинца, Ирину Погребецкую и Михаила Черниковского.

Часть первая

Муэнская охота

Муэна

1570 год

Глава 1

1

Дрожащее марево окутывало полусонную от зноя Муэну, а солнце было белым и злым. Среди выгоревших холмов торчали недвижимые руки мельниц. Ветра не чувствовалось, даже самого жалкого. Поднятая множеством копыт дорожная пыль превращала грандов, солдат и слуг в серых мельников. Что поделать, на дорогах в августе все кони сивы, а все всадники – седы. Недаром в эту пору путешествуют ночами, но солдату не ослушаться приказа короля, а любящему мужу – супруги, особенно если та готовится дать жизнь наследнику.

Тридцатипятилетний Карлос-Фелипе-Еухенио, герцог де Ригаско, маркиз Вальпамарэна, полковник гвардии и кавалер ордена Клавель де ла Сангре, выразительно вздохнул и поправил прикрывавший нижнюю часть лица шёлковый шарф. Никто не виноват, если Инес вбила в свою головку, что лишь молитва Пречистой Деве Муэнской спасёт её от смерти родами. И уж тем более никто не виноват, что прошлую ночь они провели не в молитвах. Увы, уступив вечерней звезде и брошенным к её ногам розам, Иньита поутру почувствовала себя дурно.

Объявив себя великой грешницей, дурочка отказалась от завтрака, ограничившись водой из колодца, и потребовала запрягать. Сопровождающий герцогиню врач-ромульянец укоризненно качал лысой головой и предрекал всевозможные осложнения. Инес плакала, Карлос покаянно молчал и вспоминал малышку Ампаро, которой интересное положение не мешало плясать с кастаньетами ночи напролёт. Правда, Ампаро была не герцогиней, а хитаной. Когда плясать стало невозможно, она исчезла, не простившись и не взяв ни золота, ни подарков. Карлос так и не узнал, кому дал жизнь, сыну или дочери. Что ж, не он один. В адуарах¹⁰ голубой крови не меньше, если не больше, чем в жилах самых важных из грандов, а кичливым донам не дано знать, кто же они на самом деле. Сам Карлос, по крайней мере, за добродетель всех своих прародительниц не поручился бы. Может, он и был прямым потомком Адалида, а может, его предок плясал на площадях фламенко, и сеньора в шелках не устояла...

Белая дорога вильнула, огибая очередной холм с очередной мельницей, как две капли воды похожей на предыдущую. Не паломничество, а дурной сон, в котором гонишь коня вперёд и стоишь на месте. Стоять на месте... Этого де Ригаско не терпел с детства, хотя возвращений не любил ещё больше. Карлос со злостью вгляделся в раскалённые небеса, усилием воли спустился на землю и обнаружил, что и там есть место хорошему.

Стройная девушка замерла на обочине, разглядывая всадников. Ей было не больше шестнадцати, и как же она была хороша даже в этой пыли! Герцог оглянулся на карету – белые занавески были плотно задёрнуты. Что ж, богомольцу просто необходимо творить добрые дела. Де Ригаско придержал гнедого и сощурился. Девушка засмеялась. Глаза у неё были чёрными и жаркими, в коротких, словно припудренных кудрях полыхал алый цветок, вместо креста на смуглой шейке серебрилось крохотное пёрышко. Хитана, и как он сразу не сообразил?

¹⁰ Адуár – табор.

- Куда идёшь, мучача¹¹?
- На праздник, мой сеньор, – белые зубы, коралловые губки, – в Сургос.
- И много там ваших?
- Много, мой сеньор. – Быстрый взгляд и улыбка, лукавая и мимолётная, вроде и видел, а вроде и нет.
- Не знаешь ли ты женщины по имени Ампаро? Она из ваших, ей должно быть... – Сколько же плясунье теперь? Не меньше тридцати, а скорее больше. Сын у неё или дочь? Неважно... Хитаны, любившие чужаков, отдают сыновей братьям, а дочерей – матерям.
- Ей около тридцати, – твёрдо произнёс герцог, – она повыше тебя. На левой щеке у неё родинка и ещё одна над верхней губой.
- В нашем адуаре две Ампаро, мой сеньор, но одна старше, а другая младше. И родинок у них нет.
- А в других адуарах? – потянул нить разговора Карлос.
- Девушка покачала головой. Она больше не улыбалась.
- Мы здесь чужие, мой сеньор. Мы пришли из-за гор, те, кто уцелел... В Виорне больше не пляшут, а поёт лишь та, что вечно косит. Нас принял адуар Муэны, мы не знаем других.
- Здесь вам ничего не грозит. – Рука Карлоса сама рванулась к эфесу. Война не вино, она остаётся в крови надолго. Навсегда.
- Мигелито так и сказал. – Девушка шагнула назад, она хотела уйти.
- Герцог оглянулся – карета с белыми занавесками спокойно катилась вперёд. Две женщины – навеки твоя и чужая...
- Как тебя зовут?
- Лола, мой сеньор.
- Мы ещё увидимся, Лола! – Кольцо с рубином угольком взмыло в горячий воздух и упало в раскрытую ладонку. Зачем он обещает встречу? Почему вспомнил ушедшее? Двенадцать лет – это почти треть жизни, за двенадцать лет можно забыть. И он забыл, а потом встретил белокурую Инес. Они счастливы, они ждут сына, так почему?!
- Да благословит вас Пречистая! – Алый цветок возникает из пыльного омута, рука сама его подхватывает. – Вас и вашу сеньору, если она у вас есть...

2

Белые недотроги клонятся под тёплым ветром, целое море белых недотрог. Топтать цветы нестерпимо жаль, но надо идти... Она не должна, не может опоздать к мессе. Инес сделала шаг и замерла на краю долины, глядя на вырастающий из душистых волн храм. Колокол настойчиво звал вперёд, но недотроги хотели жить, им и так отпущен лишь день, и день этот перевалил за полдень.

- Иньита. – Цветы её знают, знают и зовут... Какой знакомый голос, весёлый, насмешливый. – Иньита, проснись. Приехали!
- Хайме, ты?
- Я, – ответили недотроги ломким юношеским тенорком и исчезли. Стало жарко и тревожно. Почему небо обили алым шёлком? Это не к добру.
- Инья, – не отставал братец, – просыпайся!
- Инес провела рукой по лицу. Сон был красивым, странным и не желал уходить, если не из глаз, то из памяти.
- Сеньорита! – Верная Гьомар держала наготове губку с ароматическим уксусом. – Позвольте...

¹¹ Мучача – обращение к девушке.

– Да, – рассеянно кивнула герцогиня, – Хайме, мне снились недотроги. Их было так много... Мне было нужно в храм, а я не хотела их топтать.

– Ну и не топтала бы, – фыркнул брат, потрянув тёмными, не то что у неё, волосами. В последнее время Хайме рвался в полк и во всём подражал Карлосу. Ещё бы, шестнадцать лет!

– Видеть храм к великой радости, – разгадала сон камеристка, – но ради неё придётся терпеть и трудиться...

– Инья, – голос мужа прогнал и воспоминания, и предсказания, – ты хотела успеть к вечерней службе? Слышишь, звонят! Мы успели! Вылезай!

Инес благодарно улыбнулась и, подобрав платье, выбралась на подножку. Муэна была в колокола. Торжественный мерный гул сплетался с весёлой болтовнёй украшавших сбрую бубенчиков. Так ручей встречается с морем.

– Ты хотела, – повторил Карлос. Он был весь в пыли, но на груди у него что-то алело. Цветок. Большой и очень яркий. Откуда он взялся? Красные цветы в обители неуместны, красные цветы не растут в пыли...

– Откуда это? – зачем-то спросила Инес.

– Купил, – усмехнулся Карлос, – на удачу! Нам же с тобой понадобится удача?

– Пречистая Дева защитит нас! – Герцогиня, сама не зная почему, крепко сжала руку мужа. – Убери его... Пожалуйста.

– Как пожелает моя сеньора. – Карлос сунул цветок в карман, бережно подхватил жену, прижал к себе и галантно поставил наземь. – По-моему, нас встречают.

Их и в самом деле встречали. Величественная аббатиса неспешно шествовала от распахнувшихся внутренних ворот. Ворот, в которые не мог войти ни один мужчина, если только не посвятил себя Господу. Почему она не подумала об этом? Неделя без Карлоса – это вечность.

3

Монахини в белых покрывалах и чёрных венках окружили Инью и увели. Смотреть вслед не имело смысла – балахоны святых сестёр загораживали всё ещё стройную фигурку не хуже готовых сомкнуться ворот.

– Сын мой, – пропела задержавшаяся аббатиса, – обитель рада оказать тебе гостеприимство. Дорога мужчинам в святые стены заказана, но здесь, во дворе святого Флориана, есть приют для мужей, отцов и братьев паломниц. Тебя ждут ужин и ночлег, я же, смиренная, после вечерней службы готова уделить тебе время для беседы.

– Благодарю, святая мать, – сколь возможно вежливо откликнулся де Ригаско, – но я должен... Должен переговорить с командором Хенильей и, видимо, объехать приграничные крепости. По дороге я встретил... беженцев из Виорна. Их рассказ настораживает. От Луи Бутбра и его хаммериан¹² можно ждать любого вероломства.

Имя нового лоасского короля, как и рассчитывал Карлос, возымело действие. Аббатиса, призвав на голову нечестивца грома и молнии, благословила гостя на воинские подвиги и отпустила с миром. Правда, сорвавшаяся с языка отговорка обязывала, но Хенилья подождёт до конца охоты. Встречаться с долговязым занудой не тянуло, но лгать не дело, особенно в святых стенах, а лишний раз объехать крепости не помешает. Герцог подождал, пока аббатиса скрылась за массивными, без тарана не сломать, воротами и обернулся к шуруну:

– Нам следует поторопиться. Командор Хенилья ждёт.

– О да, сеньор! – Паршивец не дрогнул и бровью. – Молитесь за наши души, святые сестры, а наши клинки вас защитят.

¹² Хаммериане – последователи Томаса Хаммера, мещанина из Миттельрайха, создателя наиболее сильной из реформаторских церквей.

– Нас защищает Святая Дева, – назидательно произнесла маленькая монахиня, в чью обязанность входило провожать знатных гостей, – но выгнать хаммерианскую скверну – долг мундиалитских¹³ рыцарей.

– Мы так и поступим, добрая сестра!

Монахиня опустила глаза, слишком красивые для отшельницы, и, заметая полами просочившуюся в обитель пыль, заторопилась к внешним воротам. Де Ригаско послал гнедого следом, отчего-то стало грустно. Вечер удлинил тени, но воздух продолжал дрожать от зноя, а залитые светом крыши и шпили казались золотыми.

– Молитвы наши да пребудут с вами и со всеми рыцарями Онсии, – глаза привратницы были тревожными, – будьте благословенны!

– Амен! – подвёл итог Карлос, прикидывая, как половчей пробраться сквозь прижавшуюся к воротам толпу. Внутри обители ночевали избранные, паломниц, пришедших к Пречистой Деве Муэнской, было много больше.

– Расступись! – рявкнул рослый стражник, – Дорогу!

– Дорогу! – подхватил и Лопе. Ординарец со знанием дела направил коня в толпу, и люди нехотя отхлынули от вождельных створок, раздавшись в стороны, словно воды морские. Лошади недовольно фыркали и прижимали уши, скрипела на зубах пыль, женщина в чёрном покрывале лежала ничком прямо на дороге. Невысокий мужчина в потёртой одежде попытался её поднять, она вырвалась и снова уткнулась лицом в сухую землю. Карлос пожал плечами и велел Лопе объехать. Ординарец умело развернул лошадь, паломница и её супруг остались сбоку, женщина так и не встала.

Запахло костром и нехитрой стряпнёй, твякнула собачонка. Любопытно, сыщется ли в мире хоть один лагерь, где нет ни единого пса? Первый за день порыв ветра взметнул пыль, колокольный звон становился глуше, мешался с шумом толпы. Де Ригаско оглянулся – осаждаемая людским морем обитель на фоне золотящегося неба казалась фреской. Герцог взялся за спасительный шарф и подмигнул шурина:

– Завяжи нос и рот, выберемся на дорогу, пойдём галопом.

– Час с хвостиком, и мы в Сургосе, – проявил осведомлённость Хайме, – а потом? Неужели ты потащишься в пасть к Хенилье?!

– Кого-кого, а тебя бы и впрямь следовало отдать дону Гонсало. На недельку-другую, – протянул Карлос, разглядывая удравшего из отчего дома родственничка. – Такое наказание даже твоего батюшку удовлетворит.

– Я домой не вернусь, – обрадовал Хайме, – я намерен вступить в твой полк и вступлю, а отец поймёт.

– Роскошно, – выразил восторг будущий начальник будущего же героя, – надо полагать, объясняться с доном Антонио и доньей Мартой предстоит мне?

– Не угадал. – Хайме откровенно потешался. – Инья им написала, что боится отпускать тебя одного и что я готов за тобой присмотреть.

– Ты?! – задохнулся от подобной наглости герцог. – За мной?!

– Я, – подтвердил Хайме. – Если ты каждой встречной хитане будешь бросать по рубину, сестра с детьми по миру пойдут.

– Каналья, – с чувством произнёс де Ригаско, – так ты видел?

– Видел, – хихикнул шурин. – Мучача – прелесть. Скажешь, где найти?

– В адуре, – пожал плечами Карлос, – а может, в таверне или на ярмарке. Захочешь – найдёшь!

– А ты? – соизволил удивиться Хайме. – Я-то думал...

¹³ Мундиалитский – принадлежащий к Мундиалитской (Всемирной) церкви.

– А вот думать всяким щенкам не по рангу, для этого полковники есть! – отрезал Карлос, вглядываясь в поредевшую толпу. Впереди была неделя свободы, и будь он проклят, если проведёт её всю в обществе Гонсало. Зануда никогда не поймёт, что жить можно не только на войне, и хорошо жить.

– Ты меня берёшь, – удовлетворённо улыбнулся Хайме, – впрочем, я и не сомневался.

– Помолчи, – прикрикнул герцог, догоняя ординарца. – Лопе, как устроили слуг сеньоры и лошадей?

– Их поставили там, где обычно ставят выезд вашей матушки.

– Хорошо. Помнишь, где «Песня паломника»?

– Да, сеньор. Направо от разрушенной башни, за овечьим колодцем. – Лопе вечно говорил, словно выдавливая слова. Тех, кто видел одноухого гиганта впервые, это пугало, но Карлос не променял бы Лопе на роту султанских телохранителей. И даже на армию.

– Хайме, направо, да поосторожней, не задави какую-нибудь паломницу.

– Сам не задави! – огрызнулся шурин. – Постой, ты сказал направо? Но Сургос налево!

– Спасибо, объяснил, а то я не знал, хотя... Отправляю-ка я тебя к командору засвидетельствовать почтение, а сам – к хитанам.

– Хитаны тоже в Сургосе, – вывернулся шурин, – а ты... Ты что, в горы собрался?!

– Дальше, в Виорн, – свёл брови де Ригаско, – Меня давно привлекают хаммериане и особенно хаммерианки. Я решил послушать парочку проповедей.

– Шутишь? – предположил Хайме, но в смешливых глазах мелькнула растерянность. – С ними же с тоски сбесишься!

– А кто сказал, что мир создан для радости? – пожал плечами Карлос и не выдержал, засмеялся, – Ладно, твоя взяла, проповедей не будет. Для начала завернём в «Песню». Альфорка с Доблехо, надо полагать, уже там, я их пригласил, если ты не знал. Надеюсь, бездельники ещё не все проглотили, а дальше... Лично я намерен нанести визит горным кабанам. Приватный, разумеется.

Глава 2

1

Караван был небольшим, чтобы не сказать убогим – крытая повозка да дюжина всадников. Для приличной охоты мало до невозможности, но Карлос собирался набрать загонщиков в каком-то Туторе де ла Серрбха. Заехать в городок присоветовал прицепившийся к столичным гостям пожилой дворянин, только откуда в таком захолустье хорошие загонщики? Наверняка какие-нибудь увальни на мулах...

– Надо было взять собак в Ригаско, – проворчал Хайме, разглядывая жёсткие от выгоревшей травы предгорья, – бьюсь об заклад, в этой Туторе нам подсунут каких-нибудь дворняг! И аркебузы у нас не охотничьи, и...

– Помолчи! – огрызнулся Карлос, ещё вчера укушенный дурной мухой. – А ещё лучше, подумай. На кого бы мы походили, заявившись в обитель с гончими и кабаньими мечами? Да ещё накануне праздника!

– Собак можно было сразу в «Песню», – заупрямился Хайме, – и загонщиков туда же.

– А то у Инес с Гьомар глаз и ушей нет? – Муж Инес приподнялся в стременах, обозревая расплавленный горизонт. – Сейчас мы взяли да поехали. То ли в Сургос, к Хенилье, то ли к границе. Ну, погоняли мимоходом кабанов, местные дворяне подбили... А зайкнись я об охоте, сидеть бы мне в монастырском приюте до конца празднований, да и тебе тоже.

– Почему? – не понял Хайме, полагавший сидение в четырёх стенах дурной тратой времени. – Нас же всё равно внутрь не пустили бы.

– Женишься – узнаешь, – отрезал герцог и замолчал. Когда Карлос подобным образом обрывал разговор, самым разумным было убраться подальше, что Хайме и сделал, придержав Пикаро. Ссора в планы молодого человека не входила никоим образом, тем более Карлос согласился взять родича в полк. Хайме готовился к разговору всю дорогу от Ригаско до Муэны, а он занял пару минут. Родич сперва ругнулся от неожиданности, потом рассмеялся и, наконец, согласился. Надо полагать, вспомнил, как сам в юности удрал на войну под чужим именем. Конечно, наследника де Ригаско скоро опознали, но Карлос успел прослыть храбрецом и счастливчиком. Товарищи простили ему даже титул, а у Хайме де Реваля особых титулов нет. Дворянин и дворянин, не первый и не последний. То есть пока не первый...

Молодой человек верил в свою звезду и не сомневался, что быть ему новым Адалидом¹⁴, но для начала следовало попасть в армию и на войну. С первым решилось на удивление просто, но войны не предвиделось. Жаль, но ничего не поделаешь! Хайме пару раз щипнул то место, на котором предстояло появиться усам, и присоединился к повозке, вернее, к ехавшим рядом с ней офицерам и местному сеньору. Имя муэнца, как назло, вылетело из головы, но именно он приветливо улыбнулся и заставил солового шагнуть в сторону, освобождая место ещё для одного всадника.

– Вы ведь впервые в наших краях, не так ли? – на правах старшего осведомился муэнец.

– Да, сударь, – подбоченился Хайме, – но, надеюсь, не в последний. Когда дойдут руки до Бутора, Муэны не миновать.

– Вижу, вы жаждете крови? – подмигнул Себастьян Доблехо. – Со временем это пройдёт. Годам, эдак, к шестидесяти.

– К пятидесяти, – Мануэль Альфёрка не мог не спорить, – в любом случае у Хайме до успокоения прорва времени.

– О да! – Доблехо развернулся к муэнцу. – Дон Луис, да будет вам известно, что сей юнец вступает в наш полк.

– От всей души поздравляю! – Дон Луис был сама сердечность, и юноша едва не кинулся к нему на шею. – Насколько я понял, вы родственник герцога?

– Я – брат Инес! – выпалил Хайме, прежде чем сообразил, что провинциал вряд ли знает сестру.

– Хайме – шурин нашего полковника, – уточнил Альфорка. – Надеюсь, ты знаешь, что с тебя обед персон на двадцать?

– Разумеется, – будущий полководец небрежно пожал плечами, – «Повелитель обжор» подойдёт?

– И давно ты там был последний раз? – вкрадчиво осведомился Себастьян.

Хайме предпочёл не расслышать. Тщательно поправив шейный платок, он повернулся к муэнцу:

– Сеньор, а вам доводилось воевать?

– А что было делать, дон Хайме? – Худое лицо стало грустным. – Нельзя же сидеть дома, когда по соседству умирают, но война – это не праздник. Далекое не праздник. Из Муэнского ополчения вернулась едва ли треть. Хаммериане не боятся умирать, они боятся мало убить.

– Сеньор Лихана, – подкрутил усы Альфорка, – не пугайте нашего героя. Тем паче, лоассцам теперь не до нас.

– Но молодой Бутор стал королём, – дон Луис казался удивлённым, – его единоверцы просто не позволят Лоассу соблюдать договор, подписанный покойным Филиппом.

¹⁴ Адалид – легендарный воитель, освободивший Онсию из-под власти синаитов.

– Через полгода белолобым¹⁵ конец, – отмахнулся Доблехо, – если не раньше. Сколько в Лоассе хаммериан и сколько добрых мундиалитов?

– Еретики упорны и злы, – поморщился муэнец, – и они не боятся умирать. Мы стояли против полка из Виорна, а в этой провинции хаммериане особенно сильны. Я до сих пор не понимаю, как мы выдержали, и не верю, что остался жив. Они бьют, даже умирая... Нет, сеньоры, Бутор не отдаст корону, а его безумная мать и маршал Танти не успокоятся, пока не навяжут свою ересь всем, до кого смогут дотянуться. Вспомните Кровавую свадьбу! Гостей-хаммериан было две тысячи, хозяев-мундиалитов – десять, и где они теперь? В раю. Вместе с королём и королевой-матерью...

– Я слишком долго воевал с Филиппом Дорифо, чтобы его оплакивать, – Альфорка хлопнул себя по щеке и с отвращением поднёс к глазам испачканную перчатку, – но в мир с Луи не верю, хоть режьте! Дьявол бы побрал этих мух заодно с пылью. Далеко ещё?

– Нет, – Лихана как-то умудрялся отличать один холм от другого, – сейчас будет Липкая горка. Титор де ла Серроха за ней.

2

Это был не город, даже не городок, а городишко, раскалённый, как преисподняя, с узкими улочками, глухими стенами и вездесущей пылью. Впрочем, будь Титор райским садом, Карлоса и тогда бы передёрнуло от отвращения, уж такой день выдался. Герцог угрюмо вытер вспотевший лоб, сам не понимая, зачем ему понадобились кабаны, которых ещё надо найти. Прошлое не догнать, а вот настоящее убить можно. Не следовало оставлять Иньиту в праздник одну. И не важно, что мужчинам вход в обитель заказан, они бы увиделись во время Крестного хода, а потом Инес изменчива, как апрельское солнышко. С неё станется все бросить и помчаться к мужу, а его нет... А если малышка узнает, что он развлекается?

Проклятье!

– Мой сеньор, – плотный чернобровый мужчина с цепью алькальда на достойных молодобойца плечах заступил дорогу, улыбаясь улыбкой блаженного. За спиной здоровяка топтался похожий на овцу чиновник с чернильницей на поясе и два умудрённых жизнью альгвазила с надраенными алебардами, – Мой герцог, Титор де ла Серроха счастлив приветствовать вас в своих стенах! Получив письмо синьора Лиханы, я незамедлительно... я тотчас же... я тут же начал искать...

– Благодарю, – перебил Карлос, с трудом сдерживая непонятную злобу. Языческие владыки в подобных случаях удалялись в священные рощи, но у Карлоса де Ригаско под рукой не было ни только рощи, но и приличного дерева. И не будет, пока они не доберутся до Алькóньи с её ущельями и ручьями.

– Я счастлив служить столь высокому гостю, – единым духом выпалил алькальд. И как только он их поймал? Наверняка с утра караулил.

– Сеньор Овехуна, – подал голос подъехавший Лихана, – герцогу де Ригаско, как я и писал, нужны загонщики и проводники. Не позже чем к вечеру. Не волнуйтесь, сударь. Это опытные люди, они в сезон охоты всегда помогают заезжим сеньорам, а сейчас не у дел.

– Им заплатят, – внёс свою лепту Карлос, разглядывая сжатую глухими стенами улочку и вываливших языки собак, не способных не то что лаять – двигаться.

– Загонщики будут счастливы, – воздел руки горе алькальд, – но... Господи! Нас посетил сам герцог де Ригаско! Боюсь, наше жалкое гостеприимство...

– Не бойтесь! – цыкнул упомянутый герцог, нащупывая в кармане влажный комочек. Всё, что осталось от вчерашнего цветка. – Надеюсь, здесь есть таверна?

¹⁵ Белолобые – презрительное прозвище хаммериан, носивших белые головные повязки с крестами, поверх которых надевались суконные или полотняные белые же шляпы-колпаки.

– «Королевские алмазы», – подсказал Лихана, – через месяц в ней будет не продохнуть, но сейчас для охоты слишком жарко.

– Вижу, – буркнул Карлос. Говорить не хотелось, есть и охотиться тоже, но возвращаться ни с чем глупо, а к вечеру все наладится. Нужно только набрать загонщиков и выехать в горы, где прохлада и тень. В горах можно послать всех к дьяволу, отбиться от кавалькады, разыскать какой-нибудь ручей, сесть на камень и смотреть, как струится вода, ни о чём не думая, не вспоминая, не сожалея.

– Мясо хозяин жарит неплохо, – заверил Лихана. – Я же, с вашего разрешения, наведаюсь домой, посмотрю, чем смогу помочь. В нашей глуши только и забав что охота, так что я собрал сносный арсенал. Конечно, вы привыкли к лучшему...

– Мы привыкли ко всякому, – усмехнулся де Ригаско, – но я предпочёл бы выбрать себе рогатину по руке. После обеда, который вы с нами разделите, как и нашу небольшую экспедицию. Сеньор, я настаиваю.

– Настаиваете? – переспросил Лихана. Он был приятно удивлён. Провинциалу всегда в радость пристать к столичной, но не слишком заносчивой компании. И новости послушаешь, и от местной скуки избавишься.

– Я весьма назойливый гость, – слегка развёл руками Карлос, – и намерен не только выпросить у вас подходящую снасть, но и завладеть вашим временем. Мы, как вы понимаете, не собирались охотиться и плохо знаем местность.

– Мой сеньор, – алькальд разве что не обнимал герцогского коня, и Карлос на всякий случай намотал на руку поводья, – мой сеньор, по счастливому стечению обстоятельств в городе находятся трое из де Гуальдо. Старейшая фамилия... Лучше их Альконью не знает никто.

– Так пригласите их от моего имени, – распорядился Карлос и, спохватившись, полез за кошельком, – загонщики должны быть к вечеру.

3

Овехуна суетился и заискивал. Он вечно суетился, заискивал и просил, эдакая бычья туша с заячьим сердцем, хотя зайцы умеют сражаться. Когда нет выхода.

– Хорошо! – поморщился отец. – Мы пойдём и поговорим с этим герцогом.

– Пойдём, – повторил дядя Орасио, берясь за любимую шляпу, – и поговорим.

– Я буду счастлив представить вас герцогу де Ригаско, – завёл свою песню Овехуна, – подумать только, родич его величества и в наших краях!.. Такая неслыханная честь, мы должны сделать всё возможное...

Теперь столичные птицы возомнят, что де Гуальдо по первому их слову на четвереньки встанут, но не пускать же в Альконью без присмотра кого попало. И чего их принесло раньше времени, сидели бы лучше в столице. Леон поморщился и сделал знак «рогов», словно отворачивая дурной глаз. Отец поднял бровь, но промолчал – завтрашняя охота ему не нравилась.

Пахло дымом и мясом, за забором надсадно завопил осёл. Зной в городе казался нестерпимым, даже странно, что в десятке миль можно свободно дышать. Странные люди: полгода добровольно жарятся, полгода леденеют под пыльными ветрами. Это страшней любых призраков, но Овехуна и иже с ним шарахаются от непонятного и терпят невыносимое. И будут терпеть, глотать пыль, целовать чужие сапоги...

– Де Ригаско очень влиятельны, – продолжал распинаться дурак с цепью, – очень... Нужно, чтоб они остались довольны!

– Сколько их? – перешёл к делу дядя. – Какое у них оружие, свора, на что они похожи?

– Сам герцог – знаменитый воин и родич его величества, – с видимым наслаждением объяснил Овехуна. – С ним – родственник, блестящий молодой человек, двое офицеров и

пятеро слуг. Камердинер сеньора – бывалый человек. Он не ниже вас, дон Хулио, и весь в шрамах.

– И всё? – удивился отец, – Они что, кабанам свидание назначили?

– Собаки будут, – на ходу замахав руками, алькальд обрёл сходство с рехнувшейся от жары мельницей, – и загонщики, и оружие. Сеньор Лихана откроет свой арсенал.

– Уже легче, – хмыкнул дядя. – Значит, старина Луис с ними?

– Сеньор Лихана любит охоту, – с подобием достоинства изрёк Овехуна, – ради неё он готов перевернуть мир.

О пристрастии дон Луиса в Альконье знали все. Как и о том, что старик кого попало к себе не тащит. Надо полагать, этот Ригаско, хоть и королевский родич, не скотина. Леон глянул на поношенную отцовскую куртку, поднёс к глазам собственный обшлаг, тоже довольно потёртый. Конечно, не в перьях и кружевах счастье, но казаться бедней, чем ты есть, неприятно, только кто же знал, что придётся иметь дело со столичным грандом.

– Добро пожаловать! – лицо трактирщика лучилось счастьем. – Вас ждут! Вас очень ждут...

– Мой сеньор! – возгласил алькальд, пожирая взглядом кого-то сидящего за уставленным снедью столом. – Разрешите представить вам господ де Гуальдо!

– Я рад. – Высокий дворянин с рассечённой шрамом бровью вышел из-за стола, плечом отодвинув услужливого Овехуну. – Я – полковник Карлос де Ригаско. Этот паршивец – мой шурин Хайме, рядом с ним мои друзья – Мануэль Альфорка и Себастьян Доблехо. Сеньора Лихану вы, надо полагать, знаете. Надеюсь, вы не откажетесь от трапезы?

– Не откажемся, – с ходу принял решение отец. – Моё имя Хулио-Рамон. Мой брат Мартин-Орасио, мой младший сын Леон-Диего. Говорят, вы собрались на охоту?

– Да, – улыбнулся герцог, – надо же себя чем-то занять, пока супруга молится, а охота всяко достойней вина и карт.

– Кабаны и олени с этим вряд ли согласятся, – ввернул горбоносый офицер, кажется, его звали Себастьяном, – но мы спрашивать у них не станем.

– Не станем. – Дядя взялся за кружку, значит, чужаки ему понравились. Война делает людьми всех, даже королевских родичей, жаль, де Гуальдо никогда не покидают Альконью.

– Сеньор Лихана любезно обещал поделиться с нами оружием, – де Ригаско благодарно кивнул дону Луису, – не каждый может похвастаться рогатинами из Миттельрайха!

– Они к вашим услугам. – Лихана отбросил свою обычную церемонность, словно плащ. – Жаль, наши мастера предпочитают ковать клинки иного рода.

– Лично я предпочитаю кабаньи мечи, – сообщил круглолицый офицер, – или аркебузы. У вас есть аркебуза, сеньор Лихана?

– Пять. – Дон Луис был горд и счастлив, как всегда, когда говорил о своих сокровищах. – Кабаньи мечи тоже найдутся. Доньидская сталь.

– Нам повезло, что мы встретили вас, – де Ригаско приподнял кружку с вином, – и нам повезло ещё раз, что к нам присоединились господа де Гуальдо. Чужакам редко улыбается удача.

– Альконья своевольна, – подтвердил дядя, от души хлебнув прошлогоднего красного. – За удачу! Лесорубы говорят, Вальпа-Сердо истоптана вдоль и поперёк. Матки и поросята... Но мы подыдем и секача.

– Жаль, – герцог ловко отхватил кусок мяса. Кинжал у него был роскошный, в пору королю, – Вальпа-Сердо слишком близко от обители, а моей супруге знать о нашем предприятии необязательно. Рио-де-Онсас ближе.

– Нет. – Отец стукнул кружкой об стол, словно кулаком. Выплеснувшееся вино попало на кинжал. Будь оно кровью, де Ригаско следовало бы три дня не выезжать за ворота, но это не кровь.

– Рио-де-Онсас не годится для охоты, – пояснил дядя, разглядывая красную лужицу.
– Почему? – не понял родич герцога. Пока старшие говорили, он пил, и он был здесь чужаком.

– Загонщики не пойдут, – нахмурился Лихана, – сколько б вы им ни предлагали. Проливать кровь у реки могут лишь дикие твари.

– Почему? – повторил за шурином де Ригаско.

– Об этом следовало спросить наших предков. Они считали, что тревожить Альконью не к добру. Так ли это, никто не проверял, по крайней мере на моей памяти, а я здесь родился и здесь умру.

– Лет через тридцать, – ввернул дядюшка, – но на ближнем берегу свет клином не сошёлся. За рекой нам не помешают ни духи, ни монахи. Правда, дичи там маловато, не разгуляешься, и повозки придётся оставить. Приличная дорога кончается сразу за ТUTORом, дальше до самой реки поросшие лесом холмы.

– За Рио-де-Онсас есть пара мест, где могут быть кабаны, – дон Луис не отказался бы от охоты даже в Судный день, – это не так уж и далеко.

Глава 3

1

В тростниках орали лягушки. Разноголосый переливчатый хор не то чего-то просил, не то кого-то оплакивал, а над тёмной иззубренной грядой, за которой бурлила Рио-де-Онсас, вставала ржавая луна, огромная и тревожная. Ещё одна луна легла на озёрную гладь увядающим цветком.

– Я бы советовал вам поспать, – старший де Гуальдо вышел из-за похожих на пьющих быков скал и встал между Карлосом и озером, – не стоит смотреть на воду в полнолуние, да и вставать затемно.

– Вы боитесь луны, – сонно удивился герцог, – почему?

– Я – нет, – покачал головой горец, – но я ни о чём не сожалею.

– Я тоже. Мне не о чём сожалеть.

– В таком случае, почему вы не спите? – муэнец пожал богатырскими плечами и скрылся за палатками, а луны остались, но теперь они больше походили на костры. Лягушки стонали всё громче, прилетевший с гор ветер коснулся лица, но водное зеркало осталось спокойным. Герцог оглянулся на затихший лагерь, после ужина де Гуальдо залили огонь и все разбрелись по палаткам, но вот уснули ли? Совет лечь был разумным, но следовать ему отчего-то не хотелось. Не хотелось оказаться беспомощным и нелепым... Перед кем? Не перед луной же?! Горцы мирно спят, лошади и собаки – тоже. Твари бессловесные чувуют не только врагов и волков, значит, здесь нет никакой погани. Это озеро спокойно, совершенно спокойно, ему нет дела до ветра в вершинах деревьев, до ревущей за холмами реки, оно просто спит под лягушачью колыбельную и отражает звёзды.

– Оно не спит, мой сеньор, оно помнит и боится забыть...

Лола! Пёрышко на шее, в чёрных кудрях – цветок, на этот раз белый...

– Ты мне снишься, мучача? Или я брежу?

– Я не могу сниться, мой сеньор. Ты не бросил мой подарок, а я не брошу твой. Хочешь, я буду с тобой? Хочешь, чтобы я ушла? Хочешь сам уйти? Тогда я оседлаю коня, вороного коня с белой звездой на лбу. Он увезёт тебя к твоей сеньоре.

А ведь оседлает... К утру он будет у стен монастыря, а что дальше? Лезть через стену к Инес, которая может, ждёт, а может, спит или молится? Зато монахини в канун праздника

не спят наверняка, увидят, поднимут крик... Хорош родич его мундиалитского величества. Собрался осквернить святыню, как какой-нибудь язычник.

– Я не поеду к своей сеньоре, Лола.

– Ты всё ещё ждёшь Ампаро? Она не придёт, её нет.

– Умерла?!

– Почему умерла? Забыла. И ты забудь. Кто забывает, тот убивает. Она тебя убила, убей и ты её. Не гляди в воду в полнолуние, не оглядывайся назад. Хочешь, я тебе спою?

– Ты разбудишь моего родича, мучача. Он спрашивал о тебе.

– Зачем? – пожалала плечиками хитана. – Он должен спросить о другом, и не тебя. И не сейчас. Мой сеньор хочет песню или он хочет большего?

Ампаро не спрашивала. Она просто танцевала, дразня улыбкой, а теперь забыла. Забыла ли?

– Я не верю тебе, мучача. Если помню я, помнит и Ампаро. У её сына мои глаза, она мне это обещала.

– У твоего сына будут твои глаза, – серьёзно сказала хитана, – клянусь тебе. Оседлать коня?

– Не нужно...

2

Вопреки благим намерениям Хайме проснулся позже всех. Даже не проснулся, а был разбужен Лопе. Гигант-ординарец растолкал молодого человека и, как всегда неторопливо, отправился к лошадям. Хайме потряс головой и выбрался из палатки. Лагерь кипел, словно луковая похлёбка, и шумел, как базар. Мёртвый, и тот бы проснулся, а Хайме был жив и голоден. Юноша провёл пальцем по верхней губе – брить было по-прежнему нечего – и сбежал к озеру. Запримеченный с вечера треугольный камень змеиной головой вдавался в прозрачную воду, на самом краю примостилась глазастая стрекоза. Ещё одна пронеслась мимо, Хайме невольно попытался её схватить. Куда там!

– Вижу, вы уже охотитесь? – волосы Маноло Альфорки слиплись от воды, рубаха была развязана.

– Пытаюсь, – отшутился молодой человек. – Хорошо, что мы нашли, где во время праздников погонять кабанов.

– Ещё бы, – подмигнул Альфорка. – Конечно, на причуды Карлоса глаза закроют, но совсем уж наглеть не приходится. Жаль, тайное рано или поздно станет явным, но эта неделя наша.

Хайме кивнул, разглядывая озеро. Утро выдалось прохладным, и купаться не то чтоб вовсе не хотелось, но хрустальные глубины немного пугали. Стрекозе надоело греться, и она отправилась по своим делам. Вернее, хотела, но оказалась в кулаке Мануэля.

– Вода тёплая, – Альфорка с интересом разглядывал добычу, – по крайней мере здесь, но слева со дна бьют ключи. Ты поосторожней, озерцо не из добрых.

Хайме пожал плечами, но купаться расхотелось окончательно. Хорошо, на береговой тропинке показались всадники на мулах. Вчерашние загонщики! Нашли добычу и вернулись, до купанья ли тут!

– Похоже, нам повезло. – Альфорка жизнерадостно подмигнул собеседнику и подбросил стрекозу вверх. – С пустыми руками они бы не вернулись.

– Ещё бы! – Хайме повернулся спиной к неприветливой воде. – А говорили, дичи мало...

– Эй! – бегущий к берегу Доблехо призывно махал обеими руками, – Живо сюда! Оба!

– Кабан или олень? – усмехнулся Альфорка. – Что скажешь?

– Кабан! – решил Хайме, полагавший клыкастую добычу более почётной.

- Тогда я за оленя! Десять реалов!
- Идёт, – поддержал пари Хайме. – Кто свидетель? Доблехо?
- Себастьян, – не стал ходить вокруг да около Альфорка, – я ставил на оленя, Хайме – на кабана. Кто выиграл?
- Никто, – буркнул офицер, – загонщики нарвались на белолобых. Сотни две, не меньше... Карлос велел идти к нему.
- Лоассцы? – не понял Маноло. – Этим-то что здесь делать?
- А ты как думаешь? – огрызнулся Доблехо.
- Альфорка не ответил, Хайме тоже промолчал. Желания исполнялись стремительно, но замаячившая впереди схватка холодила не хуже подводных ключей.
- Явились? – Карлос быстро обвёл глазами офицеров и шурина. – А у нас тут радость. Негаданная. Повтори, что вы видели.
- Бесноватых. – Загонщик в жёлтой шляпе глядел сразу на Карлоса и на застёгнутого на все пуговицы Лихану. – В колпаках этих... Верхами шли. К Чёртову Зеркалу, больше некуда.
- Брод северней дороги на Сургос, – пояснил дон Луис. – Выше Рио-де-Онсас не перейти, но перед холмами она разливается и теряет норы. Правда, ниже опять скачет...
- Когда белолобые будут там и когда будем мы? – Карлос зачем-то сунул руку в карман, быстро вынул, почти выдернул, и потёр виски. На выпавшегося он походил мало.
- Хаммериане доберутся до Зеркала часа через полтора. – Лихана глянул на старшего де Гуальдо, и тот кивнул. – Нам не обогнать: река изгибается.
- Бесноватые прут напрямую, – горец досадливо поморщился, – чтоб их перехватить, нужно огибать излучину и идти в обход.
- Проклятье! – Альфорка топнул ногой, словно это могло что-то изменить. – Их точно две сотни?
- Не меньше, – Карлос ногами не топал и кулаки не сжимал, – загонщики видели только хвост, голова уже скрылась в зарослях. Их может быть и три сотни, и четыре, и пять. Куда они идут, объяснять?
- В обход гарнизона они идут, – вздохнул Лихана, – иначе не забирали бы так далеко в тылы.
- Праздник решили устроить, – выдохнул Себастьян, – сволочи! Мало им у Сан-Марио было...
- Сегодня Вознесение Пречистой, – напомнил Лихана и поправил шляпу.
- Карлос, где твой полк? – Альфорка все же решил пошутить. – Или хотя бы рота?
- Хватит и гарнизона, – медленно произнёс де Ригаско. – Сеньор де Лихана, сеньор де Гуальдо, вы мне не подчиняетесь, но я вынужден просить вашей помощи. Нужно предупредить командора, а в ваших холмах легко заплутать.
- Леон их знает, – заверил старший де Гуальдо, – и он легче нас всех. К сожалению, мы взяли с собой не самых быстрых лошадей.
- Пикаро – хороший конь, – услышал собственный голос Хайме, – только слегка тугоуздый.
- Леон отличный наездник, – живо откликнулся дон Хулио. – Сеньор де Ригаско, если вы знаете сеньора Хенилью...
- Знаю, – перебил Карлос, – ему нужен приказ, он будет. Хенилья примет меры, кто бы ни привёз письмо.
- А чем займёмся мы? – деловито уточнил Себастьян. – Кабаны могут спать спокойно, но охота, надеюсь, продолжается?
- Выйдем к броду и пойдём по следу. Солдат на белолобых ещё навести нужно... Хайме!
- Да!

– Черт, ты же теперь на чужой лошади... Бласко, поскачешь в обитель. Предупредишь аббатису и заберёшь Инес.

– Хенилья успеет, – вмешался Мануэль, – должен успеть.

– Не сомневаюсь, но Инес отправится домой. Это война, сеньоры. Неужели непонятно?

– Белолобые ещё не Лоасс, – напомнил Себастьян. – Или... Неужели у них королевские знамёна?

– Нет, – мотнул головой Карлос. – Белолобые – факел, который летит в соломенную крышу. Если они дорвутся до монастыря, миру конец. Если не дорвутся, то же самое. Сотен убиенных единоверцев Бутор нам не простит. Не сможет простить, иначе свои же сожрут.

– Кто? – не понял Лихана.

– Те, кто втащил его на трон, превратив королевскую свадьбу в резню, – пояснил де Ригаско, – Виорнская Вдова¹⁶ и маршал Тантí. Господа де Гуальдо, сеньор де Лихана, каковы ваши намерения?

– Я остаюсь, – голос муэнца прозвучал буднично и спокойно. – Только пошлю кого-нибудь передать, что свору сюда приводить не нужно.

Дон Хулио переглянулся с братом:

– Мы заедем в замок. Нам нужно кое-что взять...

– И рассказать отцу и братьям. Мы вас найдём.

– Хайме, – Карлос неторопливо опустился на серый обломок, – познакомь Леона с Пикаро, а я напишу письмо. Дон Луис, расплатитесь с загонщиками... С теми, кто пожелает вернуться. Да, и ваша замечательная свора теперь вряд ли скоро понадобится. Пусть возвращаются... Мануэль, будь другом, проверь пистолеты...

– Проверю, – лицо Альфорки стало лукавым, – так ты собрался следить или всё-таки драться?

– Сперва первое, а затем второе. Неужели ты думаешь, что я предоставлю визитёров Хенилье? Это было бы невежливо.

3

Что за сила раздвинула в незапамятные времена горы, выпустив беснующуюся реку на простор, чтобы милей ниже вновь загнать в каменистую щель? Может, и впрямь чёрт или скорее сам Сатана. Но тогда почему здесь столько света – усыпавшая берег галька, и та слепит глаза белизной... Куда там колпакам развернувшихся в боевое охранение лоассцев. Умело развернувшихся, ничего не скажешь! Лихана не ошибся, хаммериане добрались до переправы раньше и времени зря не теряли.

– Чёрт бы побрал этого черта! – прошипел Альфорка. – Нашёл, где свою образину рассматривать!

– Для своих старался, – шёпотом же откликнулся Себастьян.

Лихана промолчал – шевелил губами, считал переправлявшихся. Хаммериане бойко перебирались через сверкающий плёс, вышколенные кони дюжина за дюжиной разбивали проклятое зеркало, а оно, сверкая, сросталось за их спинами. Обещанные загонщиками две сотни уже переправились, но это было не всё, далеко не всё... У страха на сей раз глаза оказались не велики, а малы: через реку пёр полк, и, судя по тому, как мокрые всадники строились в походный порядок на выровненной все тем же чёртом площадке, полк боевой.

Знамён и кокард не наблюдалось, но сноровка и деловитость говорили сами за себя. Это были солдаты, причём многоопытные, вышколенные и готовые к любым неожиданностям. Правда, всего не предусмотрели и они. Хозяев гости опасались, но заподозрить в груди пере-

¹⁶ Виорнская Вдова – мать Луи Бутора, «королева Виорна» Иоанна.

витых ползучими розами камней тайное убежище не сумели. Или, вернее, проводник сплосхвал. Должен же у них быть проводник, так просто по здешним тропам не побегаешь. Не обошлось и без предателя в городе или в гарнизоне. Наобум лезут иначе, а этот визит готовили, и готовили тщательно...

– Карлос, – окликнул Альфорка, – видишь? На сером...

Плечистый всадник на высокой серой лошади выбрался на ближний берег и неторопливо поправил колпак. За ним, как пришитые, следовали четверо здоровяков. Плечистый развернул коня и поднёс к глазам руку, разглядывая переправу.

– Полагаю, перед нами начальник, – сообщил так и не утративший церемонности Лихана, – вы не находите?

– Нахожу, – пристрелить бы этого начальника, а ещё лучше на пару с проводником, но далеко. Разве что прорубиться, только Инес рано во вдовы, а Леон уже на полдороге к Сургосу. Коннице, если быстро поднимется, нужно часа два, а белолобые отстают от муэнца часа на четыре, не меньше.

– Хвост! – возвестил Маноло. – Давно пора, дьявол их поберит!

– Четыреста восемьдесят два человека, считая начальника. – Лихана, морщась, отполз от щели между камнями, сел и снова поморщился.

– Старые раны? – посочувствовал Себастьян, не имевший обыкновения молчать. Особенно перед дракой.

– Нет, – покачал головой муэнец, – старость и позапрошлая зима... Месяц в развалинах без меховых плащей – это почти казнь.

– Так вы стояли в Сальсá? – оживился Доблехо. – А мы...

– Сейчас мы в Альконье, – напомнил Карлос, – и у нас нет времени для воспоминаний.

– Прошу прощения, господин полковник.

Надулся, нашёл время!

– Ваши слуги смогут прикрыть нам спину? – разрядил обстановку дон Луис. – Ваш ординарец производит впечатление старого солдата, но остальные четверо...

– С какой стороны за наваху хвататься, знают, – да и кто не знает, времена нынче, прямо скажем, весёлые. Адалид и тот бы взвыл. – Здесь, надеюсь, одна дорога?

– Нет. Можно идти берегом до Сургосской дороги, а можно свернуть в холмы и выскочить на тракт ниже Тутора... Если, конечно, им нужен монастырь.

– Бойтесь, что они предпочтут господина Овехуну?

– Боюсь, – признался Лихана. – Что поделаться, когда речь идёт о твоём гнезде, поневоле начинаешь кудахтать.

– Загонщики предупредили горожан, – не очень уверенно произнёс Альфорка, – люди успеют уйти.

– Никуда они не пойдут, – отмахнулся Себастьян, – непуганая дичь не взлетает, а войны в Муэне не видали лет двести.

– Хватит! – прикрикнул Карлос. В Тудоре у него никого не было, но Инья оказалась слишком близко от белого полка. Слишком! – Дон Луис, успокойтесь. К нам пожаловали не грабители, не насильники и не мародёры, а убийцы. Причём опытные. Им нужна обитель...

Сверху конные белоголовые фигурки выглядели мелкими, нелепыми и безобидными. Хаммериане со своими песнопениями, бритыми лицами, колпаками и усами были бы смешными, не будь они страшными. Бедняга Филипп это знал, но решил покататься на драконе. Виорнцы помогли умнику не проиграть войну, а потом маршал Танти предложил скрепить союз хаммериан и мундиалитов браком. Король согласился отдать сестру сыну одержимой Иоанны, а что ему было делать? Только позвать Ротбартов... Волки Миттельрайха перервали б наследникам Хаммера глотку, но что бы осталось от Лоасса?

– Построились, – Лопе тихонько тронул господина за плечо, – сейчас двинутся.

– В холмы наладились, – на скулах Альфорки заходили желваки, – торопятся, черти белолобые! Ничего, Гонсало их приветит.

– Будем надеяться. – Белочешуйчатая змея дрогнула и неспешно поползла прочь от равнодушного Зеркала. Впереди кузнечиками прыгал дозор, вокруг трусили всадники охранения. Всё верно – холмы вдоль дороги нужно прощупывать.

– До главного не добраться. – Доля наблюдателя Маноло явно тяготила. Ещё бы, меткость Альфорки давно вошла в поговорку. – Разве что обогнать и обстрелять. Лучше сверху. Дон Луис, место для засады не подскажите?

– Засады не будет. – Карлос смахнул с рукава какую-то пушинку. Интересно, почему хитаны таскают на груди пёрышки? Надо было спросить Ампаро, да в голову не пришло.

– Ты бы ещё ультиматум им предъявил, – поддразнил стрелка Себастьян, – дождёмся Хенилью, стреляй, сколько душе угодно.

– Глупо ждать, – Альфорка только что не кусался, – я среди белолобых одного в берете приглядел. Похоже, проводник. Вот его бы...

– Обойдётся, – отмахнулся де Ригаско, – незачем их раньше времени полошить.

Куда двинется Гонсало, сразу к монастырю или наперерез? Если поторопиться, гостей можно не выпустить из холмов, но Гонсало никогда не спешит и всё по десять раз проверяет. Значит, это будет монастырская дорога, и дай Боже, чтоб хаммерианам не пришло в голову по пути «проповедовать». На что похожи деревушки и городки после визита «бичей Господних», Карлос не видел, но слышал довольно, чтобы бояться за смешной Тутор, одинокие мельницы, адуар, в котором нет Ампаро и его ребёнка, но есть другие женщины и другие дети.

Лола однажды уже бежала от белолобых. «Здесь вам ничего не грозит...» И кто только за язык тянул?! Выходит, не ждать? Броситься на дракона с вилкой? Четверо вояк, Лихана с большой спиной, дуралей Хайме и слуги с увязавшимися загонщиками... Это даже не смешно, хотя прикончить главаря с проводником можно. Если повезёт. Только потом не будет ничего – ни Инес, ни войны, ни ночного озера с его снами...

– Спокойно, – медленно произнёс де Ригаско, – пока от нас мало что зависит, но господ хаммериан мы проводим. Хенилья должен знать о них всё.

Глава 4

1

Сеньор Хенилья и в обычный-то день казался застывшим, а узнав про белолобых, и вовсе закаменел. Леон командора не торопил – слишком устал. Хорошо, конь герцогского родича и впрямь оказался отменным: другой бы уже десять раз упал, а Пикаро бежал. Конюх обещал поводить беднягу, но вот поводит ли?

– Пить хотите? – Хенилья кончил буравить взглядом увешанную оружием стену и уставился на дурного вестника. – Садитесь.

– Спасибо, – Леон рухнул в кресло прежде, чем сообразил, что отдаст за кружку воды половину оставшейся жизни, – пить я хочу.

– Так пейте! – Хенилья сам плеснул в высокий кубок чего-то красного. Вина, но сейчас уже можно. – И расскажите все подробно. Полковник де Ригаско слишком краток, что, учитывая случившееся, объяснимо. Не бойтесь, не опоздаем.

– Я не боюсь, господин командор. – Как трудно оторваться от вина, но от воды было бы труднее. – Хаммериане сейчас или уже переправились через Рио-де-Онсас, или вот-вот переправятся. Если выступить немедленно...

– Мы выступим, как только капитанов вытащат из таверны и оседлают коней. Вы лично видели хаммериан?

– Их видели загонщики. Ошибиться они не могли.

– А солгать? – подался вперёд Хенилья. – Будь это люди полковника де Ригаско или хотя бы ваши доверенные слуги, я бы не сомневался, но весть принесли горожане. Вы их раньше видели?

– Нет, но сеньор Лихана их, кажется, знает...

– Лихана – странный человек. – Командор задумчиво пожевал губами. Точно так же он жевал прошлым летом, когда привёзший письмо деда Леон в первый и последний раз был в этом кабинете. – Лично я не знаю, почему дон Луис осел в Туторе, если он может жить в более приятном и приличествующем его положению и здоровью месте. Скажу больше. Появление этого человека рядом с герцогом де Ригаско вызывает у меня определённые сомнения.

– Мой отец и мой дядя там тоже появились. – Пустой кубок мешал, и Леон, поколебавшись, поставил его на стол. – Сюда идут хаммериане, сеньор Хенилья. Идут убивать.

– Или не идут, – уточнил командор, – впрочем, значения это не имеет. Нужно ехать. Если никаких хаммериан нет, придётся заняться загонщиками и сеньором Лиханой. Если есть, отправить еретиков к Дьяволу, который их и породил.

– Они есть. – Выдержать чужой пристальный взгляд было непросто, но скачка через раскалённую Муэну прикончила все страхи, кроме одного – опоздать.

– Возможно, – на этот раз Гонсало Хенилья наполнил два кубка, – и всё же я предпочёл бы говорить с непосредственным свидетелем вторжения.

– Свидетели ездят на мулах, а хаммериане на лошадях. Их не менее двух сотен.

– Если они вообще есть, их будет не меньше полка, – буркнул командор, разворачивая свиток, оказавшийся картой. – Какой дорогой вы ехали? Через Тутор?

– Нет, через холмы. Так быстрее.

– Кого-нибудь встретили?

– Нет.

– Ваше счастье. Лоассцы, не оглядевшись, голову в петлю не сунут, особенно эти... Кто-то должен был проследить за гарнизоном и дать знать, что путь свободен. И этот кто-то, надо полагать, воспользовался короткой дорогой. Вашей дорогой. Мы пойдём ей же.

– В холмах коротких дорог много. – Какое мягкое кресло, но придётся вставать и идти. Хуже, чем идти, – лезть в седло. Всё начнётся сначала – стук копыт, жара, разноцветные круги перед глазами, жёсткая от высыхающего прямо на тебе пота рубаха...

– Я готов, – выдавил из себя Леон, – но мне нужна свежая лошадь.

– Она у вас будет. – Командор усмехнулся впервые за время разговора. – Даю вам час, молодой человек. Отдыхайте и наслаждайтесь жизнью, пока можете. За вами придут.

– Благодарю вас, дон Гонсало.

– Благодарить надо вас. Никогда не думали вступить в армию? Я бы вас взял.

– Де Гуальдо не покидают Альконью. – Но как же хочется покинуть и стать капитаном, командором, маршалом, наконец! Родственник де Ригаско наверняка станет, а ты сиди в своих предгорьях, куда после сегодняшнего никто не сунется ещё лет сто!

– Я слышал о вашем семействе и не смею настаивать. Жаль, из вас бы получился хороший офицер. Я редко кому это говорю.

2

Если в здешних предгорьях что и было хорошего, то это тень и несколько попавшихся на глаза родников. Альконья защищала от солнца всех своих гостей, с чем бы те ни явились, и ещё вопрос, кто был ей приятней – замахнувшиеся на местных тварей охотники или чужаки.

Хаммериане не собирались проливать кровь на заповедном берегу, они вознамерились пролить её дальше. Альконья могла спать под горячим предосенним солнцем, что она и делала. Не шумела тёмная жёсткая листва, молчали отпавшие и оторвавшие по весне птицы, попрыгало по своим убежищам зверьё. Послеобеденная одурь обошла лишь ящериц да мелькавших сквозь разрывы в пропылённой усталой зелени коршунов. И ещё она не тронула людей в колпаках, грязно-белым потоком струившихся каменистой дорогой. Это над ними скользили падальщики, дожидаясь поживы. И как только догадались?

Пильо испуганно фыркнул и попятился. С причудливо изогнувшейся коряги стекла внушительная желтоголовица, тускло сверкнула возле обмотанных обрывками плаща копыт и юркнула под камень. И вновь ничего и никого. Лишь отдалённый цокот чужих подков да назойливое гудение и стрекот всякой летучей мелочи. Два отряда, большой и крохотный, тонули в часах и минутах, как в сонной озёрной воде. Где-то за очерченным коршунами кругом просили Пречистую о ребёнке сотни женщин, садились на коней солдаты Хенильи, прятали нехитрый скарб обитатели Тутора. Они были, и их не было...

– Сеньор, впереди прогалина. Этих... видно, как на ладони. Глянете?

– Гляну! – Карлос, словно очнувшись, уставился на хмурого Лопе. Великан был таким, как всегда. – Ну и духота... Не поймёшь, то ли лоассцы и впрямь здесь, то ли снятся.

– Тут они, уроды белолобые, – заверил ординарец, – а вы б лучше шляпу надели. Лес лесом, а голову печёт.

– Нет у меня шляпы, – признался де Ригаско, – потерялась.

Такое с ним бывало, особенно перед боем. Судьба требовала дани и получала её позабытым плащом, пустым желудком, лопнувшим не ко времени ремнём. Карлос де Ригаско был суеверен, как любой солдат, и знал, что пакость своё возьмёт. И лучше ерундой, чем кровью.

– Потерять шляпу – к удаче! – с готовностью объявил Лопе. Ординарец знал своего господина, как облупленного. Ещё б не знать вздорного мальчишку, в один прекрасный день влезшего на самого строгого жеребца в конюшне... Шрам остался до сих пор памятью о наглости и удаче. И о том, как отец велел стереть кровь и идти на барьер. На своей лошадке. До строптивного жеребца дело дошло через два года...

– Дьявол и все его мухи! – подъехавший Альфорка от злости разве что искры не пускал. – Ну почему эти твари так далеко?

– Объяснить? – предложил не отстававший от приятеля Доблехо. – Или сам догадаешься?

– Не догадаешься, Хайме спроси, – посоветовал Карлос, – или Хенилью, когда явится. Он тебе объяснит. В подробностях.

– Спасибо, не надо, – поблагодарил Маноло и погладил пистолет, – у него курок чешется.

– Так почеси! – не выдержал де Ригаско, притворяясь, что считает давно пересчитанных хаммериан. Белолобые шли уверенно и деловито. Проводник проводником, но без глаз в Сургосе не обошлось. Кто-то заверил гостей, что их не ждут, и этот кто-то вряд ли был чужаком.

– Карлос, – раздалось под ухом, – Карлос!

Герцог рывком обернулся, но это был всего лишь Хайме.

– А ты что тут делаешь? Твоё место с Лиханой и загонщиками.

– Господин полковник! – отчеканил обиженный родственничек. – Сеньор Лихана велел доложить, что к нам присоединились господа де Гуальдо во главе с бароном. Числом семеро. С ними отряд из числа слуг, числом шестнадцать, и вьючные лошади, числом семь.

– Числом, говоришь? – усмехнулся Карлос. – Очень мило с их стороны. Что-нибудь ещё?

– Нет, господин полковник, – начав дуться, Хайме становился краток и деловит. Вот и славно.

– Передайте господам де Гуальдо мою благодарность, но они зря беспокоились. Хенилья подойдёт через два или три часа. Впрочем, при желании они могут принять участие в охоте. В какой-нибудь из охот...

3

Ветер дул с гор, дул неистово, будто задавшись целью отбросить от усталой крепости вонь чуждого лагеря. И так же неистово билось в звёздном небе ставшее чёрным знамя, словно хотело что-то сказать, объяснить, предупредить... Утро вернёт миру краски, и с лазоревго полотнища вновь глянет золотая яростная птица. Что она увидит? Доживёт ли до нового вечера или захлебнётся кровью вместе с безумцами, сказавшими «нет» тем, кто не знает такого слова...

– Мой сеньор, что с вами?

Звёзды заволакивает дымом, губы солоны от крови, но ветер всё ещё рвёт тёмное полотнище. Его не спустят, пока жив хоть один...

– Мой сеньор!

Что-то кисловатое и холодное смывает соль с губ, мгла рассеивается. Ночь давно прошла, над головой белёсое, обжигающее небо, но кровью и пылью пахнет всё равно. А знамя?! Где знамя и почему он лежит?

– Я ранен? Был штурм?

– Вы упали, мой сеньор. Ваш конь оступился и сломал ногу.

Он куда-то ехал? Невозможно! Крепость обложена так, что ласке не выскочить, но если он всё же выбрался, почему за ним не гнались и где письмо?! Он вёз письмо...

– Где письмо?

– Не знаю, мой сеньор. Я помогу вам сесть. Я смотрела, кости целы. У вас, не у коня.

– Но я должен ехать! Мне надо... – А куда он едет и почему так жарко? И так светло? – Где мы?!

– Возле Сургоса, мой сеньор. Вы ехали на праздник?

Сургос? Он слышал это слово или оно ему снилось? Конь покалечился, придётся идти пешком хотя бы до Сургоса. Он не может здесь валяться, нужно идти... Нужно доставить письмо!

– Помоги мне!

– Сейчас, мой сеньор.

Девушка. Из простых... Босая... Проклятые круги перед глазами, никак не разглядеть лица. Все кружится...

– Они ушли? Где они?

– Кто? – Овальное пятно цвета слоновой кости обрамлено дымом, в дыму что-то краснеет. Кровь? Нет, это цветок в волосах, в чёрных волосах, но это неправильно... Неправильно всё!

– Выпейте, вам будет легче!

Снова дешёвое кислое вино пополам с водой. Бледное пятно превращается в лицо – юное и встревоженное. Дешёвые серьги, спутанные кудри, пёрышко на шее.

– Ты хитана?

– Да, мой сеньор. Я шла на праздник, сегодня большой праздник... Сеньор искал письмо? Вот оно... Оно помялось!

Грязный надорванный лист, смазанная печать... Половина леопарда с крестом и надпись «...гаско». Что она значит? Что-то заливаает глаза, но он не ранен, иначе б хитана измазалась в крови. К горлу подступает комок, звон в ушах становится нестерпимым.

– Ты умеешь читать?

– Нет, мой сеньор.

– Ты видишь, я открываю это письмо. Я прочту его вслух. Ты запомнишь?

– Я запомню.

Глава 5

1

Высоченный лохматый хитано протянул руки ладонями вперёд, а потом неторопливо скрестил их на груди. Непонятный гость был выше и Лопе, и старших де Гуальдо, не говоря о самом Карлосе, смотревшем на появившегося из зарослей бородача снизу вверх.

– Мы пришли к вам, – спокойно сказал хитано.

– Вы? – не понял де Ригаско, – Зачем?

– Праздник, – холодно произнёс гость, – слишком много женщин. Бесноватые хотят крови. Мы – мужчины, у нас есть навахи.

– Постойте! – Сеньор Лихана отстранил потащившего из ножен шпагу Себастьяна. – Это Мигелито, вожак здешнего адуара. Хитано пришли ещё при моем отце и остались... Мигелито, как ты узнал? Где Хенилья и его солдаты? Ты их видел?

– Солдаты в казармах, – Мигелито был немногословен, – офицеры в таверне, за ними пошли. Антоньито пошёл, а Хенилья в городе нет.

– Дьявольщина! – Себастьян топнул ногой, словно желая пробить покрытый трещинами камень. – И куда этого ящера унесло?!

– Командор уехал, – повторил хитано, – он и десять солдат. Их видели, а ваш человек разбился. Лошадь упала, её не поднять. Выбоина и неудачный день. Не нужно садиться в седло, не нужно брать нож...

– Он жив хотя бы? – Карлос с тревогой оглянулся на старшего из де Гуальдо.

– Конь упал по вине моего внука? – соизволил изречь патриарх. – Если это так, его стоимость будет возмещена.

Карлос провёл рукой по лбу, переводя взгляд с лица на лицо. Маноло с Себастьяном, старик в допотопных одеждах, его до одури похожие сыновья и внуки, лохматый хитано, растерянный Хайме... Люди замерли среди рыжих, пронизанных солнцем стволов, словно сами стали деревьями.

– Леон де Гуальдо жив? – Время потеряно безвозвратно и глупо, а как просто было отправить двоих. Того же Хайме на Пильо, да что теперь за ветер хвататься, тем паче ветра-то как раз и нет.

– Гонец жив, – разжал губы хитано, – я оставил его с женщинами. Письмо повезли в город, но мы не стали ждать. Гонец сказал, вы идёте от брода вдоль дороги. Нас три десятка. Все, кто шёл в Сургос. Мы вели коней и шли танцевать, мы повернули.

– Спасибо, Мигелито. – Три десятка хитано с навахами и кнутами, дюжины полторы горцев, столько же загонщиков со своими мулами... Вот тебе и полк, счастливчик де Ригаско, а крепости или хотя бы бастиона тебе не построили. Ты сам теперь крепость. Ты и эти люди, большинство которых видишь первый и, очень может быть, последний раз. По крайней мере на этом свете.

– Сеньор Лихана, – уточнил де Ригаско, – я правильно понимаю, что хаммериане будут у монастыря раньше солдат, даже если офицеры гарнизона рискнут выступить, не дожидаясь командора?

– Капитан Бертильо рискнёт, – голос муэнца был не менее ровен, чем голос герцога, – я его хорошо знаю. Бертильо ранили под Сан-Марио на моих глазах. После выздоровления его перевели в Сургос. Он не станет мешкать и пойдёт галопом... Солдаты могут успеть, особенно если хаммериане... отвлекутся.

– То есть? – Себастьян опять тербит перчатки, дурацкая привычка. – По дороге же ничего нет, Тутор ведь не тронут? Уже не тронули.

– Дальше – адуар, сеньор Доблехо, – объяснил Лихана, – а ещё гостиницы для паломников и лагерь тех, кому гостиницы не по карману. Грабить нечего, но хаммериане не грабят. Они, как бы это сказать... ересь искореняют.

– Мы знаем, – прорычал Альфорка, – видели!

– Прошу прощения.

Муэнец замолчал, и разговор оборвался. Вот так и бывает – трещина в камне, немного глупости, и всё летит в тартарары. Гонец валялся без памяти, а хаммериане шли вперёд, минуя место за местом, где можно было их придержать, отступив затем к следующей узости. Четыре задержки, и Хенилья бы успел. То есть не Хенилья, а какой-то капитан, воевавший вместе с Лиханой и получивший на старости лет тёплое местечко. Только тёплое вдруг стало горячим! Муэну защищает Пречистая Дева... В Муэне нечего бояться ни паломникам, ни хитано...

– «В Виорне больше не пляшут, а поёт лишь та, что вечно косит...»

– Ты о чём? – Маноло не понял, а ты сам понимаешь?

– Ни о чём! – Лола избежала хаммерианских лап в Виорне, повезёт ли девочке снова? Хитана сказала, что идёт в город, её не будет в адуаре. В праздник палатки стерегут старики да детишки... Ампаро там тоже нет, нет и твоей дочери или сына, а Иньиту Бласко давно увёз. Два коня в один день ноги не сломают...

– Сеньоры, прошу подойти ближе. Нам следует обсудить наши действия.

Подожли. Встали. Дон Луис держится за эфес, Себастьян зачем-то задрал голову и сразу же опустил, Маноло морщит нос, сейчас чихнёт, у Хайме горят глаза, хитано наклонил голову, старик де Гуальдо смотрит на детей и внуков, словно пересчитывает. Он привёл всех или кто-то остался в замке? В странном замке, как сказал Лихана.

– У нас есть выбор, – на самом деле его нет, по крайней мере нет у тебя и Мигелито, – мы можем уйти, а можем задержать хаммериан своими силами. Сколько сможем, столько и задержим, а дальше... Господу виднее.

2

Проводника звали Хиронимо, но Матье Лабри звал его Жеромом. Онсиец терпел – пять сотен золотых: две у перевала, три у монастыря – своё дело сделали. Жером казался надёжным, и все же Лабри предпочёл бы подкупленному еретику собрата по вере. Увы, к югу от Сьерра-де-Онсас все тонуло в папистском мраке¹⁷, что не мешало пособникам дьявола воевать, и воевать неплохо. Лабри досадливо дёрнул головой, та не замедлила откликнуться тупой болью, напоминая о старой ране и о том, что самая спокойная дорога может вести в ловушку. Если они до сих пор не встретили солдат, это не значит, что встречи не случится вообще, а проводник и его пока неведомый свояк не окажутся предателями.

– Жером, когда мы выберемся из этой ловушки?

Проводник оглядел похожие друг на друга и на столпившихся серо-зелёных ежей горы и неторопливо объявил:

– Через час, сеньор. Да вы сами увидите. Холмы на север сдадут, а нам – на восток.

– Ты уверен в своём родственнике?

– А куда он денется? – удивился онсиец и замолчал. Болтуном он не был, что не могло не радовать. Простучали копыта – подъехал граф Крапу́ и сообщил, что петляние по запутанным тропам ему порядком надоело.

¹⁷ Паписты – презрительное именование мундиалитов сторонниками реформаторских церквей.

– А вы, я вижу, рассчитывали на парад? – поморщился Лабри, глядя на украшенные тонкой вышивкой графские перчатки. Хорошо, не золото, но дойдёт и до этого. Роскошь и похоть – оружие дьявольское, а девка Дорифо не просто хороша, как десяток суккубов. Шлюха умна, недаром она дочь проклятой ромульянки!¹⁸ Королева надела белый чепец, но рубашки у неё шёлковые, а Луи падок на женщин. Слишком падок для достойного государя...

– Я рассчитывал и рассчитываю на успех, полковник, – Крапу и не подумал отвести взгляд. Любимчик короля слишком быстро позабыл, кто превратил молодого Бутора из жениха Дианы Дорифо в повелителя Лоасса. Хочется верить, у самого Луи память длиннее.

– Господь нас не оставит, – желание отхлестать наглеца по щекам было острым до мучительности, но Лабри в очередной раз сдержался. – Но раз вы проявили беспокойство, ведите колонну. Дорогу покажет Жером.

– Слушаюсь, полковник! – почтительные слова и насмешка в глазах. Луи такой же. Маршал считает, это пройдёт. Во время войны. Значит – да здравствует война, и смерть папистам!

Лабри придержал жеребца, пропуская колонну мимо себя. Солдаты шли рысью, в хорошем порядке, никто не отставал, ни у кого не захромала лошадь, все были должным образом вооружены и одеты. Братья по вере, не раз проливавшие за Господа свою и чужую кровь, они были готовы к тому, что предстояло. Ветеран пяти войн, воин до мозга костей, Лабри мог по праву гордиться своим отрядом, и он им гордился. Собой полковник тоже был доволен – подобрать людей для столь важного дела непросто, но он не ошибся ни в ком. Недельный марш через горы это подтвердил.

Нахлынувшее раздражение понемногу стихало, уступая место уверенности, что приказ маршала Танти будет выполнен с блеском. Нельзя позволять королю заключать мир с еретиками, нельзя оставлять молодёжь без дела. Праздность для души человеческой страшнее вражеских армий и злее чумы. Не зря Господень Молот¹⁹ называл безделье ржавчиной, разъедающей железо, и гнилью, подтачивающей стропила...

Сухие знакомые хлопки донеслись из-за очередного холма, за которым скрылся авангард. Привычные ко всему ветераны не поёрли вперёд и не заметались, как бараны, а замерли, ожидая приказа. Солдаты своё дело знали, как и офицеры. Капитан Пивонé обернулся и поднял руку, Лабри кивнул. Вооружённые лучшими виттскими аркебузами стрелки стремительно спешили и рассыпались по сторонам, беря на прицел ближайшие склоны. Остальные ждали, стискивая рукояти шпаг и беспокойно оглядываясь.

Новый залп не заставил себя ждать, его слитность и мощь подсказывали – бьют свои, авангард. В ответ раздалось несколько разрозненных выстрелов. Лабри неторопливо поправил пороховницу, погладил коня и шагом направился в голову колонны. Пусть видят, что ничего особенного не произошло. Полдюжины стрелков в холмах – не повод махать руками и скакать галопом, но кто же всё-таки стрелял? Гарнизонный дозор, кознями дьявола оказавшийся на дороге? Или, того хуже, засада? Задержали в этой узости и сейчас окружают колонну, чтобы обрушиться сверху? Если Крапу с его перчатками не озаботился проверить, ему будет очень невесело. Очень.

Крапу озаботился. Не успел полковник обогнуть предательский холм, как прискакал молодой Шетэ и доложил о том, что авангард обстрелян.

– Сколько их, Роже? – для порядка уточнил Лабри, не столько желая знать, сколько проверяя графа.

– Пять или шесть аркебуз и несколько арбалетов. Солдаты стали стрелять в ответ, а двадцатка сейчас обходит засаду.

¹⁸ Ромульянка – Ануниата Рисанатóри, мать последнего короля из династии Дорифо и фактическая правительница Лоасса. Происходила из богатой и знатной ромульянской семьи. Была особо ненавистна хаммерианам.

¹⁹ Господень Молот – одно из именовании Томаса Хаммера, употребляемое его последователями.

– Потери есть?

Сын покойного друга нахмурился:

– Убит один, и ранено двое. Господин полковник, мне очень жаль, но ранен проводник.

– Тяжело?

– Боюсь, да.

То, что вырвалось из уст полковника, вряд ли бы понравилось пастору, но тот отвечал всего лишь перед Господом, а Матье Лабри ещё и перед маршалом. Мальш Шетэ потупился, словно был виноват. Матье потрепал его по плечу и, плюнув на осторожность, поскакал к авангарду.

Жером лежал на земле, рядом скрючился солдат, над которым хлопотал Дени-мясник, лет десять подменявший убитых или сбежавших врачей. Крапу и двое офицеров замерли возле мёртвой лошади, вглядываясь в молчащие заросли. Громко, словно перед грозой, трещали цикады.

– Откуда стреляли? – осведомился Лабри. Крапу носил поганые перчатки, лез не в своё дело и слушал не маршала и мадам Иоанну, а Луи, но в том, что случилось, был неповинен.

– Оттуда. – Граф махнул рукой и поморщился, на колете расплылось тёмное пятно, которое могло означать лишь одно.

– Вы ранены?

– Царапина... Стрелки удрали, не дожидаясь, пока их окружат. С другой стороны холма их ждали лошади. Сержант Клеро нашёл следы.

– Куда смотрел боковой дозор? Они вообще живы или нет?

– Неизвестно. Донесений от них не поступало. Я отправил на поиски Мату́. Дал ему два десятка солдат и отправил...

Всё верно и держится молодцом, но от царапины таких пятен не бывает.

– Покажите рану!

– Она перевязана, – запротестовал Крапу, – мне бы не хотелось вновь снимать и надевать колет. Клянусь честью, ничего страшного! Бок задело.

– Вам виднее, – напросившийся в поход граф не так плох, как казалось, а от вышивок и оборок война отучит. – Что с проводником?

– Две пули. В плечо и в грудь. На ладонь ниже сердца... Я мало в этом разбираюсь, но...

Лабри разбирался лучше, но толку от этого было немного. Опыт подсказывал, что больше Жерому никого через горы водить не придётся. Вздох Мясника лишь подтвердил неутешительный вывод.

– Час протянет, – объявил самозванный лекарь, бросая наземь что-то измазанное в крови и вырывая у стоящего рядом солдата кусок полотна, – ну да все там будем, а этому ещё повезло! За святое дело прибили, так что спасётся... Да не дёргайся ты! Будешь подыхать, скажу...

Мясник колдовал над солдатским предплечьем, а проводник глядел вверх, на зависших над отрядом коршунов, и было их до странности много. Ничего, лошади да пары двуногих для начала хватит, а потом могут лететь к монастырю. Лабри перешагнул через ещё живого Жерома и нагнулся над лежавшим чуть дальше мертвецом. Ему не почудилось – в шее покойника торчал арбалетный болт. Такой же швырнул в пыль Мясник.

– И здесь тоже. – Догадливый Роже тронул сапогом труп лошади. Бедная животина получила две пули и болт. – По проводнику били.

Нужно было надеть на онсийца плащ и колпак, ну да все мы задним умом крепки. Уповайте на Господа и готовьтесь к худшему, но болты... Два из трёх – грубая деревенская работа. Ополченцы?

Вверху зашумело, раздались голоса и шаги, шорох осыпающихся камешков.

– Господин полковник, вернулся Мату. Они встретили дозор, все целы.

– Вижу.

Ни убитых, ни раненых, но морды кислые. Боятся если не Господа, то полковника. И правильно боятся.

– Говорите. Быстро и самое главное.

– Парням не повезло, – закрыл грудь провинившихся Мату, – пришлось обходить склон... Я там был, по откосу в самом деле не пройти. Выстрелы раздались, когда дозор был по ту сторону гряды. Пока повернули, пока карабкались вверх, еретики успели уйти, но их удалось разглядеть. Это не военные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.